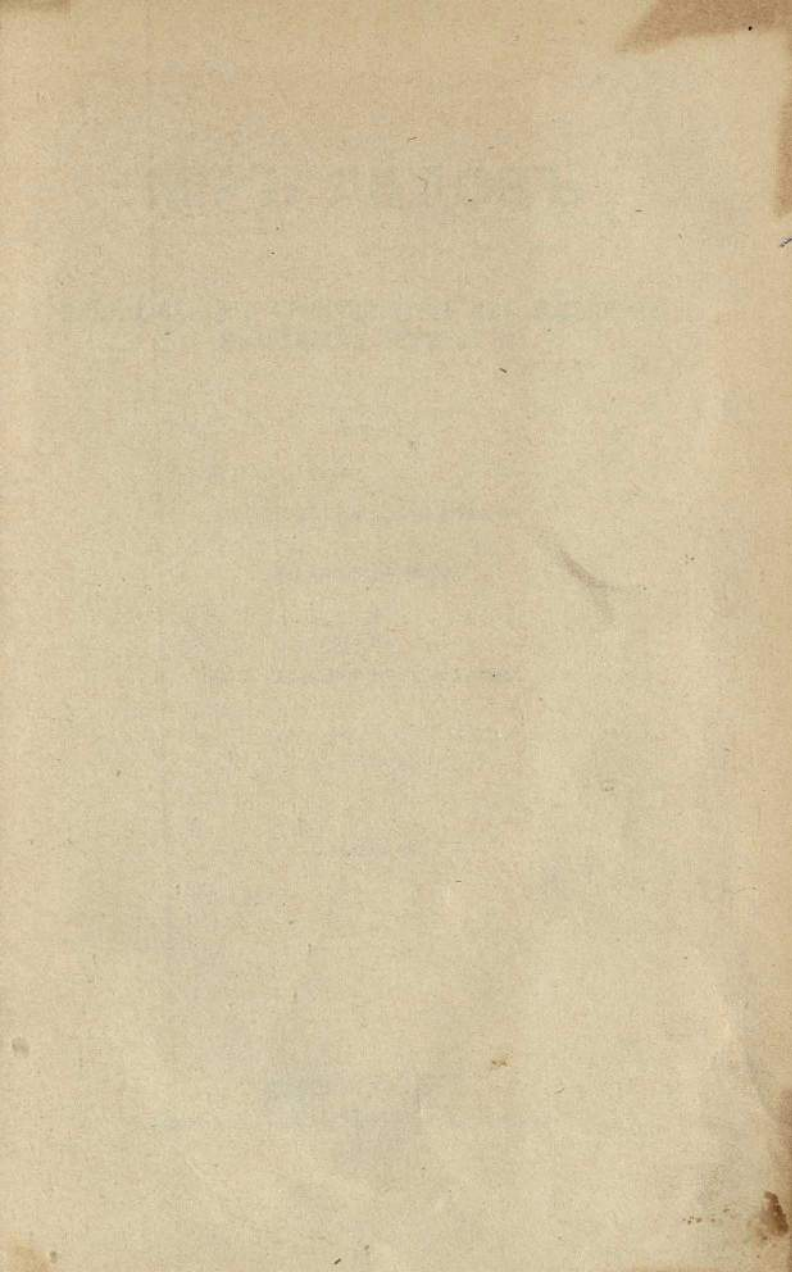
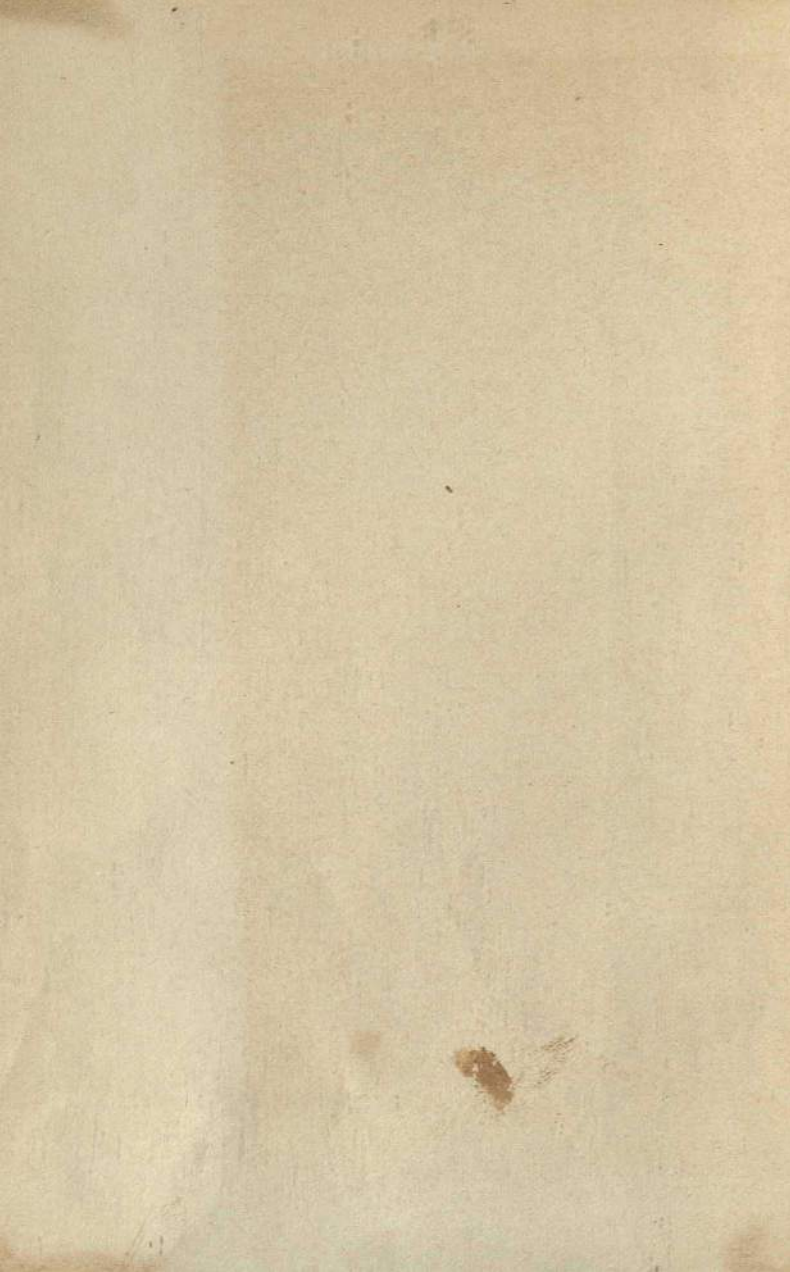

M 45
54

1145

Карушова
наименовал ер

МІРЪ ЛЬДОВЪ

ПРИКЛЮЧЕНІЯ И ПРОИЗШЕСТВІЯ ИЗЪ ЖИЗНИ ВЪ
ПОЛЯРНЫХЪ СТРАНАХЪ.

ПЕРЕВЕДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО

ПОДЕРЕВСКІЙ.

СЪ КАРТИНАМИ

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНИЕ АЛ. ЗАЛЕНСКАГО И ЕВ. ЛЮБАРСКАГО.

1866.

Дозволено Цензурою. С.-Петербургъ, 19 декабря 1866 г.

2007334434

ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. ТИВЛЕНА И КОМП. (Н. НЕКЛЮДОВА).

Вас. Остр., 8 л., № 25.

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
ГЛАВА I. Нѣкоторые изъ дѣйствующихъ лицъ.— Нѣсколько словъ о предшествовавшихъ событіяхъ.— Дѣтство нашего гѣроя на морѣ.—Пиратъ.—Страш- ная битва и ея послѣдствія.—Боззби ставитъ свой румпель по срединѣ корабля.—Корабль отправляет- ся на китовую ловлю	1
ГЛАВА II. Отплытіе «Полярной Звѣзды» въ Ле- довитыя моря.—Основательныя разсужденія мис- трисъ Брайтъ и проницательныя замѣчанія Боззби.— Безпокойство, опасенія, догадки и рѣшеніе.—Иза- белла.—Предположеніе поисковъ.—Отплытіе «Дель- фина» на далекій сѣверъ	22
ГЛАВА III. Путешествіе.—«Дельфинъ» и его эки- пажъ.—Лдины передъ носомъ.—Полярныя карти- ны.—Виды съ верхушки мачты.—Первый китъ.— Необыкновенный восторгъ	32
ГЛАВА IV. Китовая ловля и сраженіе.—Удача и опасность борьбы.—Боззби ныряетъ и этимъ спа- сается.—Китъ ныряетъ и умираетъ.—Безпокойная ночь кончается благополучно, хотя съ большой по- терей	46

- ГЛАВА V. Различныя размышленія. — Гренландскій берегъ. — Уппернавикъ. — Извѣстія о «Полярной Звѣздѣ». — Полночный день. — Научные факты и волшебныя картины. — Мнѣніе Тома Синглетона о бѣдныхъ старыхъ женщинахъ. — Опасность быть раздавленными. — Спасеніе 58
- ГЛАВА VI. Вѣтеръ. — Корабль прикрѣпляется къ ледяной горѣ, которая измѣняетъ ему. — Опасность со стороны «скопленія льдинъ» («Pack»). — Мивинсъ обнаруживаетъ пытливость. — Моржи. — Вѣтеръ усиливается. — Цѣпи и канаты. — Борьба за жизнь. — Неожиданное открытіе. — «Сдавленіе» («sipping») и его ужасныя послѣдствія. — Корабль пристаётъ къ ледяной горѣ 75
- ГЛАВА VII. Новые дѣйствующіе лица. — Старая игра при новыхъ обстоятельствахъ. — Замѣчательныя явленія на небѣ. — Съ О'Рилеемъ случается несчастье . 93
- ГЛАВА VIII. Фредъ и докторъ отправляются на экскурсію, гдѣ, между другими рѣдкостями, встрѣчаютъ красный снѣгъ и бѣлаго медвѣдя; Фредъ дѣлаетъ первый опытъ охоты 109
- ГЛАВА IX. «Дельфинъ» затирается льдомъ. — Приготовленіе къ зимовкѣ въ льдахъ. — Кодексъ законовъ капитана Гай 123
- ГЛАВА X. Начало зимы. — Митэкъ производитъ замѣчательное измѣненіе въ костюмахъ экипажа. — Собираніе мха и работы на кораблѣ. — Приготовленіе къ зимовкѣ 138
- ГЛАВА XI. Охотничья экспедиція, во время которой охотники встрѣчаются со многими любопытными, опасными, замѣчательными и новыми предметами, и знакомятся съ тюленями, моржами, оленями и кроликами 155

- ГЛАВА XII. Прерванный опасный сонъ.—Ночлегъ въ
снѣжной хижинѣ и незванный гость.—Хижину за-
носить снѣгомъ 173
- ГЛАВА XIII. Охотники продолжаютъ путь.—Встрѣча
съ медвѣдемъ и большая битва съ нимъ, въ кото-
рой собаки претерпѣваютъ сильное пораженіе.—
Обѣдъ медвѣдя.—О томъ, какъ передвигаются ска-
лы въ арктическихъ странахъ.—Ледяной поясъ . . 189
- ГЛАВА XIV. Исчезновеніе солнца.—Дѣйствіе темноты
на собакъ.—Приготовленія къ зимѣ внутри «Дель-
фина» 201
- ГЛАВА XV. Появленіе иностранцевъ.—Моряки госте-
пріимно принимаютъ эскимосовъ.—Оживленный об-
мѣнъ.—Воровскія наклонности и короткая расправа. 213
- ГЛАВА XVI. Арктический театръ.—Большой успѣхъ
перваго представленія.—Эскимосы покоряются и
дѣлаются друзьями 235
- ГЛАВА XVII. Отправленіе на охоту пѣшкомъ.—Дѣй-
ствіе темноты на собакъ и на людей.—Первый
смертный случай.—Охотники нападаютъ на слѣдъ.—
Эскимосское поселеніе 256
- ГЛАВА XVIII. Партія охотниковъ.—Безпечная ѣзда.—
Отчаянная битва съ моржемъ и пр 272
- ГЛАВА XIX. Партія, отправившаяся на сѣверъ.—Спа-
сеніе отъ гибели и великое открытіе.—Опять эски-
мосы, и пріятная неожиданность 284
- ГЛАВА XX. Продолженіе.—Взаимныя объясненія.—
Истинный утѣшитель.—Новый годъ 297
- ГЛАВА XXI. Первый лучъ свѣта.—Поѣздка, съ цѣлью
привѣтствовать солнце.—Медвѣди и странное откры-
тіе.—Безстрашіе О'Рилея.—Первый видъ солнца . 306
- ГЛАВА XXII. «Арктическое Солнце».—Крысы, крысы
и крысы.—Охота.—На льдинахъ.—Лишенія . . . 315

- ГЛАВА XXIII. Неожиданные пришельцы.—Экспедиція
для отысканія пропавшихъ.—Успѣхъ ея и возвра-
щеніе на корабль 326
- ГЛАВА XXIV. Конецъ зимы. — Первое настѣкомое. —
Приготовленія къ отплытію. — Опа сность и спасе-
ніе.—Прорубливаніе прохода. — Корабль снова на
ходу.—Пожаръ на кораблѣ.—Экипажъ садится на
шлюпки 337
- ГЛАВА XXV. Счастливое прибытіе въ Упперनावикъ.—
Письмо изъ дому.—Бабушка Митэка.—Опять Домпсъ
и Покеръ. 350
- ГЛАВА XXVI. Возвращеніе.—Удивленіе.—Слова и дѣ-
ла Боззби. — Разсказъ. — Возобновленіе борьбы. —
Заключеніе 359
-

МІРЪ ЛЬДОВЪ.

ГЛАВА I.

Нѣкоторые изъ дѣйствующихъ лицъ — Нѣсколько словъ о предшествовавшихъ событіяхъ. — Дѣтство нашего героя на морѣ. — Пиратъ. — Страшная битва и ея послѣдствія. — Боззби ставитъ свой румпель по срединѣ корабля. — Корабль отправляется на китовую ловлю.

Никому никогда не удалось застать Джона Боззби спящимъ. Лисица самый чуткій звѣрокъ, не можетъ сравняться съ нимъ въ чуткости. Гдѣ бы ему ни случилось быть (а въ продолженіе своей обильной приключеніями жизни, онъ побывалъ почти во всѣхъ краяхъ извѣстнаго свѣта), онъ просыпался раньше всѣхъ, и позже всѣхъ засыпалъ. Онъ всегда тотчасъ отвѣчалъ на первый зовъ, и никто не могъ припомнить, чтобы когда-нибудь видѣлъ его съ закрытыми глазами, развѣ когда

онъ мигалъ, да и это онъ дѣлалъ рѣже, чѣмъ всякій другой.

Джонъ Боззби былъ настоящій морякъ старой школы, на морѣ родившійся и выросшій. Онъ извѣдалъ безчисленное множество иноземныхъ портовъ; выдержалъ столько бурь, что и считать не могъ, и видѣлъ столько замѣчательныхъ видовъ, что не могъ удержать всѣхъ въ памяти. Онъ имѣлъ сѣдые волосы, былъ крѣпкаго сложенія и замѣчательной силы; роста былъ не высокаго, но широкъ въ плечахъ, почти квадратный, — настоящій Джонъ Буль. Онъ почти всегда щурился однимъ глазомъ, что придавало его лицу выраженіе важнаго глубокомыслія, смѣшаннаго съ юморомъ. Боззби любилъ когда его считали старикомъ; онъ и, въ самомъ дѣлѣ, казался гораздо старѣе, чѣмъ дѣйствительно былъ. На видъ ему давали пятьдесятъ пять лѣтъ; но ему было только сорокъ пять, и онъ былъ такъ же крѣпокъ и мускулистъ, какъ и въ молодости, хотя члены его потеряли уже прежнюю гибкость.

Въ одинъ прекрасный день, Джонъ Боззби стоялъ на набережной Грейтонской гавани, наблюдая за дѣятельнымъ движеніемъ экипажа одного китоловнаго корабля, готовящагося отправиться въ скованныя льдомъ моря полярныхъ странъ, и дѣлалъ разныя замѣчанія дюжему, бѣлокурому юношѣ, лѣтъ пятнадцати, который стоялъ возлѣ него и смотрѣлъ на корабль съ выраженіемъ глубокой грусти.

«Судно превосходное, построено прекрасно, я бы не прочь на немъ отправиться въ море», замѣтилъ было морякъ, «но оно слишкомъ мало; оно должно бы быть по крайней мѣрѣ вдвое больше, насколько мнѣ извѣстно,—а я таки видывалъ китоловные корабли на своемъ вѣку. И носъ его едва ли достаточно проченъ, чтобы быть въ состояніи пробиваться сквозь льды Дэвисова пролива. Впрочемъ, я видывалъ китоловные судна и похуже этого, которыя успѣшно занимались своимъ промысломъ въ полярныхъ моряхъ».

«Вы имѣете слишкомъ преувеличенное мнѣніе о своемъ знаніи дѣла; возразилъ юноша;—это судно образцовое во всѣхъ отношеніяхъ. Неужели вы думаете, что мой отецъ, который постарше васъ и такой же хорошій морякъ, какъ и вы, купилъ бы корабль, снарядилъ его и самъ отправился на немъ на китоловый промыселъ, еслибы не находилъ его годнымъ?»

— Не тебѣ бы, дружище, насмѣхаться надъ старикомъ, который былъ для тебя всѣмъ, не былъ развѣ только кормилицей. Не я ли училъ тебя и ходить, и плавать, и владѣть весломъ, строить корабли съ того времени, когда ты еще только что сталъ ходить на двоихъ съ видомъ челоуѣка, который исходилъ большую половину морей; не я ли вытащилъ тебя изъ моря, когда ты упалъ съ корабля?

— Другъ Боззби, отвѣтилъ юноша смѣясь,—если

ты былъ для меня всѣмъ этимъ, то ты былъ также и моей кормилицей! Но зачѣмъ же ты порочишь корабль моего батюшки? Неужто ты думаешь, что я въ состояніи это такъ спустить? Никому никогда, даже тебѣ, старикъ.

— Гей, малый! слышался голосъ съ палубы корабля, о которомъ рѣчь; сбѣгай, скажи своему батюшкѣ, что все готово, и что если онъ не поторопится, то приливъ спадетъ и мы принуждены будемъ отложить отъѣздъ до пятницы. Ну, навостри же лыжи, да проворнѣе, — ну же, что сталъ.

— Что онъ тамъ горланить, отозвался Боззби. Я бы согласился лучше пахать землю, чѣмъ отправиться въ море на кораблѣ, гдѣ старшій лейтенантъ такой болванъ. Прими за правило, Фредъ, никогда не говорить черезчуръ много, чтобы ты ни дѣлалъ. Мое правило—и оно необыкновенно хорошо служило мнѣ въ продолженіе всей моей жизни, — мое правило: гляди въ оба, а языкъ держи за зубами, когда нѣтъ надобности употреблять его въ дѣло. Еслибы этотъ болтунъ поменьше говорилъ, а побольше смотрѣлъ, то онъ бы увидѣлъ, что твой батюшка идетъ по дорогѣ прямо сюда, въ сопровожденіи своей старой сестры.

— Какъ бы мнѣ хотѣлось, чтобъ онъ позволилъ мнѣ отправиться съ нимъ, — съ горестью бормоталъ про себя Фредъ.

— Нечего объ этомъ думать, — замѣтилъ его со-

бесѣдникъ. Капитанъ также не преклоненъ, какъ сѣверовосточный вѣтеръ. Ничто въ мірѣ не можетъ измѣнить его воли, если онъ разъ уже ее высказалъ, развѣ постоянный юго-западный вѣтеръ. Еслибы ты былъ мой сынъ, а это крѣпкое судно мой корабль, то я бы сказалъ: садись, плывемъ. Но твой батюшка знаетъ больше твоего, а ты, какъ хорошій сынъ слушайся его приказаній безъ разсужденій. Вотъ мое другое правило: «слушайся приказаній и не разсуждай.»

Между тѣмъ приближался Фридерикъ Эллисъ, нашептывая своей плачущей сестрѣ слова утѣшенія. Ему было, въ настоящее время, можетъ быть лѣтъ пятьдесятъ. Это былъ красивый, здоровый, смѣлый и добродушный англичанинъ, съ лысой головой, сѣдыми волосами, громкимъ, звучнымъ голосомъ, нѣсколько живымъ характеромъ, добрымъ, честнымъ, восторженнымъ сердцемъ. Подобно Боззби, онъ провелъ почти всю свою жизнь на морѣ и такъ привыкъ ходить по этой зыбкой почвѣ, что чувствовалъ себя неловко на твердой землѣ, и никогда не оставался на берегу больше нѣсколькихъ мѣсяцевъ сряду. Онъ былъ человѣкъ хорошо образованный, съ прекрасными манерами. Служа въ морской службѣ, онъ мало-по-малу добился того, что сдѣлался командиромъ одного купеческаго корабля, плавающего въ Востокъ-Индію.

Нѣсколько лѣтъ раньше того времени, съ котораго начинается нашъ разсказъ, случилось про-

исшествіе, которое совсѣмъ измѣнило теченіе жизни капитана Эллиса и на долгое время погрузило его въ глубочайшее горе — это потеря жены въ морѣ, при обстоятельствахъ, чрезвычайно печальныхъ.

На тридцатомъ году капитанъ Эллисъ женился на хорошенькой голубоглазой дѣвушкѣ, которая положительно отказывалась сдѣлаться невѣстой моряка, если ей не будетъ позволено сопровождать мужа въ его странствованіяхъ. На это согласились безъ большихъ затрудненій, и Алиса Бреннеръ сдѣлалась мистрисъ Эллисъ, и отправилась въ море. Во время ея третьяго путешествія въ Вестъ-Индію родился нашъ герой Фредъ, у котораго, во время этого и слѣдующихъ путешествій, Боззби былъ «всѣмъ, кромѣ кормилицы».

Мистрисъ Эллисъ была милая любящая женщина съ серьезнымъ умомъ. Она посвятила всю себя воспитанію своего мальчика, и проводила много часовъ въ своей маленькой, зыбкой каютѣ, стараясь внушить своему дитяти благословенныя христіанскія истины и ознакомить его ухо съ именемъ Іисуса. Когда Фредъ нѣсколько выросъ, мать поощряла его сношенія съ моряками, потому что примѣръ ея мужа научилъ ее цѣнить храбрый мужественный духъ, а этого, она хорошо знала, сама она не могла сообщить ему; но она заботилась о томъ, чтобы предохранить его отъ дурнаго вліянія матросовъ, и поручила его нѣжной забот-

ливости Боззби. Но, отдать справедливость матросамъ, это было почти излишнее, потому что они знали, что бдительный глазъ матери всегда глядитъ за ребенкомъ, и ни одного неосторожного слова не позволяли они себѣ сказать, когда онъ рѣзвился на форкастлѣ. Когда пришло время посылать Фреда въ школу, мистрисъ Эллисъ оставила свою скитальческую жизнь и поселилась въ своемъ родномъ городѣ Грейтонѣ, гдѣ она жила вмѣстѣ съ своей вдовой сестрой, Эмилией Брайтъ, и племянницей Изабеллой. Здѣсь Фредъ получилъ превосходное первоначальное образованіе въ одномъ частномъ пансіонѣ. На двѣнадцатомъ году господинъ Фредъ заупрямился, и, въ одинъ изъ періодическихъ пріѣздовъ отца, просилъ взять его съ собой въ море. Капитанъ Эллисъ согласился; мистрисъ Эллисъ настояла на томъ, чтобы и ей сопутствовать имъ и, чрезъ нѣсколько недѣль, они еще разъ сошлись всѣ вмѣстѣ въ своемъ старомъ домѣ, океанѣ, и Фредъ наслаждался роднымъ воздухомъ въ обществѣ своего друга Боззби, который никогда не покидалъ своего стараго корабля.

Но этому путешествію не суждено было кончиться счастливо. Когда они уже переѣхали за экваторъ, однажды вечеромъ замѣтили подозрительное судно, которое несло прямо на нихъ на всѣхъ парусахъ.

— Какъ вы думаете объ этой шкунѣ, Боззби?

спросилъ Боззби капитанъ Эллисъ, передавая ему зрительную трубу.

Боззби нѣсколько времени смотрѣлъ молча и, сжавъ губы, потомъ возвратилъ трубу и пробормоталъ: «Пиратъ».

— И мнѣ такъ показалось, сказалъ капитанъ, понизивъ голосъ. Намъ остается одно, Боззби,—продолжалъ онъ, глядя на свою жену, которая, не зная ничего объ опасности, сидѣла у гакборта за шитьемъ, — намъ остается сражаться до послѣдней капли крови, потому что эти люди не знаютъ никакой пощады. Иди приготовь экипажъ и достань оружіе. Я пойду поговорить съ женой.

Боззби отправился, но у капитана не хватило духу сообщить своей женѣ объ опасности; онъ въ нерѣшительности быстро прошелся по кормовой палубѣ три или четыре раза взадъ и впередъ, пока собрался съ духомъ подойти къ женѣ.

— Алиса,—сказалъ онъ наконецъ отрывисто, — судно, которое виднѣется тамъ вдали пиратское.

Мистрисъ Эллисъ взглянула на него съ удивленіемъ, и лицо ея поблѣднѣло, когда глаза встрѣтились съ смущеннымъ взглядомъ мужа.

— Ты совершенно увѣренъ въ этомъ Фридерикъ?

— Да, совершенно. О, еслибъ Богу угодно было, чтобы я одинъ достался этимъ.... но нѣтъ, не печалься, можетъ быть я ошибаюсь, можетъ быть это купеческое судно. Если же нѣтъ, Алиса, то мы

должны будемъ открыть сраженіе съ ними, и попытаемся испугать ихъ. Ты же должна идти внизъ.

Провожая свою жену въ каюту, капитанъ старался ее ободрить, но его лицо и озабоченный взглядъ слишкомъ выражалъ истину, чтобы мистрисъ Эллисъ не могла замѣтить, что дѣло гораздо хуже, чѣмъ онъ ей представляетъ его. Прижавъ ее къ груди, капитанъ Эллисъ вскочилъ на палубу.

Между тѣмъ, извѣстіе разнеслось по всему кораблю. Матросы, числомъ болѣе тридцати, раздѣлились по группамъ, по четыре или пяти чело-вѣкъ, и серьезно разсуждали объ опасности, остря и привязывая сабли или заряжая пистолеты и карабины.

— Стройте экипажъ, мистеръ Томпсонъ, сказалъ капитанъ, шагавшій назадъ и впередъ по палубѣ, бросая, по временамъ, взглядъ на пиратскую шкуну, которая быстро приближалось къ кораблю; да пошлите баталера за моимъ мечомъ и пистолетами. Скажите экипажу, чтобы онъ проворнѣй готовился къ дѣлу, не теряя ни одной минуты: намъ предстоитъ горячее дѣло.

— Я схожу за вашимъ мечомъ, батюшка, крикнулъ Фредъ, который только что-взбѣжалъ на палубу.

— Ты, дитя мое, долженъ оставаться въ низу; здѣсь тебѣ нѣтъ никакого дѣла.

— Но вы знаете, батюшка, что я не испугался.

— Я это знаю, дитя мое; я это хорошо знаю; но ты слишком молодъ для того, чтобы сражаться; у тебя нѣтъ достаточно силъ для этого дѣла; да, кромѣ того, ты долженъ успокоивать и утѣшать мать; твое отсутствіе можетъ быть для нея очень чувствительнымъ.

— Я не такъ молодъ и не такъ слабъ, чтобы не быть въ состояніи зарядить пистолетъ и выстрѣлить; я слышалъ, какъ одинъ изъ матросовъ сказалъ, что всеѣ руки, какія есть у насъ, нужны на бортѣ, и даже понадобилось бы и больше, еслибы были. Кромѣ того сама матушка рассказала мнѣ, что здѣсь у васъ происходитъ, и послала меня на палубу помогать вамъ сражаться.

Гордость мгновенно засіяла на лицѣ капитана, когда онъ сказалъ поспѣшно: «въ такомъ случаѣ можешь оставаться здѣсь», и обратился къ экипажу, собравшемуся на кормовой палубѣ.

Обращаясь къ командѣ съ свойственной ему, грубой, но сильной рѣчью, онъ еказалъ:

«Ребята, та подлая шкуна—пиратъ, какъ вамъ всеѣмъ достаточно извѣстно. Мнѣ незачѣмъ спрашивать, готовы ли вы къ сраженію, потому что я по вашимъ взглядамъ вижу, что вы готовы. Но этого еще не достаточно,—вы должны приготовиться хорошо сражаться. Вамъ извѣстно, что пираты не даютъ никакой пощады. Я вижу, что ихъ па-

лубы кишать людьми. Если вы не броситесь на нихъ, какъ бульдоги, то до солнечнаго заката всё вы отправитесь гулять за бортъ. Теперь за дѣло, заряжайте ружья и пистолеты; послѣднихъ заткните за пояса столько, сколько они въ состояніи удержать. Мистеръ Томпсонъ, прикажите пушкарю зарядить маленькую пушку мушкетными пулями по самое дуло и четыре большихъ пушки. Если они попробуютъ взобраться на нашъ бортъ, то встрѣтятъ горячій пріемъ.»

— Ядро летитъ, сэръ, сказалъ Боззби, показывая на пиратскую шкуну, съ бока которой вырвалось бѣлое облако, и круглое ядро, отразившись отъ поверхности моря, пролетѣло надъ носомъ корабля, чуть не задѣвъ его.

— Да это намъ предлагаютъ лечь въ дрейфъ, — сказалъ капитанъ съ желчью, — но мы не ляжемъ. Держи отъ нихъ на градусъ въ сторону!

— Да, да, — сэръ сказалъ рулевой.

Послѣдовали второй и третій выстрѣлы, но они оставлены были безъ вниманія, и капитанъ, будучи вполне увѣренъ, что слѣдующій будетъ вполне направленъ въ нихъ, отдалъ приказанія людямъ сойти внизъ.

— Намъ нельзя потерять ни одного человѣка, мистеръ Томпсонъ; посылайте всѣхъ внизъ.

— Съ вашего позволенія, сэръ, можно мнѣ остаться? сказалъ Боззби, снимая шапку.

— Слушайтесь приказаній, — отвѣтилъ капитанъ сухо. Морякъ съ сердитымъ видомъ пошелъ въ низъ.

Почти цѣлый часъ два судна были въ виду другъ друга, гонимые постояннымъ легкимъ вѣтромъ; въ теченіе этого времени быстрая шкуна постепенно догоняла тяжелый «Вестъ-Индіецъ», пока, наконецъ, не приблизилась къ нему на такое разстояніе, что можно было разговаривать. Капитанъ Эллисъ все-еще не обращалъ на него никакого вниманія. Онъ стоялъ съ сжатыми губами позади рулевого и смотрѣлъ попеременно то на паруса своего корабля, то въ навѣтренную сторону горизонта, гдѣ, ему казалось, замѣтны были признаки, заставлявшіе думать, что вѣтеръ прекратится надолго.

Когда шкуна приблизилась, раздался съ нея трубный голосъ: «гей, корабль, откуда вы и что у васъ за кладь?»

Капитанъ Эллисъ не далъ никакого отвѣта, но приказалъ четверемъ человѣкамъ явиться на палубу, чтобы навести одну изъ ретирадныхъ пушекъ.

Снова по волнамъ пробѣжалъ грубый голосъ, какъ будто въ гнѣвѣ: «Ложитесь въ дрейфъ или я васъ потоплю.» Въ тоже мгновеніе, черный флагъ взвился вверхъ, и ядро пролетѣло между гротъ-мачтой и фокъ-мачтой.

— Наводите пушку, сказалъ капитанъ.

— Да, да, сэръ!

Принесите раскаленное до красна желѣзо; под-

жигай еще немножко,—такъ. При этомъ словѣ раздался гулъ, и желѣзный посланецъ полетѣлъ къ шкунѣ. Выстрѣлъ былъ сдѣланъ болѣе въ отвѣтъ на вызовъ пирата, нежели съ цѣлью причинить ему какой-нибудь вредъ; но былъ направленъ хорошо — онъ надвое разсѣкъ гротъ-рею, которая съ трескомъ упала на палубу.

Тотчасъ пиратъ сталъ рыскать, изъ стороны въ сторону, и сдѣлалъ залпъ, но вслѣдствіе смятенія на палубѣ, пушки были плохо наведены, и ни одинъ выстрѣлъ не имѣлъ успѣха. Время, потерянное пиратомъ на эти бесполезныя маневры, и поврежденіе шкуны дали возможность «Вестъ-Индійцу» взять значительный перевѣсъ надъ врагомъ. Но пиратъ продолжалъ палить изъ своихъ погонныхъ пушекъ и нѣкоторые хорошо направленные ядра серьезно повредили корпусъ корабля и снасти. Когда солнце стало спускаться къ горизонту, вѣтеръ дѣлался слабѣе и слабѣе и наконецъ настала совершенная тишь, такъ что оба корабля стояли неподвижно съ повисшими парусами и качались на зыби.

Они спускаютъ боты, сэръ, сказалъ Джонъ Боззби, который, будучи не въ силахъ удерживать себя дальше, выползъ на палубу, рискуя вторично подвергнуться выговору; и если глаза не обманываютъ меня, то въ навѣтренной сторонѣ, т. е. въ той, откуда предъ штилемъ дулъ вѣтеръ, на горизонтѣ показывается корабль.

— Его несетъ вѣтеръ къ намъ, замѣтилъ капитанъ, но я боюсь, что шлюпки нападутъ на насъ прежде, чѣмъ онъ подплыветъ. Три уже на водѣ и экипированы. Вотъ уже плывутъ. Зови всѣхъ на верхъ.

Въ нѣсколько секундъ экипажъ «Вестъ-Индійца» былъ уже по мѣстамъ, готовый къ дѣлу, а капитанъ Эллисъ съ Фредомъ стоялъ возлѣ одной изъ ретирадныхъ пушекъ. Между тѣмъ пиратскія шлюпки, числомъ пять, отплыли по различнымъ направленіямъ, съ очевиднымъ намѣреніемъ напасть на корабль съ различныхъ пунктовъ. Онѣ были наполнены людьми, вооружены съ головы до ногъ. Между тѣмъ какъ они плыли къ кораблю, шкуна возобновила огонь, и одно ядро разсѣкло мачту и слегка ранило осколками двухъ матросовъ. Корабль направилъ свои пушки на шлюпки, но безъ всякаго успѣха, — ядра падали въ воду вокругъ нихъ, не причиняя вреда ни одной изъ нихъ. Когда они подплыли ближе, съ корабля была открыта по нимъ сильная ружейная пальба. Внезапное паденіе иного весла и происходившее по временамъ смятеніе на бортѣ показывало, что пули не пропадали даромъ. Пираты бойко отвѣчали, но безъ успѣха, потому что экипажъ корабля былъ защищенъ оградой. Передай приказаніе заряжать и поддерживать огонь, да дай мнѣ мое ружье, Фредъ, — сказалъ капитанъ. Заряжай всякій разъ, какъ я буду стрѣлять. Сказавъ это, капитанъ при-

цѣлился и выстрѣлилъ. Рулевой наибольшей шлюпки свалился. Давай другое ружье, Фредъ.

Въ это мгновеніе градъ пуль посыпался на шлюпки и за гуломъ послѣдовалъ дикій стонъ; гребцы, однако, остались невредимы. Они остановились на нѣкоторое время, какъ-бы въ остолененіи, но тотчасъ же оправились. Еще одинъ взмахъ весель, и они были бы почти у борта; но капитанъ Эллисъ навелъ небольшую каронаду и выпалилъ. Послѣдовалъ ужасный гулъ; пушка сильно подавалась назадъ, и пиратская шлюпка пошла ко дну, оставляя море усѣяннымъ убитыми и ранеными людьми. Немногіе однако, жизнь которыхъ, казалось, была заколдована, побрали свои сабли въ зубы и храбро подплывали къ кораблю. Это происшествіе, къ несчастію, слишкомъ привлекло къ себѣ вниманіе экипажа, который вслѣдствіе этого не успѣлъ воспрепятствовать другой шлюпкѣ пристать къ носу корабля и высадить свою команду. Пиратскіе матросы, какъ кошки, вспрыгнули на бортъ, выстроились на форкастлѣ и сдѣлали залпъ.

— За мною, ребята, крикнулъ капитанъ, и какъ тигръ бросился впередъ. Первый, поавшійся ему навстрѣчу, упалъ отъ пули его пистолета; въ слѣдующее затѣмъ мгновеніе, обѣ стороны сошлись вмѣстѣ и завязался рукопашный бой. Между тѣмъ Фредъ, на котораго послѣдствіе выстрѣла изъ маленькой каронады произвело сильное впечатлѣніе, успѣлъ поднять ее и зарядить опять. Едва

онъ успѣлъ исполнить это, какъ одна изъ шлюпокъ пристала къ бакборту и два человѣка уже лезли на бортъ. Фредъ замѣтилъ это и повалилъ перваго изъ нихъ прежде чѣмъ онъ успѣлъ взобраться на палубу. Другой пиратъ, который вмигъ очутился на палубѣ, непременно убилъ бы его, еслибы не подоспѣлъ къ нему на помощь младшій лейтенантъ, державшійся съ нѣсколькими людьми въ сторонѣ отъ рукопашнаго боя, на случай нападенія съ другой стороны. Онъ бросился на пиратовъ и оттѣснилъ ихъ назадъ въ шлюпку, которая тотчасъ же пристала къ носу корабля, куда пристали и двѣ другія шлюпки и уже высаживали свои экипажи на форкастель. Хотя экипажъ «Вестъ-Индійца» сражался съ отчаянной храбростью, но онъ не могъ устоять противъ возрастающаго числа пиратовъ, которые теперь густой массой толпились на передней части корабля. Экипажъ «Вестъ-Индійца» принужденъ былъ постепенно отступать назадъ и, наконецъ, былъ оттѣсненъ на кормовую палубу.

— Помогите, батюшка, — кричалъ Фредъ, пробираясь сквозь сражающуюся толпу, — вотъ каронада, совсѣмъ заряженная.»

«Ну да молодецъ! прекрасно придумалъ!» воскликнулъ капитанъ, схватившись за пушку и таща ее впередъ, при помощи Боззби, который ни на минуту не удалялся отъ него. Прочищай дорогу, ребята.

Въ одно мгновеніе маленькая пушка была наве-

дена на самый центръ столпившейся массы непріятелей, и выстрѣлила. Поднялся ужасный стонъ, заглушившій шумъ битвы, когда сквозь густую толпу пробить былъ широкій просвѣтъ. Но это, казалось, только еще больше разъярило оставшихся въ живыхъ. Съ дикимъ крикомъ, они бросались на кормовую палубу, но нѣсколько разъ были отбиваемы назадъ капитаномъ и нѣсколькими отборными людьми, его окружавшими. Наконецъ, одинъ пиратъ, который, въ продолженіе всего сраженія, обнаруживалъ наибольшую силу и отвагу, сдѣлалъ рѣшительный шагъ впередъ и, наведши пистолетъ на грудь капитана, выпалилъ. Капитанъ Эллисъ упалъ, но, въ то же время, пуля повалила и пирата. Фредъ бросился оборонять своего отца, но былъ опрокинутъ и попалъ подъ ноги сражающейся толпы, а чрезъ двѣ минуты корабль былъ уже во власти пиратовъ.

Разъяренные сопротивленіемъ, негодяи продолжали неистовствовать на палубѣ, между тѣмъ какъ нѣкоторые изъ нихъ сбѣжали въ каюту, гдѣ нашли мистрисъ Эллисъ полумертвую отъ ужаса. Вытащивъ ее на палубу, они собирались уже бросить ее въ море, какъ вдругъ Боззби, связанный по рукамъ, внезапно разорвалъ свои путы и бросился ей на помощь; но пистолетная пуля поразила его и онъ безъ чувствъ упалъ на палубу.

— Гдѣ мой мужъ? мое дитя? дико кричала мистрисъ Эллисъ.

— Они послѣдуютъ за тобой, если не успѣли отпираться раньше тебя, свирѣпо отвѣтилъ разбойникъ, поднявъ ее своими могучими руками и швыряя чрезъ бортъ. За громкимъ ея крикомъ послѣдовалъ глухой плескъ волнъ. Въ тоже время два пирата подняли капитана и уже собирались бросить его также чрезъ бортъ, какъ вдругъ раздался громкій гулъ и пушечное ядро упало въ море предъ самымъ носомъ корабля.

Въ пылу битвы никто не замѣтилъ, что поднялся вѣтеръ и большой военный корабль подплылъ на разстояніи пушечнаго выстрѣла отъ «Вестъ-Индійца». Лишь только пираты замѣтили это, тотчасъ бросились къ шлюпкамъ, чтобы грести къ своей шкунѣ. Но тѣ, которые были оставлены на ней, видя приближеніе фрегата и понимая, что ихъ товарищамъ нѣтъ никакой возможности спастись, а можетъ быть, что болѣе вѣроятно, не безпокаясь объ ихъ судьбѣ, натянули всѣ паруса и ударились бѣжать, и теперь уже шкуна чуть виднѣлась на горизонтѣ въ подвѣтренной сторонѣ. Покинутые пираты съ энергіей отчаянія, ударили въ весла, чтобы догнать ее, но американцы пустились въ погоню и, едвали нужно прибавлять, въ короткое время всѣхъ захватили въ плѣнъ.

Когда фрегатъ соединился съ «Вестъ-Индійцемъ», уже настала ночь и поднялся сильный вѣтеръ, такъ что продолжительные и тщательные розыски тѣла несчастной мистрисъ Эллисъ оказались со-

вершенно напрасными. Капитанъ Эллисъ, тяжело раненный, какъ громомъ, пораженъ былъ этимъ извѣстіемъ, и долгое время жизнь его висѣла на волоскѣ. Въ продолженіе его болѣзни, Фредъ ухаживалъ за нимъ съ самой нѣжной заботливостью и, въ заботахъ объ облегченіи страданій своего отца, нашелъ нѣкоторое успокоеніе для своего разбитаго сердца.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Капитанъ Эллисъ былъ отвезенъ къ своей сестрѣ въ Грейтонъ, гдѣ, при ея заботливости и его маленькой племянницы, Изабеллы, его здоровье и сила возстановились. Для людскаго глаза, капитанъ Эллисъ и его сынъ теперь снова были тѣ же; но тѣ, которые судятъ о человѣческомъ сердцѣ по одной внѣшности, изъ десяти девять разъ ошибаются. Оба они сильно перемѣнились.

Но капитанъ Эллисъ не въ состояніи былъ снова принять команду надъ своимъ старымъ кораблемъ, или же отправиться въ Вестъ-Индію. Онъ рѣшился перемѣнить мѣсто своихъ подвиговъ и плыть въ ледовитыя моря, гдѣ ни одинъ предметъ, даже самый океанъ, не могъ бы ему напомнить о его потерѣ.

Черезъ нѣкоторое время по выздоровленіи, капитанъ Эллисъ купилъ брикъ, снарядилъ его для китовой ловли и рѣшился испытать счастья въ сѣверныхъ моряхъ. Фредъ сильно упрашивалъ отца взять его съ собой, но отецъ, понимая, что

для него нужнѣе отправиться въ школу, чѣмъ въ море, отказалъ ему. Вздохнувъ разъ или два, Фредъ покорился волѣ отца. Боззби, который привыкъ всегда слѣдовать за капитаномъ Эллисомъ, сильно хотѣлось также и теперь сопровождать своего стараго командира, но Боззби, вслѣдствіе внезапнаго и страшнаго припадка нѣжности, два мѣсяца тому назадъ женился на женщинѣ, которую вполне можно описать слѣдующими словами: «жирная, красивая и здоровая». Эта-то жена Боззби рѣшительно запретила ему отправиться въ море. Увы! Боззби уже не былъ господиномъ своей воли. На сорокъ пятомъ году жизни, онъ сдѣлался, какъ онъ самъ выражался, презрѣннымъ рабомъ и скорѣе бы рѣшился плыть прямо въ зубы экваторіальному урагану, чѣмъ перечить въ чемъ-нибудь своей женѣ. Онъ угрюмо вздыхалъ, когда кто-нибудь заводилъ съ нимъ разговоръ объ этомъ предметѣ, и сравнивалъ себя съ голландской галліотой, которая больше ходитъ въ дрейфъ, чѣмъ прямо впередъ, даже когда вѣтеръ дуетъ въ корму. «Было время, — говаривалъ онъ, — когда я плавалъ прямо въ глаза вѣтру, но съ тѣхъ поръ, какъ я взялъ на буксиръ это судно, я какъ кадка понятился въ подвѣтренную сторону. Въ самомъ дѣлѣ, я нахожу только одно средство итти впередъ, — это итти туда, куда дуетъ вѣтеръ! Сначала я-таки было заартачился и сталъ лавировать съ одной стороны въ другую, но въ день или два она выбила мнѣ изъ

головы эту прыть. Чуть только я поворачивалъ румпель вправо, она тотчасъ хватала за буксирный канатъ и тащила корабль въ сторону вѣтра. Я принужденъ былъ сдаться и поставилъ румпель посрединѣ корабля.

Итакъ Боззби не сопутствовалъ своему старому командиру, онъ не смѣлъ даже и думать объ этомъ. Когда красивый брикъ распустилъ паруса и пустился по вѣтру, онъ только торжественно покачивалъ головой, стоя на набережной съ Фредомъ, мистрисъ Брайтъ и Изабеллой и пристально смотря на брикъ.

ГЛАВА II.

Отплытіе «Полярной Звѣзды» въ Ледовитыя моря. — Основательныя разсужденія мистрисъ Брайтъ и проникательныя замѣчанія Боззби. — Безпокойство, опасенія, догадки и рѣшеніе. — Изабелла. — Предположеніе поисковъ. — Отплытіе «Дельфина» на далекій сѣверъ.

Разлуки всегда, какъ нельзя болѣе, непріятны, и мы сожалѣемъ теперь, что начали нашу книгу разлукой. Но иногда разлуки необходимы, поэтому мы должны попросить у читателя нашего извиненія и напомнить ему, что мы только начали рассказъ и стоимъ у пристани, слѣдя за отплывающимъ китоловнымъ кораблемъ, «Полярной Звѣздой», который въ настоящее время кажется пятнышкомъ, едва примѣтнымъ на горизонтѣ.

Когда корабль исчезъ, Боззби издалъ стонъ, Фредъ и Изабелла вздохнули, а мистрисъ Брайтъ

разразилась слезами, которыя она было на нѣкоторое время безсознательно пріостановила.

— Я боюсь, что мы его не увидимъ больше, — рыдая произнесла мистрисъ Брайтъ, потомъ взяла за руку Изабеллу и медленно побрела домой, сопровождаемая Фредомъ и Боззби, изъ которыхъ послѣдній, казалось, представлялъ себя косматой нюфаундленской собакой или бульдогомъ, оставленнымъ для того, чтобы стеречь это семейство. Мало ли случается слышать о гибели китоловныхъ кораблей и мы никогда еще не слыхали, чтобы спасся экипажъ, когда гибнетъ судно, какъ это всегда бываетъ въ описаніяхъ.

Изабелла сжала руку матери и посмотрѣла ей въ лицо съ такимъ выраженіемъ, изъ котораго легко можно было прочесть: «Не безпокойтесь, маменька, я увѣрена, что онъ возвратится;» но она не могла найти словъ высказаться и взглянула на бульдога, какъ будто ожидая отъ него помощи.

Боззби чувствовалъ, что теперь его очередь сказать что-нибудь утѣшительное; но мистрисъ Брайтъ находилась въ такомъ положеніи, что ее трудно было утѣшить, и потому Боззби пришелъ въ смущеніе. Онъ прищурилъ сначала правый глазъ, а потомъ лѣвый, и ударилъ себя нѣсколько разъ по бедру. И, еслибы мистрисъ Брайтъ въ состояніи была развлекаться искривленной физиономіей Боззби, то она, вѣроятно, возвратилась бы

домой счастливой женщиной, потому что, въ продолженіе цѣлыхъ пяти минутъ, онъ ужасно кривлялся предъ ней рожу; но всѣ усилія Боззби оставались тщетными, можетъ быть, потому, что она не замѣчала его, такъ какъ глаза ея полны были слезъ.

— Ахъ, да!—продолжала мистрисъ Брайтъ, заливаясь слезами;—я знаю, что они не возвратятся больше, и ваше молчаніе показываетъ, что вы съ этимъ согласны. Уже то обстоятельство, что они взяли съ собой на два года продовольствія «на всякій случай», не достаточно ли доказываетъ, что имъ могутъ встрѣтиться разные случаи? При томъ же, не собственными ли я ушами слышала, какъ одинъ морякъ сказалъ, что этотъ корабль съ трещиной, что онъ первый номеръ? Я не понимаю, что значитъ первый номеръ, но изъ того, что корабль съ трещиной, я уже знала, что онъ больше не возвратится. И, хотя я и говорила объ этомъ брату и совѣтовала ему не ѣхать, но онъ только посмѣялся надо мной,—это очень жестоко съ его стороны,—и потому я увѣрена.....

Чувство опять взяло верхъ надъ мистрисъ Брайтъ и помѣшало ей говорить дальше.

— Ну, чтожъ, тетушка, сказалъ Фредъ, едва удерживаясь отъ смѣха, несмотря на грусть, овладѣвшую имъ; если морякъ сказалъ, что корабль съ трещиной, то это означало, что корабль хорошъ, первый сортъ.

— Зачѣмъ же онъ не объяснилъ, что онъ хотѣлъ этимъ сказать? Впрочемъ, вздоръ ты говоришь, любезный. Неужели ты думаешь, что я повѣрю, чтобы челоуѣкъ называлъ вещь хорошей, если она повреждена, и я увѣрена, что никто не станетъ утверждать, что надломанный чайникъ такъ же хорошъ, какъ и цѣлый. Но скажите мнѣ, Боззби, думаете ли вы, что они когда-нибудь возвратятся назадъ?

— Гм.... стало быть, думаю! отвѣчалъ Боззби съ жаромъ,—потому что, отчего бы имъ, въ самомъ дѣлѣ, не возвратиться? Если они не возвратятся, то они будутъ первые, которые, на моей памяти, отправились изъ этого порта и не возвратятся назадъ. У нихъ и корабль надежный, и стѣстныхъ припасовъ вдоволь, и погода, кажется, хороша, а главное, капитанъ Эллисъ необыкновенно счастливъ; притомъ же и въ море они вышли при попутномъ вѣтрѣ, и пятницу строго соблюдали: чего же вамъ больше? Давай Богъ и мнѣ путешествовать при такихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ!

Произнося эти слова, Боззби прищурилъ лѣвый глазъ, оставивъ правый открытымъ. А потомъ, кончивъ рѣчь, онъ зажмурилъ правый глазъ и открылъ лѣвый; онъ сдѣлалъ это какъ будто для того, чтобы показать, что кончилъ свою рѣчь, и предоставляет говорить другимъ. Но слова его были брошены на вѣтеръ и не подѣйствовали на

мистрисъ Брайтъ. Она была рѣшительно слабоумная женщина. Она разсуждала рѣдко и, если разсуждала, то не иначе, какъ съ крайнимъ энтузіазмомъ; это бывало всегда, когда она вызывалась защищать какую-нибудь нелѣпѣйшую мысль о какомъ бы то ни было предметѣ, котораго ея слабый умъ не въ состояніи былъ понимать. Она только покачала головой и пожелала счастливаго пути Боззби, такъ какъ они подошли къ грязному переулку, который велъ къ ея хорошенькому домику, расположенному за зеленымъ холмомъ, закрывавшимъ собой домъ и море.

Между тѣмъ Джонъ Боззби вспомнилъ, что онъ запоздалъ домой, что уже болѣе полчасъ прошло съ того времени, въ которое онъ обыкновенно обѣдалъ, и что, хотя онъ и поставилъ румпель посреди корабля, но онъ слишкомъ удалился отъ своего пути; поэтому онъ натянулъ все паруса, какіе только несъ на себѣ, и направилъ ихъ по вѣтру, прямо къ деревнѣ, гдѣ въ маленькой, низенькой, хорошо выбѣленной хижинѣ, съ одной дверью и двумя окнами, жена и обѣдъ давно ожидали его.

Чтобы долго не распространяться, скажемъ только, что прошло уже три года, а «Полярная Звѣзда» все не возвращалась, и ничего ровно нельзя было узнать объ ней отъ различныхъ кораблей, посѣщавшихъ Грейтонскую гавань. Къ концу втораго года, Боззби сталъ съ отчаяніемъ качать го-

ловой, а когда и третій годъ прошелъ, то выраженіе унынія перестало покидать его честное, давно уже знакомое съ непогодами, лицо. Мистрисъ Брайтъ, которая до сихъ поръ не совсѣмъ еще потеряла—было надежду, теперь также стала сильно беспокоиться; и судьба корабля, потерпѣвшаго крушеніе, сдѣлалась предметомъ разговоровъ въ сосѣднемъ окологдѣ. Между тѣмъ, Фредъ Эллисъ и Изабелла росли, развиваясь тѣлесно и умственно. Занятія отца ни мало не привлекали Фреда, но неизвѣстность его судьбы сильно печалила юношу, и онъ рѣшился попасть, какъ бы то ни было на китоловный корабль и отправиться разыскивать судно.

Вспомнивъ, что одинъ изъ богатѣйшихъ въ городѣ купцовъ и владѣлецъ корабля, по имени мистеръ Синглетонъ—задушевный другъ и старый школьный товарищъ капитана Эллиса, Фредъ отправился къ нему и смѣло предложилъ снарядить тотчасъ же корабль и послать на поиски брика его отца. Сначала мистеръ Синглетонъ смѣялся надъ такой просьбой и представлялъ крайнюю невозможность исполнить ее; но потомъ онъ поднялъ упавшій уже духъ Фреда, сказавъ, что онъ намѣренъ, во что бы то ни стало, отправить корабль на китовый промыселъ въ сѣверныя моря, и что онъ дастъ приказаніе капитану удѣлить часть своего времени на розыски судна; сверхъ того, онъ согласился позволить Фреду отправиться

на немъ, въ качествѣ пассажира, за компанію съ его сыномъ Томомъ.

Томъ Синглетонъ былъ нѣжнымъ другомъ Фреда и школьнымъ его товарищемъ въ первый годъ своего ученія, а въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ онъ посланъ былъ въ эдинбургскій университетъ для продолженія занятій по медицинѣ, такъ что старые друзья видались только въ рѣдкіе промежутки времени. Поэтому для Фреда было неописанной радостью отправиться вмѣстѣ съ старымъ товарищемъ, теперь двадцатилѣтнимъ юношей, ѣхавшимъ въ качествѣ корабельнаго врача. Онъ едва владѣлъ собой и бросился бѣжать къ Боззби, сообщить ему пріятную новость и просить его сопутствовать ему.

Само собой разумѣется, Боззби не прочь былъ ѣхать; но, что особенно замѣчательно, это то, что жена его вовсе ему не перечила. Она, напротивъ, сама развязала ему руки и, съ ласковой улыбкой, (но твердо), сказала своему удивленному сожителю, что онъ можетъ отправляться, куда хочетъ, и что она, до его возвращенія, удовольствуется обществомъ двухъ маленькихъ Боззби, миниатюрныхъ копій отца.

Еще разъ китоловный корабль приготавлился къ отплытію, и еще разъ мистрисъ Брайтъ и Изабелла стояли у пристани, наблюдая за отплывающимъ кораблемъ. Изабеллѣ было теперь около тринадцати лѣтъ и она была такая красавица,

какую, по словамъ Боззби, вамъ едвали удастся встрѣтить въ цѣлой Британіи. Ея голубые глаза, темнорусые волосы, очаровательное личико и вся фигура, а еще болѣе, ея скромное и серьезное выраженіе лица невольно привязывали васъ къ ней и заставляли васъ уважать ее съ той самой минуты, когда вы увидали ее въ первый разъ. Боззби любилъ ее, какъ собственное дитя и чувствовалъ тайную гордость, считая себя ея покровителемъ. Боззби любилъ иногда и философствовать на ея счетъ въ такомъ родѣ: «Вы видите,—говаривалъ онъ Фреду,—нельзя сказать, чтобы форма ея головы была настоящимъ снимкомъ съ совершеннѣйшаго образца. — совсѣмъ нѣтъ; я видѣлъ картины и статуи лучше ея; она держитъ голову немного низко, вотъ такъ, видите ли, господинъ Фредъ, а у меня рѣшительной мѣркой достоинства молодой женщины служить то, держитъ ли она подбородокъ высоко или низко. Если ея брови глядятъ прямо впередъ, такъ что кажется, какъ будто она смотритъ въ землю, по которой идетъ, то я уже знаю, что умъ ея крѣпокъ и не побоится работы; напротивъ, когда она держитъ носъ свой высоко, какъ будто боясь взглянуть на собственные ноги, и несетъ свой подбородокъ, высоко, такъ что стоящій прямо предъ ней мальчишка никакъ не можетъ посмотрѣть ей прямо въ лицо,—это вѣрнѣйшій признакъ того, что она

не способна думать ни о чемъ больше, какъ только о нарядахъ, да о танцахъ.»

На этотъ разъ, глаза Изабеллы были красныя напухшіе отъ слезъ и ужъ никакъ не похорошѣли отъ этого. Мистрисъ Брайтъ, хотя три года мало измѣнили ея характеръ, была еще менѣе доказательна и еще менѣе старалась сдерживать свою грусть при прощаніи съ Фредомъ.

Черезъ нѣсколько минутъ все было готово. Молодой Синглетонъ и Боззби, поспѣшно, но съ чувствомъ, простившись съ мистрисъ Брайтъ и ея дочерью, взошли на бортъ. Фредъ, между тѣмъ, продолжалъ прощаться.

— Еще разъ прощайте, любезная тетушка, сказалъ онъ. Съ Божьей помощью, мы скоро возвратимся. Пиши ко мнѣ, милая Изабелла, какъ вы поживаете, въ Уппернавикъ, на Гренландскій берегъ. Если же ни одинъ изъ нашихъ кораблей не отправится въ ту сторону, то пиши, въ такомъ случаѣ, въ Данію. Старый мистеръ Синглетонъ скажетъ тебѣ, какъ адресовать твое письмо, смотри только, чтобы оно было длинно.

— Эй вы, новичекъ, ступайте на бортъ, закричалъ капитанъ,—проворнѣй!

— Сейчасъ, сейчасъ сказалъ Фредъ, и чрезъ минуту былъ уже на кормовой палубѣ, возлѣ своего пріятеля Тсма.

Снявшійся съ якоря корабль распустилъ паруса

и пустился въ море, въ полный приключеній путь.

Но теперь уже для насъ уплывающій корабль не уменьшается, по мѣрѣ того, какъ онъ подвигается впередъ, сопровождаемый прохладнымъ вѣтромъ, потому что и мы съ вами, читатель, также плывемъ на немъ. Теперь уже берегъ пропадаетъ постепенно вдали, пока не скроется, наконецъ, совсѣмъ изъ глазъ на отдаленномъ горизонтѣ; и тогда не на чемъ остановиться глазу; только свѣтло-голубое небо вверху, да темно-голубое море внизу.

ГЛАВА III.

Путешествіе.—«Дельфинъ» и его экипажъ.—Льдины передъ носомъ.—Полярныя картины.—Виды съверхушки мачты.—Первый вѣтъ.—Необыкновенный восторгъ.

Вотъ мы благополучно выплыли въ голубое море, предметъ восторга для моряковъ и страха для земледѣльцевъ,

«Море, море, море, холодное,
«Голубое, широкое, вѣчно свободное!»

— Я думаю,—замѣтивъ однажды Боззби Синглетону, когда, во время бури, они стояли на шкафутѣ, наблюдая, какъ пѣна брызгала подъ носомъ корабля, между тѣмъ, какъ онъ храбро разсѣкалъ волны Атлантическаго океана; я думаю, что нашъ шкиперъ человѣкъ совсѣмъ не дюжинный. Онъ вникнулъ въ самую сущность дѣла, и

я самъ слышалъ, какъ онъ говорилъ вчера старшему лейтенанту о своемъ намѣреніи отправиться прямо къ Бафинову заливу искать капитана Эллиса, прежде чѣмъ плыть на обыкновенное мѣсто китовой ловли. Вотъ что я называю—понимать сущность дѣла: потому что, какъ видите, онъ подвергается не малому риску застѣсть между льдинами и пробыть тамъ во все время ловли.

— Онъ прекрасный человѣкъ, сказали Синглетонъ;—съ каждымъ днемъ онъ мнѣ больше нравится, и я вполне надѣюсь, что онъ приметъ всѣ мѣры къ отысканію нашего пропавшаго друга; боюсь только, что шансы наши слишкомъ незначительны, потому что, хотя мы и знаемъ мѣсто, которое капитанъ Эллисъ намѣренъ былъ посѣтить, но мы не можемъ сказать, въ какую часть ледовитаго океана занесли его льдины и морскія теченія.

— Это такъ, подтвердилъ Боззби, придавая своему лѣвому глазу и щекѣ такое выраженіе, которое свидѣтельствовало о его напряженной чуткости и проницательности; но я увѣренъ, что если брикъ или экипажъ его могутъ быть найдены, то капитанъ Гай непременно найдетъ ихъ.

— Я совершенно согласенъ съ вами.... Были вы когда-нибудь прежде въ тѣхъ моряхъ, Боззби?

— Нѣтъ, сэръ, никогда; впрочемъ мой сводный братъ былъ у Гренландіи на китовой ловлѣ; самъ я былъ только на линіи южныхъ морей.

— На какой это линіи, Боззби? спросилъ Дэви Соммерсъ, дюжій парень, лѣтъ пятнадцати отъ роду, бывшій на кораблѣ помощникомъ баталера, дѣйствительно человѣкъ, способный на всѣ руки; лаглинь ли это или экваторальный битенгъ?

Но Боззби не обратилъ вниманія на эту площадую остроту и продолжалъ разговоръ съ Синглетономъ.

— Я могу вамъ представить самый обстоятельный дневникъ моего путешествія по южнымъ морямъ, сказалъ Боззби, смотря глубокомысленно въ морскую глубину. Однажды, когда я былъ около пятнадцати миль къ юго-западу отъ мыса Горна,—я....

— Обѣдъ готовъ, сэръ, сказалъ сухопарый, высокій и живой человѣкъ, проворно подходя къ Синглетону и снимая шляпу.

«Мы поговоримъ съ вами объ этомъ когданибудь въ другое время, Боззби. Капитанъ любитъ точность. Говоря это, молодой лекаръ сошелъ въ каюту, оставивъ стараго моряка курить, трубку въ уединеніи.

Здѣсь мы можемъ остановиться на нѣсколько секундъ, чтобы описать нашъ корабль и его экипажъ.

«Дельфинъ» былъ крѣпкій, новый, хорошо оснащенный корабль, могущій поднять около трехъ сотъ тоннъ, нарочно построенный для китовой ловли въ сѣверныхъ моряхъ и вмѣщавшій

сорокъ пять человѣкъ экипажа. Корабли, которымъ предстоитъ бороться съ льдинами, должны быть построены прочнѣе тѣхъ, которые плаваютъ только по чистому морю «Дельфинъ» соединялъ въ себѣ прочность съ вмѣстительностью и легкостью на ходу. Нижняя часть его кузова и боковъ обложена была двойными тимберсами и снаружи обшита крѣпкой желѣзной обшивкой, между тѣмъ какъ, съ внутренней стороны, пиллерсы и перекладки такъ были устроены, что давленію, сообщаемому какой-нибудь одной части корабля, противодѣйствовалъ весь его корпусъ; а его носъ, гдѣ удары льдинъ бываютъ всего чаще и всего опаснѣе, обшитъ былъ доской, необыкновенной толщины и крѣпости. И во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, корабль этотъ былъ снаряженъ и снабженъ всѣмъ нужнымъ лучше купеческихъ кораблей. Изъ другихъ подробностей, касающихся этого корабля, достойно замѣчанія было только воронье гнѣздо, прикрѣпленное къ вершинѣ фокъ-мачты, гдѣ, на мѣстѣ китовой ловли, помѣщался человѣкъ и высматривалъ китовъ. Главными лицами на кораблѣ были: капитанъ Гай, сильный, серьезный и практичекій американецъ; старшій лейтенантъ, мистеръ Болтонъ,—здоровый, дородный англичанинъ и мистеръ Сондерсъ, младшій лейтенантъ, степенный, широкоплечій, худощавый шотландецъ, который былъ необыкновенно высокаго мнѣнія о собственномъ достоинствѣ и обла-

далъ силой аргументацій безпредѣльной, можно сказать, обезоруживающей. Мивинсъ, баталёръ, былъ, какъ мы уже выше замѣтили, дюжій, высокій и дѣльный малый, живаго и веселаго нрава, предметъ насмѣшекъ товарищей, но, какъ человѣкъ сильный и надежный, пользовавшійся ихъ уваженіемъ. Молодой лекаръ, Томъ Синглетонъ, съ которымъ мы недавно познакомили читателя, былъ высокій, тонкій, но хорошо сложенный молодой человѣкъ, очень веселаго нрава. Онъ былъ всегда откровененъ и обходителенъ. Онъ никогда не позволялъ себѣ насмѣхаться надъ другими, рѣдко острилъ, въ товарищеской компаніи былъ нѣсколько застѣнчивъ и говорилъ мало; но зато для мирной бесѣды *tête à tête* не было на кораблѣ человѣка, равнаго Тому Синглетону. У него было испанское красивое лицо, курчавые, коротко остриженные черные волосы и едва пробивавшіеся усы, нѣжные и черные, какъ брови прекрасной андалузійки.

Было бы непростительно не внести въ нашъ списокъ повара, Давида Миззля. Это былъ корепастый и толстый мущина, жирный, какъ любой изъ пуддинговъ собственнаго его произведенія. Взглянувъ на него, вы сейчасъ же заподозрите его въ томъ, что онъ съѣлъ половину приготовляемой имъ свиньи, и его плутовской, трудно скрываемый смѣхъ, въ которомъ принимали участіе всѣ части его лица, начиная отъ конца его

широкаго подбородка, до самой верхушки его плѣшивой головы, подтверждали ваше подозрѣніе. Миззль лишился волосъ слишкомъ преждевременно, такъ какъ онъ былъ совсѣмъ еще молодъ, и когда его спрашивали о причинѣ, то онъ обыкновенно приписывалъ это тому обстоятельству, что онъ очень долгое время занимается повареннымъ искусствомъ, такъ что излишній жаръ, которому онъ подвергался, сжегъ его волосы. Экипажъ состоялъ изъ сильныхъ людей первой молодости, большей частью, привычныхъ, болѣе или менѣе, къ китовой ловлѣ, и нѣсколькихъ гарпунщиковъ, широкоплечихъ силачей, если не великановъ.

Начальникомъ этихъ гарпунщиковъ былъ приземистый, коренастый и здоровый, лѣтъ тридцати пяти, мущина, почти выросшій на морѣ, среди занятій китовой ловлей въ сѣверныхъ и южныхъ моряхъ. Никто не знаетъ, какой странѣ принадлежитъ честь произведенія его, — да и самъ онъ не зналъ объ этомъ, хотя сохранялъ самыя живыя воспоминанія о своемъ дѣтствѣ, проведенномъ среди зеленыхъ холмовъ, деревьевъ и ручейковъ. Онъ посланъ былъ въ море съ однимъ иностраннымъ капитаномъ въ такомъ возрастѣ, когда еще не могъ позаботиться узнать названіе своей родины. Послѣ этого, онъ ушелъ съ своего корабля и, такимъ образомъ, потерялъ всякую возможность узнать, кто онъ таковъ; впрочемъ, какъ онъ самъ выражался, онъ не слишкомъ-то интересовался

знать, кто онъ; онъ зналъ только то, что онъ, — «онъ самъ», а этого для него было довольно. По незначительной особенности его произношенія, какъ и по нѣкоторымъ другимъ признакамъ, догадывались, что онъ долженъ быть ирландецъ, — предположеніе, которое онъ тѣмъ охотнѣе поддерживалъ, что чувствовалъ нѣкоторую привязанность къ сыновьямъ и особенно къ дочерямъ Эмеральда Эйля, даже женился на одной изъ послѣднихъ, ровно за полгода до отплыва на китовую ловлю.

Таковъ былъ «Дельфинъ» и его экипажъ. Бойко несется корабль по волнамъ широкаго Атлантическаго океана, не встрѣчая ничего замѣчательнаго на своемъ пути, пока не приблизился къ Гренландскому берегу.

Въ одно прекрасное утро, только что партія кончила въ каютѣ завтракъ и забавлялась, отъ нечего дѣлать, объѣдками, какъ внезапно почувствовали толчекъ; корабль слегка покачнулся какъ будто что ударило его.

— А! воскликнулъ капитанъ Гай, допивая свою чашку шоколаду, удары начались.

— Передъ носомъ ледъ, сэръ! сказалъ старшій лейтенантъ, смотря въ люкъ.

— Много? спросилъ капитанъ, поднявшись съ мѣста и снимая маленькій телескопъ съ крючка, на которомъ онъ всегда висѣлъ.

— Не очень, сэръ; только одинъ потокъ; но

вонъ тамъ прямо предъ нами блеститъ ледъ на всемъ протяженіи горизонта.

— Въ которой сторонѣ, мистеръ Болтонъ?

— Къ сѣверо-сѣверо-западу, сэръ.

Еще не былъ конченъ этотъ короткій разговоръ, какъ Фредъ Эллисъ и Томъ Синглетонъ вышли изъ каюты къ остальной компаніи и стали на палубѣ, смотря впередъ съ величайшимъ любопытствомъ. Оба они начитались рассказовъ о полярныхъ моряхъ и ихъ природѣ; оба хорошо знакомы были, по крайней мѣрѣ по названію, съ пловучими ледяными полями, горами и холмами, но въ дѣйствительности они еще ничего подобнаго не видали. Эти предметы глубоко врѣзались въ ихъ молодую память, со всѣмъ, что было въ нихъ романическаго и дикаго, гиперборейскаго и полярнаго, блестящаго и сверкающаго, и свѣтлаго, и бѣлаго, въ полномъ смыслѣ слова, «бѣлаго». Видѣть на самомъ дѣлѣ льдины, плывущія по соленому морю было замѣчательнѣйшимъ событіемъ въ ихъ жизни; навѣрное, впечатлѣнія перваго дня среди льдовъ оставятъ послѣ себя живые, глубокіе слѣды, которые не изгладятся долго послѣ того, какъ картины болѣе поразительной природы исчезнутъ изъ ихъ памяти.

Сначала видъ, который представился ихъ горящимъ отъ нетерпѣнія глазамъ, не могъ особенно удивить ихъ. Попадались только изрѣдка неболь-

шія массы льда, плавающего въ безпорядкѣ въ различныхъ направленіяхъ. Вѣтеръ дулъ непрерывный, но легкій и казалось, что онъ совсѣмъ перестанетъ дуть. Но вотъ постепенно «блескъ», замѣченный прежде на горизонтѣ (такъ какъ легкій газъ всегда бываетъ примѣтенъ надъ льдомъ, этой, такъ называемой, покрытой снѣгомъ, землею), превратился въ длинную, бѣлую ледяную цѣпь, которая, казалось, все болѣе и болѣе росла, по мѣрѣ того, какъ корабль приближался къ ней, и часа чрезъ два они очутились посреди грудъ, къ счастью, раздѣленныхъ между собой настолько, что корабль могъ пройти по находящемуся между ними каналу чистой отъ льдинъ воды. Вслѣдъ затѣмъ, съ безоблачнаго неба заблестало солнце во всемъ его величіи, вѣтеръ успокоился и на океанѣ воцарилась мертвая тишина.

— Пойдемъ на форъ-марсъ, сказалъ Фредъ, хватая своего друга за руку и быстро направляясь къ ванту.

Чрезъ нѣсколько секундъ, они уже сидѣли рядомъ на маленькой платформѣ у вершины фокъ-мачты, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ соединяется съ форъ-стенгой, и съ этого возвышенія они молча упивались волшебной красотой лежащей редъ ними картины.

Тѣ, которые никогда не стояли на вершинѣ корабельной мачты, на морѣ, среди мертвой тиши-

ны, не могутъ понять того ужаснаго чувства одиночества, которое наполняетъ сердце человѣка, находящагося въ такомъ положеніи. На сушѣ не бываетъ ничего подобнаго. Стоять на самой верхушкѣ башни и смотрѣть внизъ на суетящуюся толпу—это не то, потому что здѣсь и звуки не тѣ и видишь признаки жизни на обширномъ пространствѣ, такъ какъ крики долетаютъ издали такъ же точно, какъ и снизу. А съ вершины мачты вы только подъ собой слышите изрѣдка звуки, а далѣе глубокая тишина; вы видите только маленькую овальной формы площадку, вотъ и весь вашъ «міръ»,—за нимъ одинъ безмолвный, пустынный океанъ. На палубѣ вы не можете испытывать подобнаго чувства, потому что здѣсь надъ вами возвышаются паруса и реи, и предъ вашими глазами мачты, шлюпки и снасти. Но, если вы смотрите съ высоты мачты, вы стоите, такъ сказать, въ сторонѣ и видите, какъ безконечно мала и какъ ничтожна «вещь», которой вы ввѣрили свою жизнь.

Сцена, на которую смотрѣли съ вершины Дельфиновой мачты наши друзья, на этотъ разъ, была поразительно прекрасна. Все огромное пространство, которое только въ состояніи былъ обозрѣть глазъ, покрыто было островами и ледяными полями, всѣхъ формъ, какія только воображеніе можетъ себѣ представить. Одни возвышались надъ водой

въ видѣ небольшихъ пиковъ и башень, другіе имѣли форму аркъ и куполовъ, иные представлялись разломанными и походили на развалины старыхъ пограничныхъ крѣпостей, между тѣмъ какъ нѣкоторые были ровны и гладки и представлялись какъ-бы полями, покрытыми бѣлымъ мраморомъ. А тишь была такая, что океанъ, по которому плыли они, походилъ на полированную [стальную] плоскость, на которой играло солнце во всемъ своемъ ослѣпительномъ блескѣ. Вершины маленькихъ острововъ были чистаго бѣлаго цвѣта, а бока тѣхъ, которые были выше, нѣжно-голубые, что придавало картинѣ особенный блескъ, дѣлавшій ее рѣшительно волшебной.

— Это далеко превосходить все, что я когда-нибудь представлялъ себѣ, воскликнулъ Синглетонъ послѣ долгаго молчанія. Теперь я понимаю, отчего писатели говорить о нѣкоторыхъ картинахъ, что ихъ невозможно описать. Не правда ли, что это похоже на сонъ, Фредъ?

— Такъ, отвѣчалъ Фредъ серьезно, я старался перенести себя воображеніемъ въ другой міръ и я почти успѣлъ въ этомъ. Когда я долго и напряженно смотрю на ледъ, то я почти готовъ думать, что предо мной улицы, дворцы и соборы. Я никогда не испытывалъ такого сильнаго желанія имѣть крылья: тогда я могъ бы перелетать съ одного острова на другой и осматривать со всѣхъ

сторонъ и эти голубыя пещеры, и эти блестящія башни.

— Это, правда, увлекательная фантазія, и нельзя сказать, чтобы неестественная, Фредъ.

Между тѣмъ какъ они сидѣли, наслаждаясь такимъ образомъ сѣверной картиной, поднялся вѣтеръ и всколебалъ поверхность моря, и «Дельфинъ», который стоялъ до сихъ поръ неподвижно въ одномъ изъ безчисленныхъ каналовъ, медленно сталъ пробираться между ледяными островами. Вѣтеръ, между тѣмъ, усиливался и становилось невозможнымъ избѣжать столкновеній съ плавающими массами; но корабль хорошо былъ вооруженъ для борьбы съ ними, и хотя онъ и пошатнулся подъ ударами и подался раза два назадъ, но потомъ опять двинулся впередъ и храбро пошелъ чрезъ ледяныя груды. Чрезъ часъ или чрезъ два, они еще разъ очутились въ сравнительно открытой водѣ.

Вдругъ раздался крикъ отъ вороньяго гнѣзда:

— Дуетъ!

Въ одно мгновеніе всѣ на кораблѣ засуетились, какъ будто получили электрическій ударъ.

— Гдѣ? закричалъ капитанъ.

— Въ подвѣтренной сторонѣ, сэръ, продолжалъ тотъ же голосъ.

Скоро тишина и спокойствіе на кораблѣ смѣнились состояніемъ чрезвычайной оживленности и

нѣкотораго замѣшательства. Видѣ кита, какъ греческій огонь, подѣйствовалъ на расположеніе всѣхъ находившихся на кораблѣ.

— Вотъ онъ дуетъ, повторилъ человекъ съ мачтоваго топа.

— Мы, кажется, прямо не него плывемъ? спросилъ капитанъ.

— Держите немножко въ сторону отъ него; еще немного! сказалъ сторожевой, пристально всматриваясь вдаль.

— Такъ, что ли? спросилъ рулевой.

— Мистеръ Болтонъ, велите отвязывать шлюпки, командовалъ капитанъ.

— Всѣ наверхъ! закричалъ лейтенантъ грознымъ голосомъ, и каждый бросился на свое мѣсто.

— Гребцы! подавайте живѣе шлюпки!

— Да, да, сэръ!

— Вонъ поднялся хвостъ,—воскликнулъ сторожевой, когда китъ нырнулъ на дно и поднялъ хвостъ въ воздухъ, на разстояніи не болѣе одной мили съ подвѣтренной стороны; онъ прямо плыветъ къ кораблю.

— Остановите корабль, кричалъ капитанъ; — мистеръ Болтонъ! привяжите крюсель! спускайте шлюпки!

Чрезъ минуту три шлюпки спустились на воду, каждая съ своей командой. Фредъ и Синглетонъ прыгнули на капитанскій ботъ, какъ разъ въ то время, какъ онъ отплывалъ отъ корабля и менѣе,

чѣмъ чрезъ пять минутъ, три бота, точно скаковыя лошади, неслись по морю, по направленію къ киту. Каждый напрягъ всѣ свои силы, и гибкія весла гнулись въ дугу, такъ какъ каждая шлюпка силилась обогнать другія.

ГЛАВА IV.

Битовая ловля и сраженіе.—Удача и опасность борьбы.—Боззби ныряетъ и этимъ спасается.—Китъ ныряетъ и умираетъ.—Безпокойная ночь кончается благополучно, хотя съ большой потерей.

Погоня продолжалась не долго, потому что шлюпки быстро приближались къ киту, а китъ, совсѣмъ безсознательно, плылъ къ шлюпкамъ.

— Живѣй ребята, живѣй! сказалъ капитанъ взволнованнымъ голосомъ.

— Согните, ребята, ваши спины и не позволяйте лейтенанту обогнать васъ.

Три шлюпки летѣли по морю, такъ какъ гребцы напрягали свои мускулы до послѣдней возможности, и сначала они плыли рядомъ, какъ равныя, но потомъ капитанская шлюпка обогнала другія, и видно было, что его гарпунщикъ, Эмосъ Парръ, будетъ имѣть честь убить перваго кита. Эмосъ

сильно ударялъ своимъ гибкимъ весломъ; позади его стояла кадь съ канатомъ, конецъ котораго спущенъ былъ внизъ и къ которому привязанъ былъ гарпунъ. Какъ опытный китоловъ, онъ не обнаруживалъ никакихъ другихъ признаковъ волненія, только темные глаза его заблестали и на бронзовомъ его лицѣ показался легкій румянецъ. Наконецъ, они приблизились къ киту и на нѣкоторое время положили весла, чтобы не упустить его изъ виду, когда онъ нырнетъ.

— Дуетъ! воскликнулъ Фредъ, съ сильнымъ волненіемъ, увидѣвъ предъ собой кита, на разстояніи не болѣе двухъ сажень.

— Ну-те, ребята, дружно, кричалъ капитанъ хриплымъ шопотомъ;—вставай!

При послѣднемъ словѣ, Эмосъ Парръ вскочилъ на ноги и схватилъ гарпунъ; шлюпка неслась прямо къ спинѣ кита, и въ одно мгновеніе два желѣзныхъ зубца гарпуна очутились въ хребтѣ чудовища.

— Назадъ!—Гребцы со всей мочи ударили въ весла, чтобы избѣжать удара хвоста раненнаго чудовища морской глубины. Шлюпка быстро отскочила назадъ, а китъ, съ быстротой молніи, бросился ко дну, унося за собой канатъ. Этотъ моментъ самый опасный. Треніе, произведенное канатомъ, сбѣгавшимъ чрезъ край носа шлюпки, того было велико, что Парръ долженъ былъ постоянно лить воду, чтобы не воспламенился боть.

Еслибы въ то время на канатѣ была связка или какое-нибудь другое препятствіе, шлюпка со всѣмъ своимъ экипажемъ, навѣрное, была бы увлечена ко дну, и подобные примѣры, дѣйствительно, бывали нерѣдко. Многіе изъ китолововъ, вслѣдствіе такихъ несчастныхъ случайностей, остались съ вывернутыми руками или ногами, или, выброшенные изъ лодки, погибли подъ водой. Поэтому одинъ изъ находившихся на лодкѣ стоялъ уже наготовѣ, съ маленькимъ топоромъ, чтобы, въ случаѣ надобности, въ одно мгновеніе, пересѣчь канатъ, такъ какъ иногда китъ, при первомъ ныркѣ, вытягиваетъ изъ шлюпки весь канатъ, и, если въ то время нѣтъ по близости другой шлюпки, канатомъ которой могъ бы быть надвизанъ истощающійся канатъ, то ничего больше не остается, какъ перерубить канатъ. Какъ бы то ни было, ни одно изъ подобныхъ несчастій не случилось, на этотъ разъ, съ экипажемъ капитанской шлюпки. Канатъ выбѣгалъ свободно, и, гораздо прежде, чѣмъ онъ вышелъ весь, китъ пересталъ опускаться, и когда, чрезъ это, канатъ сдѣлался слабѣе, его обратно начали стягивать въ шлюпку.

Между тѣмъ другія шлюпки подѣхали къ мѣсту дѣйствія, и ожидали минуты, когда животное опять покажется на поверхности. Наконецъ, оно показалось, аршинахъ въ двадцати пяти отъ шлюпки лейтенанта, гдѣ Боззби, въ качествѣ гар-

пунщика, стоялъ уже на носу бота, въ ожиданіи кита, и готовый вонзить въ него желѣзо.

— Дружно, ребята! закричалъ лейтенантъ, когда китъ пустилъ въ воздухъ огромную струю воды. Лодка прыгнула впередъ, и Боззби со всей сидой вонзилъ въ него гарпунъ. Вдругъ широкій хвостъ поднялся въ воздухъ и, какъ балдахинъ, распростерся надъ головой Боззби. Спасенія не было. Быстрый глазъ китолова тотчасъ увидѣлъ, что всякая попытка уйти бесполезна. Онъ стремглавъ бросился въ воду и въ слѣдующее мгновеніе былъ уже глубоко въ волнахъ. И только-что онъ исчезъ, какъ громадный хвостъ опустился на оставленное имъ мѣсто, совершенно отрубивъ носъ отъ шлюпки и подбросивъ корму вверхъ съ такой силой, что люди, весла, доски и снасти выпрыгнули изъ шлюпки и очутились надъ хребтомъ чудовища въ кипящемъ вокругъ него котлѣ пѣны. Повидимому, это была картина полнѣйшаго и мгновеннаго разрушенія; несмотря на то, однакоже, странно сказать,—не погибло ни одного человѣка. Спустя нѣсколько секундъ, въ бѣлой морской пѣнѣ стали показываться, одна за другой, черныя головы людей, всплывающихъ на поверхность воды и силящихся добраться до плавающихъ веселъ и обломковъ разбитой шлюпки.

— Они погибли! закричалъ Фредъ съ ужасомъ.

— Ничуть нѣтъ, новичекъ, они уже почти внѣ опасности, я увѣренъ въ этомъ,—возразилъ капи-

танъ, когда его шлюпка переплыла уже мѣсто, вспѣненное китомъ. — Пускай канатъ, Эмосъ Парръ, пускай канатъ, не то шлюпки наши останутся безъ носовъ.

— Да, да, сэръ, совершенно справедливо, — произнесъ нараспѣвъ Эмосъ, обливая водой край носа шлюпки, чрезъ который, съ быстротой молніи, сбѣгалъ канатъ. — Вся команда лейтенанта цѣла, сэръ, — продолжалъ онъ, — я всѣхъ пересчиталъ, когда мы переплыли пѣну; Боззби вынырнулъ послѣ всѣхъ, отдуваясь, какъ дельфинъ. Это похоже, однако, на чудо, если принять во вниманіе то, что онъ нырнулъ прежде всѣхъ.

— Возьми другую связку каната, Эмосъ, да продолжай отпускать, — сказалъ капитанъ.

Гарпунщакъ повиновался. Скоро и другая связка ушла вслѣдъ за китомъ, а канатъ все-еще былъ ужасно напряженъ, такъ что валы бѣлой пѣны, шумѣвшіе вокругъ шлюпки и поднимавшіеся до самаго края планшира, каждую минуту грозили наполнить шлюпку и заставить ее пойти ко дну. Такія катастрофы случаются нерѣдко, когда китоловы, послѣ того, какъ китъ взволнуетъ море, слишкомъ долго продолжаютъ держать его на канатѣ; и много было примѣровъ, что шлюпки со всѣмъ своимъ экипажемъ погружались въ воду и тамъ погибали. Къ счастью китолововъ, китъ пустился по водѣ въ горизонтальномъ направленіи, такъ что шлюпка имѣла возможность, пуская

канать, слѣдовать за нимъ, а спустя нѣкоторое время животное остановилось и опять вынырнуло, чтобы вздохнуть. Гребцы снова принялись за весла, а другіе стягивали канать до тѣхъ поръ, пока не подплыли къ самому животному. Тогда брошенъ былъ гарпунъ и копье, зубцы котораго глубоко врѣзались въ животное и проникли до жизненныхъ частей его чудовищнаго тѣла, доказательствомъ чему служила брызнувшая изъ него кровь и судорожныя движенія его ужаснаго хвоста.

Когда этимъ занята была команда капитана, Сондерсъ, младшій лейтенантъ, наблюдавшій съ корабля все происходившее на шлюпкѣ старшаго лейтенанта, выслалъ къ нему на выручку партію людей, позволяя, такимъ образомъ, третьей шлюпкѣ, которой правилъ статный мущина, по имени Петръ Гримъ, продолжать преслѣдованіе. Петръ Гримъ былъ корабельный плотникъ—занятіе, отъ котораго онъ и получилъ свое названіе. Это былъ, какъ выражались моряки, «угрюмый (grim) плотникъ», такъ какъ отъ солнца онъ сдѣлался темно-коричневаго цвѣта, и, притомъ, все лице его, чуть не до самыхъ глазъ, покрыто было густой, черной, какъ уголь, бородой и усами, которые закрывали всѣ части его лица, кромѣ сильно выдающагося носа и огненныхъ глазъ. Онъ былъ громаднаго роста, вѣроятно, самый большой человекъ на кораблѣ, исключая младшаго лейтенанта, шотландца Сондерса, съ которымъ онъ могъ соперни-

*

чать во всѣхъ отношеніяхъ и уступалъ ему развѣ въ аргументаціи. Какъ и всѣ люди его размѣра, онъ былъ молчаливъ и добродушенъ.

— Смотри жъ, ребята, теперь ухо востро!—сказалъ Гримъ, когда гребцы ударили въ весла по направленію къ киту;—мы съ нимъ скоро покончимъ, если вы броситесь на него, какъ тигры. Наляжь, ребята, наляжь! Ага! идетъ ко дну! скорѣй въ сторону, да не зѣвайте, онъ сейчасъ опять покажется.

Когда онъ говорилъ это, китъ внезапно кинулся по перпендикулярному направленію ко дну (это называется сондировать) и продолжалъ опускаться до тѣхъ поръ, пока не сбѣжала большая часть каната капитанской шлюпки.

— Поднимайте весла,—закричалъ Эмосъ Парръ, замѣтивъ, что связка каната стало быстро уменьшаться.

Услышавъ сигналъ бѣдствія, Гримъ поощрялъ гребцовъ напрячь всѣ свои силы.

— Ударь еще разъ еще! —кричалъ Парръ, между тѣмъ какъ китъ продолжалъ стремглавъ опускаться внизъ.—Скорѣй топоръ сюда!—командовалъ капитанъ Гай, сжимая губы. — Нѣтъ, пускай, пускай!

Въ это время китъ, вытянувъ болѣе тысячи сажень каната, уменьшилъ скорость, и Парръ, взявъ другую связку каната, продолжалъ пускать, пока шлюпка чуть не погрузилась въ воду.

Затѣмъ канатъ сдѣлался слабже и его быстро стали стягивать въ шлюпку. Между тѣмъ, шлюпка Грима достигла мѣста дѣйствія и гребцы держали весла наготовѣ, ожидая появленія кита. Вотъ онъ выплылъ предъ шлюпкой, аршинахъ въ двадцати пяти. Еще одинъ быстрый, энергическій взмахъ веселъ и вторая шлюпка бросила гарпунъ глубоко въ кита, между тѣмъ какъ Гримъ сталъ на носъ своего бота и съ ужасной силой пустилъ копье, которое врѣзалось глубоко въ тѣло животнаго. Чудовище пустило струю, смѣшанную изъ крови, жира и воды, и съ такой силой повернуло своимъ огромнымъ хвостомъ, что звукъ, происшедшій отъ этого, могъ быть слышенъ за милю. Еще не успѣлъ онъ опять нырнуть, какъ капитанская шлюпка подплыла къ нему и бросила въ него другой гарпунъ и нѣсколько копій, и уже, казалось, борьба приближалась къ концу, какъ вдругъ, съ трескомъ, подобнымъ громовому удару, китъ плеснулъ хвостомъ по водѣ и еще разъ бросился въ сторону, таща за собой двѣ шлюпки, точно яичныя скорлупы.

Между тѣмъ, сцена перемѣнилась. Заходящее солнце становилось краснымъ и скрылось за гряды темныхъ облаковъ, и по всему видно было, что скоро наступитъ буря. Но пока что, въ воздухѣ была почти совершенная тишь, и корабль не въ состояніи былъ плыть противъ легкаго вѣтра, на выручку двухъ шлюпокъ, которыя едва виднѣ-

лись на горизонтѣ. Но вотъ поднялся ужасный вѣтеръ и пронесся по морю; съ наступленіемъ ночи, темныя облака покрыли небо и скоро шлюпки и китъ совсѣмъ скрылись изъ виду.

— Горе мнѣ! воскликнулъ лейтенантъ, толстый шотландецъ, стоя на кормовой палубѣ и ломая руки;—что теперь дѣлать?

Сондерсъ говорилъ языкомъ, смѣшаннымъ изъ шотландскаго и англійскаго, но такъ, что, хотя шотландскія слова встрѣчались и рѣдко, произношеніе было настоящее шотландское.

— Въ какую сторону они направились?

— Въ сѣверо-сѣверо-западную, сэръ.

— Въ такомъ случаѣ, плывите въ ту сторону. Можетъ быть, если вѣтеръ не перестанетъ, мы догонимъ ихъ прежде, нежели совсѣмъ стемнѣетъ.

Хотя Сондерсъ рѣшительно находился въ состояніи крайняго смущенія отъ такой неожиданной развязки китовой ловли и совсѣмъ почти не скрывалъ своего волненія, но онъ былъ слишкомъ морякъ, чтобы пренебрегать самымъ незначительнымъ средствомъ, которое могло быть предпринято въ подобныхъ обстоятельствахъ. Онъ направился прямо къ тому мѣсту, гдѣ скрылись шлюпки; въ теченіе всей ночи, которая сдѣлалась бурной и ужасной; на вершинахъ мачтъ висѣли фонари, и огромный пламенникъ или, вѣрнѣе, маленькій потѣшный огонь, изъ смолистыхъ веществъ, выброшенъ былъ на концѣ шеста надъ кормой

корабля. Но прошло нѣсколько часовъ, а шлюпокъ не было и слѣда, и экипажъ «Дельфина» началъ уже дѣлать самыя печальныя предположенія объ ихъ судьбѣ.

Наконецъ, подъ утро, маленькое пятнышко свѣта показалось вдали, мелькнуло и потомъ опять исчезло.

— Видите ли вы вонъ въ той сторонѣ?—шепталъ съ волненіемъ Сондерсъ Мивинсу, положивъ свою огромную руку на плечо этого почтеннаго мужа.—Понизь румпель,—продолжалъ онъ,—обращаясь къ рулевому.

— Да, да, сэръ.

— Живѣй же!

— А вотъ мы живо, сэръ.

И на лицѣ Мивинса, хранившемъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ выраженіе сильнаго безпокойства, показалась простодушная улыбка; онъ сильно ударилъ себя по бедру и громко воскликнулъ:

— Это они, сэръ, и это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Какъ ваше мнѣніе объ этомъ, мистеръ Сондерсъ?

Младшій лейтенантъ пристально посмотрѣлъ по направленію къ тому мѣсту, гдѣ показался свѣтъ, и Мивинсъ сморщилъ свое лицо съ выраженіемъ такого напряженнаго вниманія, что, казалось, никакая человѣческая сила не въ состояніи была развлечь его.

— Вотъ онъ опять,—воскликнулъ Сондерсъ,

когда свѣтъ явственно показался на поверхности воды.

— Понизь румпель, назадъ форъ-стенгу!—продолжалъ онъ, бросаясь впередъ.—Спускай шлюпку!

Чрезъ нѣсколько секундъ, корабль легъ въ дрейфъ, и шлюпка съ фонаремъ, прикрѣпленнымъ къ веслу, неслась по волнамъ по направленію къ свѣту. Скорѣе, чѣмъ можно было ожидать, она подплыла къ нему, и радостные, раздавшіеся вдаль « ура!» показывали, что все обстояло благополучно.

— Вотъ и мы, слава Богу,—закричалъ капитанъ Гай,—здоровы и невредимы. Намъ не нужна помощь, мистеръ Сондерсъ. Гребите къ кораблю.

Не много нужно было времени для того, чтобы три шлюпки подплыли къ кораблю, и спустя нѣсколько секундъ экипажъ поздравлялъ своихъ товарищей съ тѣмъ смѣшаннымъ чувствомъ искренней задушевности и расположенія къ шуткѣ, которое свойственно людямъ, привыкшимъ къ опасности, послѣ того, какъ опасность прошла.

— А китъ-таки ушелъ, однако, замѣтилъ капитанъ Гай, сопровождая, экипажъ въ каюту; — но мы, надѣюсь, скоро вознаградимъ эту потерю.

— О, непременно!—сказалъ одинъ изъ матросовъ, выкручивая свое мокрое платье и шагая впередъ.—Ай да Петръ Гримъ! Ну, хоть съ китомъ мы взяли шишъ, да зато есть надъ чѣмъ посмѣяться.

— Что-жъ у васъ тамъ смѣшнаго, Джэкъ?

— Да какъ же, прежде, чѣмъ китъ нырнулъ, онъ пустилъ струю крови и жира, толстую, какъ гротъ-мачта, а тотъ какъ разъ и подоспѣй подъ нее: съ ногъ до головы, бѣдняжка, измокъ и сталъ красенъ, какъ морской ракъ.

— Ну, а какъ же вы рыбу потеряли, сэръ? — спросилъ Мивинсъ, когда нашъ герой вскочилъ на бортъ, сопровождаемый Синглетономъ.

— Потеряли, точно такъ же какъ въ настоящее время люди теряютъ деньги въ спекуляціяхъ желѣзныхъ дорогъ. Мы послали его ко дну, да потомъ его уже и въ глаза его не видали. Послѣ того, какъ онъ чуть было не потопилъ насъ, — не могу сказать навѣрное, гдѣ это было, знаю только, что отсюда не видать, — онъ внезапно остановился; мы сейчасъ же къ нему и бросили, въ него нѣсколько копій, такъ что изъ него хлынули потоки крови. Мы совсѣмъ уже было считали его покойникомъ, а онъ вдругъ какъ бросится на дно точно пушечное ядро, и еще весь канатъ вынатулъ изъ обѣихъ шлюпокъ, такъ что пришлось пересѣчь его, — а онъ и былъ таковъ. А между тѣмъ уже стемнѣло, такъ мы его больше и не видали. Потомъ мы взялись за весла и поплыли къ тому мѣсту, гдѣ, по нашему расчету, долженъ былъ находиться корабль, и такъ работали всю ночь; наконецъ таки увидѣли мы ваши огни. И вотъ мы здѣсь, до смерти уставшіе, промокшіе до костей, потерявшіе мили двѣ каната съ тремя гарпунами.

ГЛАВА V.

Различныя размышленія. — Гренландскій берегъ. — Уппернавикъ. — Извѣстія о «Полярной Звѣздѣ». — Полночный день. — Научныя факты и волшебныя картины. — Мнѣніе Тома Синглетона о бѣдныхъ старыхъ женщинахъ. — Опасность быть раздавленными. — Спасеніе.

Согласно съ своимъ прежнимъ предположеніемъ, капитанъ Гай направлялся теперь чрезъ Дэвисовъ проливъ въ заливъ Баффиновъ, въ концѣ котораго онъ намѣренъ былъ разыскивать своего друга, капитана Эллиса, и потомъ уже продолжать китовую ловлю. Много китолововъ пріѣзжало сюда съ Гренландскаго берега на войну съ гигантами Полярныхъ морей, и со многими изъ нихъ говорилъ капитанъ, въ надеждѣ получить отъ нихъ хоть какое-нибудь извѣстіе о «Полярной Звѣздѣ», но все безуспѣшно. Теперь для экипажа «Дельфина» сдѣлалось ясно, что розыски столько же составля-

ють цѣль его экспедиціи, сколько и китовая ловля, и то обстоятельство, что начальникомъ погибшаго корабля былъ отецъ «молодаго мистера Фреда», какъ называли нашего героя, заставляло его принимать живое участіе въ успѣхахъ его предпріятія.

Это участіе еще болѣе усиливалось живописными разказами честнаго Джона Боззби о смерти бѣдной мистриссъ Эллисъ и тѣмъ энтузіазмомъ, съ которымъ онъ говорилъ о своемъ бывшемъ капитанѣ. Притомъ же, Фредъ, за свое свободное и пріятное обращеніе и свою безпечность, сдѣлался всеобщимъ любимцемъ экипажа и особенно пользовался уваженіемъ баталера Мивинса, человѣка съ романическимъ, въ высшей степени, духомъ, которому онъ разъ или два чрезвычайно энергически высказалъ, что, если капитану не удастся найти его отца, то онъ, Фредъ, намѣренъ высадиться на берегъ Баффинова залива и одинъ, пѣшкомъ, продолжать искать его. Какъ бы то ни было, не подлежало ни малѣйшему сомнѣнію, что бѣдный Фредъ не шутитъ и что онъ твердо рѣшился скорѣе умереть среди поисковъ, нежели воротиться домой не нашедши отца. Онъ слишкомъ мало зналъ и ужасную природу страны, въ которую судьбѣ угодно было навремя забросить его, и безнадежность предпріятія, которое онъ задумывалъ. По своей дѣтской безпечности, онъ не рассудилъ, съ какими препятствіями предстоитъ ему

бороться, не вспомнилъ, сколько затрудненій можетъ встрѣтить на пути своемъ; но, съ рѣшимостью, свойственной зрѣлымъ людямъ, постановилъ покинуть корабль и изойти вдоль и поперёгъ всю страну, если только это понадобится для отысканія отца. Пусть читатель не смѣется надъ тѣмъ, что онъ, можетъ быть, назоветъ дѣтскимъ энтузіазмомъ. Много молодыхъ людей его возраста мечтаютъ пуститься на такія, если не на болѣе невозможныя предпріятія. Честь тому юношѣ, которому только приходятъ на мысль подобныя невозможности, и еще большія честь тому который, подобно Фреду, рѣшается преодолѣть ихъ! Джемсъ Уаттъ пристально смотрѣлъ на желѣзный чайникъ, пока у него не потемнѣло въ глазахъ, и мечталъ о чудовищной невозможности заставить котелъ работать подобно лошади. И надъ Джемсомъ Уаттомъ могли смѣяться и, можетъ быть, дѣйствительно, смѣялись въ то время; посмѣются ли надъ Джемсомъ Уаттомъ въ настоящее время, теперь, когда тысячи желѣзныхъ котловъ, подобно кометамъ, летаютъ вдоль и поперёгъ земли, не говоря уже о морѣ, съ длиннымъ хвостомъ мушинъ, женщинъ и дѣтей позади?

— Вы основательно изволите разсуждать сэръ, — говаривалъ Мивинсъ когда Фредъ заводилъ съ нимъ рѣчь объ этомъ предметѣ. Что касается до меня, то я никогда еще не былъ въ полярныхъ странахъ, сэръ, а я таки видывалъ виды и убѣдился,

что человѣкъ съ парой здоровыхъ ногъ и съ охотой къ труду вездѣ можетъ прожить. Вотъ хоть къ примѣру сказать о населеніи этихъ странъ, какъ разсказываютъ. Вѣдь живетъ здѣсь эскимось, а гдѣ живетъ одинъ человѣкъ, тамъ можетъ прожить и другой, и что можетъ дѣлать одинъ человѣкъ, то и другой можетъ дѣлать: это я на себѣ испыталъ и не стыжусь сознаться въ этомъ, не стыжусь, хотя и знаю, что мнѣ не слѣдовало бы говорить этого, и я васъ уважаю, сэръ, за вашу сыновнюю рѣшимость найти вашего папеньку, сэръ, и.....

— Баталеръ! — раздался изъ люка голосъ капитана.

— Да, сэръ.

— Подайте сюда карту.

— Да, сэръ,—и Мивин съ исчезъ изъ каюты, какъ молоточекъ въ коробочку, въ то самое время, когда Томъ Синглетонъ вошелъ.

— Вотъ мы и въ виду датскаго поселенія — Уппернавика, Фредъ; пойдѣмъ на палубу посмотрѣть его,—сказалъ Синглетонъ, снимая телескопъ, висѣвшій надъ дверью каюты.

Фреда не нужно было долго просить. Это было то мѣсто, гдѣ, по предположенію капитана, они должны были получить какія-нибудь извѣстія о «Полярной Звѣздѣ», и съ чувствомъ, понятнымъ не для всѣхъ, два друга стали разсматривать низенькіе домики этого уединеннаго поселенія.

Чрезъ часъ капитанъ и старшій лейтенантъ съ нашими молодыми друзьями высадились на берегъ, при громкихъ привѣтствіяхъ всего населенія, и пошли къ дому губернатора, который принялъ ихъ весьма ласково и радушно; но единственное извѣстіе, которое они могли получить отъ него, было то, что, годъ тому назадъ, капитанъ Эллисъ прибитъ былъ сюда бурей, а потомъ, починивъ корабль и взявъ порядочный запасъ провизіи, поплылъ опять въ Англію.

— Здѣсь «Дельфинъ» запасся сушеной рыбой и приобрѣлъ себѣ нѣсколько собакъ и эскимосскаго переводчика и охотника, по имени Митэка.

Оставивъ это маленькое поселеніе, они еще разъ выступили въ море, чрезъ льдины, съ которыми они хорошо теперь были знакомы во всѣхъ формахъ, отъ огромныхъ грудъ или ледяныхъ горъ, до широкихъ полей. Они минули нѣсколько эскимосскихъ поселеній, изъ которыхъ послѣднее, Тотлинъ, составляетъ самый сѣверный предѣлъ колонизаціи. За этими поселеніями лежала уже *terra incognita*. Здѣсь опясъ сдѣланы были распросы съ помощью эскимосскаго переводчика, взятаго на Гренландскомъ берегу, въ Уппернавинѣ; изъ распросовъ этихъ узнали, что бригъ, о которомъ рѣчь, засѣлъ было недавно между грудями льда и потомъ поплылъ къ сѣверу. Но возвратился ли онъ назадъ или нѣтъ—не могутъ сказать.

Послѣ нѣкотораго совѣщанія, положено подвиг-

гаться далѣе на сѣверъ, до тѣхъ поръ, пока льдины позволяютъ имъ это, къ Смитову заливу, и хорошенько осмотрѣть берегъ по этому направленію.

Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, проведенныхъ въ этихъ странахъ, постепенно перемѣнялись картины природы, о которыхъ мы до сихъ поръ не говорили ни слова и которыя приводили въ изумленіе Фреда Эллиса и его друга, молодого лекаря. Таковъ былъ продолжительный дневной свѣтъ, который длился всю ночь и усиливался съ каждымъ днемъ, по мѣрѣ того, какъ они подвигались къ сѣверу. Правда, они часто объ немъ слышали и читали прежде, но воображеніе далеко недостаточно было для того, чтобы составить правильное представленіе о необыкновенной тишинѣ и красотѣ сѣвернаго полночнаго дня.

Всѣмъ извѣстно, что, такъ какъ ось земли не перпендикулярна къ плоскости ея орбиты вокругъ солнца, то полосы, попеременно, приближаются болѣе или менѣе къ великому свѣтилу въ продолженіе одного времени года и удаляются отъ него въ продолженіе другого. Поэтому, на отдаленномъ сѣверѣ, день, въ теченіе одного времени года, постепенно увеличивается, до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, не наступитъ «одинъ длинный день», продолжающійся нѣсколько недѣль, такъ что солнце въ это время ни разу не заходитъ; зато, въ теченіе другого времени года, наступаетъ «длинная ночь», въ которую солнце никогда не восходитъ.

Когда «Дельфинъ» приближался къ Арктическому поясу, была самая середина лѣта, и, хотя солнце каждую ночь скрывалось на короткое время за горизонтъ, но свѣтъ совсѣмъ почти не уменьшался въ это время, или, по крайней мѣрѣ, уменьшеніе это не было замѣтно для глазъ, и казалось, что тогда былъ одинъ непрерывный день, который въ полночь становился все свѣтлѣе и свѣтлѣе, по мѣрѣ того, какъ корабль приближался къ полюсу.

— Какой великолѣпный день!—сказалъ въ одну ночь Синглетонъ Фреду, когда они сидѣли на своемъ любимомъ мѣстѣ на гротъ-марсѣ, смотря внизъ на стеклянное, покрытое ледяными горами и полями, море, на поверхности котораго играли яркіе лучи солнца;—и какъ странно вспомнить, что солнце зайдетъ здѣсь на какой-нибудь часъ и потомъ опять взойдетъ, величественное, какъ всегда!

Вечеръ былъ тихъ, какъ смерть. Ни одинъ звукъ не нарушилъ тишины, только иногда доносились до ушей мягкіе крики нѣсколькихъ морскихъ птицъ, которыя по временамъ погружались въ море, будто нѣжно цѣлуя его, и потомъ снова поднимались къ свѣтлому небу. Паруса чуть-чуть колыхались на кораблѣ и спаръ жалобно скрипѣлъ, а корабль, то приподнимался, то опускался на чуть двигавшіяся волны, которыя казались дыханіемъ океана. Но эти звуки нисколько не нарушали безмолвія, царствовавшего въ это время на

морѣ; не нарушало его плесканіе моржей и тюленей, игравшихъ на солнцѣ вокругъ отдаленныхъ фантастическихъ глыбъ льда; не нарушалъ его и тихій ропотъ зыби у подошвы ледяныхъ горъ, голубые бока которой изрѣзаны были тысячью водяныхъ потоковъ и которыхъ зазубренные вершины, какъ стальныя иглы, возвышались въ свѣтломъ воздухѣ.

На небольшомъ разстояніи отъ корабля плавало множество ледяныхъ горъ различныхъ формъ и размѣровъ, которыя озабочивали капитана и служили источникомъ удивленія для нашихъ молодыхъ друзей на гротъ-марсѣ.

— Томъ, сказалъ Фредъ послѣ долгаго молчанія, можетъ быть, вамъ покажется странной эта мысль; но, знаете ли, я думаю, что рай долженъ быть чѣмъ-нибудь въ этомъ родѣ.

— Фредъ, я самъ не увѣренъ въ томъ, что эта мысль странна, такъ какъ картина эта заключаетъ въ себѣ двѣ свойственныя раю черты: тишину и покой.

— Да, я согласенъ съ этимъ. Знаете ли, я хотѣлъ бы, чтобы постоянно была бы такая тишина, какъ теперь, и чтобы не было ни малѣйшаго вѣтра.

Томъ улыбнулся. — Ваше путешествіе кончилось бы слишкомъ не скоро, еслибы только исполнилось ваше желаніе. Вотъ эскимосы, тѣ, конечно, раздѣляютъ ваше желаніе, такъ какъ ихъ

кайаки и ооміаки привычны болѣе къ тихому, нежели къ бурному морю.

— Томъ,—сказалъ Фредъ, прерывая новое продолжительное молчаніе, — вы очень безтолковы и скучны сегодня, отчего вы не говорите со мной?

— Оттого, что этотъ роскошный и фантастическій вечеръ располагаетъ меня больше къ размышленію и молчанію.

— Ахъ, Томъ! это грубая ошибка съ вашей стороны. Вы любите слишкомъ много думать и слишкомъ мало говорите. Я, напротивъ, я всегда...

— Вы всегда расположены болѣе говорить и мало думать, не такъ ли, Фредъ?

— Ба! да вы сегодня превосходите себя; вы прежде не охотникъ были до шутокъ. Не правда ли, что вамъ никогда не случалось видѣть коллекцію такихъ жалкихъ твореній, каковы старыя эскимосскія женщины въ Уппернавинѣ?»

— Что это онѣ пришли вамъ на мысль?—спросилъ Томъ смѣясь.

— Смотрите вонъ ту ледяную гору: здѣсь есть носъ и подбородокъ той необыкновенной вѣдьмы, которой вы дали вашъ шелковый носовой платокъ при отъѣздѣ. Я ни когда не видалъ такой жалкой старухи, какъ та, которая предъ нами; какъ вы думаете?

Все лице Тома Синглегона перемѣнилось, темные глаза его заблистали, брови сильно нахмурились, и онъ возражалъ: — Да, Фредъ, я видѣлъ

старыхъ женщинъ жалче этихъ. Я видѣлъ такихъ старухъ, которыхъ дрожащія ноги едва въ состояніи были поддерживать ихъ, идущихъ въ самой жестокій вѣтеръ, въ одеждѣ слишкомъ малой для того, чтобы прикрывать ихъ тѣло, морщинистое, шероховатое и гадкое дотога, что васъ бы покорило, еслибы дотронулись до него, я видѣлъ такихъ женщинъ, бродящихъ между кучами грязи, такъ что даже собаки отворачивались отъ нихъ.

Фредъ готовъ былъ смѣяться надъ внезапной переменой тона своего друга, но въ характерѣ молодаго лекаря было что-то такое—можетъ быть, его серьезность,—что дѣлало смѣхъ неумѣстнымъ, по крайней мѣрѣ, не позволяло его другу шутить въ то время, когда онъ расположенъ былъ говорить серьезно. Фредъ принялъ серьезный видъ.

— Гдѣ же вы видѣли такія жалкія созданія, Томъ?—спросилъ онъ съ видомъ любопытства.

— Въ городахъ, въ цивилизованныхъ городахъ нашей христіанской страны. Если вы когда-нибудь проходили по улицамъ нѣкоторыхъ изъ этихъ городовъ, на зарѣ, когда всѣ остальные еще спятъ, вы должны были видѣть, какъ онѣ, дрожащія, бродятъ тамъ и сямъ, прося подаванія и получая вездѣ отказъ отъ обитателей сосѣднихъ домовъ. О Фредъ, Фредъ! Занимаясь практикой, какъ она ни была непродолжительна, я видѣлъ много такихъ жалкихъ старухъ и много другихъ,—которыхъ никогда никто не видитъ на улицахъ,—умирающихъ медленной

смертью отъ голода, усталости и холода. Это самое черное пятно, лежащее на нашей странѣ, что нѣтъ достаточнаго пропитанія для «старыхъ нищихъ».

— Я также видѣлъ этихъ старыхъ женщинъ, — сказалъ Фредъ, — но я до сихъ поръ никогда не думалъ объ нихъ серьезно.

— Вотъ въ томъ-то и дѣло, люди никогда «не думаютъ» объ этомъ, иначе этотъ ужасный порядокъ вещей не продолжался бы до сихъ поръ. Попробуйте «теперь» хоть вникнуть въ то, что я сказалъ сейчасъ. И не думайте, что я говорилъ здѣсь за нищихъ вообще. Я не очень жалѣю, — можетъ быть, я и неправъ, продолжалъ Томъ задумчиво, можетъ быть, я неправъ, въ чемъ я, впрочемъ, сомнѣваюсь, но, во всякомъ случаѣ, это фактъ, — я не очень жалѣю молодыхъ, здоровыхъ нищихъ, и принялъ себѣ за правило «никогда» ничего не давать «молодымъ» нищимъ, просящимъ подаянія, даже малымъ дѣтямъ, потому что я очень хорошо знаю, что ихъ послали просить милостыню ихъ лѣнивые, негодные родители. Я стою только за нищихъ стариковъ и старухъ, потому что, каковы бы они ни были, хороши или дурны, они не могутъ помочь сами себѣ. Когда человѣкъ падаетъ на улицѣ, въ изнеможении отъ какой-нибудь ужасной болѣзни, поразившей его мускулы, расслабившей его нервы, заставившей трепетать его сердце и судорожно сокра-

щаться его кожу, — въ состояніи ли бы вы были, посмотрѣвъ на него, пройти мимо, не думая объ немъ?

— О, нѣтъ! — воскликнулъ Фредъ выразительно. — Я не прошелъ бы мимо! я бы остановился и подалъ бы ему помощь.

— Теперь, позвольте мнѣ спросить васъ, — продолжалъ Томъ серьезно, — какая разница, происходитъ ли слабость мускуловъ и сердцебіеніе отъ болѣзни или отъ дряхлости, за исключеніемъ развѣ того, что послѣдняя неизлечима? Развѣ нѣтъ у этихъ женщинъ такихъ же чувствъ, какъ и у другихъ женщинъ? Думаете ли вы, что нѣтъ между ними такихъ, которыя знали лучшія времена? Онѣ вспоминаютъ о своихъ сыновьяхъ и дочеряхъ, умершихъ или отсутствующихъ, и вспоминаютъ, можетъ быть, точно такъ же, какъ и старыя женщины, находящіяся въ лучшихъ обстоятельствахъ, только у нихъ нѣтъ средствъ освободиться отъ гнетущихъ ихъ мыслей. Онѣ сохраняютъ въ себѣ всю энергію, у нихъ хватаетъ рѣшимости таскаться изъ конца въ конецъ по городу, можетъ быть, босыми и въ холодъ, прося Христа-ради куска хлѣба и питаюсь только тѣмъ, что могутъ найти между кучами золы. Онѣ, можетъ быть, сѣтуютъ о быломъ благосостояніи и о былыхъ временахъ и вспоминаютъ о дняхъ, когда ихъ ноги были крѣпки и щеки гладки, — вѣдь онѣ не все же были «вѣдьмами», — вспоминаютъ, какъ у нихъ «когда-

то» были друзья, которые любили ихъ и ухаживали за ними; а теперь вотъ онѣ стары, одиноки и покинуты всѣми.

Томъ остановился и положилъ руку на лобъ, на которомъ выступила краска.

— Вамъ, можетъ быть, покажется страннымъ,— продолжалъ онъ,—что я такъ говорю съ вами о нищихъ старухахъ, но я глубоко «сочувствую» ихъ плачевному состоянію. Молодые имѣютъ возможность, болѣе или менѣе, помогать себѣ сами, и у нихъ есть сила облегчить свою скорбь «надеждой», благословенной надеждой и твердо устоять противъ несчастія; но «бѣдные» старики и старухи, они не могутъ помочь себѣ сами, не могутъ облегчить своей печали, и до самого конца ихъ дней, которые суждено имъ прожить, у нихъ нѣтъ «никакой надежды», развѣ надежда умереть, раньше или позже, и если можно, лѣтомъ, когда вѣтеръ не такъ холоденъ и жестокъ.

— Но какъ же помочь этому, Томъ,—спросилъ Фредъ съ выраженіемъ глубокаго состраданія.— Если намъ жаль нищихъ и если мы сочувствуемъ имъ (и, увѣряю васъ, вы заставили меня сочувствовать имъ), можемъ ли мы сдѣлать для нихъ хоть что нибудь, какъ вы думаете?

— Не знаю, Фредъ,—возразилъ Томъ, впадая въ свой обыкновенный спокойный тонъ.—Если бы каждый городъ и каждое мѣстечко Великобританіи составили общества, которыхъ главная цѣль со-

стояла бы въ томъ, чтобы не оставлять ни одного старика и ни одной старухи безъ призрѣнія, — вотъ что могло бы облегчить ихъ участь, — точно также, еслибы правительство «честно» приняло призрѣніе на себя.

— Зовите всѣхъ сюда, мистеръ Болтонъ — закричалъ капитанъ рѣзкимъ голосомъ. — Шесты сюда, да скорей отвязывай шлюпки.

— Эй! что тамъ случилось? — спросилъ Томъ, вдругъ опомнившись.

— Я полагаю, что приближаются ледяные горы, — замѣтилъ Томъ. — Фредъ, прежде, чѣмъ мы уйдемъ на палубу, обѣщайте мнѣ исполнить то, о чемъ я попрошу васъ?»

— Хорошо, исполню.

— Въ такомъ случаѣ, обѣщаете ли вы, въ теченіе всей вашей жизни, особенно, когда вы сдѣлаетесь богаты или вліятельны, думать о нищихъ и дѣйствовать на пользу тѣхъ стариковъ и старухъ, которые не въ состояніи заботиться о себѣ?

— Обѣщаю, — отвѣчалъ Фредъ, — но я не знаю, буду ли я когданибудь богатъ или вліятеленъ или въ состояніи много помочь имъ.

— Безъ сомнѣнія, вы этого не знаете. Но, если мысль объ нихъ придетъ вамъ въ голову, обѣщаете ли вы остановиться на ней! и примѣнить ее къ дѣлу, если вамъ дастъ Богъ возможность.

— Конечно, Томъ, я обещаю сдѣлать все, что только средства позволятъ мнѣ сдѣлать.

— Хвалю вашу рѣшимость, другъ, и благодарю васъ, — сказалъ молодой лекаръ, они спускаясь внизъ и прыгая на палубу.

Здѣсь они нашли капитана, быстро шагавшаго назадъ и впередъ и, видимо, чѣмъ-то озабоченнаго. Сдѣлавъ два или три оборота, онъ вдругъ остановился и началъ пристально смотрѣть съ кормы.

— Натяните паруса, мистеръ Болтонъ, — скоро, кажется, долженъ подняться вѣтеръ. Да чтобы гребцы гребли проворнѣй!

Распоряженіе было отдано, и скоро корабль былъ подъ тучей парусовъ, медленно подвигаясь впередъ, между тѣмъ какъ двѣ шлюбки буксировали между двумя огромными ледяными горами, постепенно приближавшимися другъ къ другу.

— А что, Боззби, намъ, кажется, опасность угрожаетъ? — спросилъ Фредъ, между тѣмъ какъ дюжій морякъ стоялъ съ шестомъ въ рукахъ и нетерпѣливо смотрѣлъ на большую гору.

— Опасность? да, молодой человѣкъ, угрожаетъ опасность; эта вещь, какъ изволите видѣть, весьма непріятная. Теперь намъ не выпутаться изъ бѣды, потому, — нѣтъ ни малѣйшаго вѣтра, а мы плывемъ между двумя горами, которыя, того и гляди, раздавятъ насъ, какъ орѣхъ. Мы вѣдь не можемъ плыть ни направо отъ нихъ, потому что потокъ несетъ насъ въ другую сторону, ни налѣ-

во, потому что гряда не позволяет: приходится плыть посреди ихъ; пусть будетъ, что будетъ.

Опасность, дѣйствительно, была неизбежна. Двѣ горы находились не болѣе, какъ на разстояніи ста ярдовъ одна отъ другой, и меньшая изъ нихъ, плывшая, вѣроятно, вслѣдствіе потока, быстрѣе другой, подошла къ болѣеи на такое разстояніе, что, казалось, готова была рѣшить участь «Дельфина» въ нѣсколько минутъ. Гребцы работали, сколько у нихъ было силы, но, при всемъ ихъ усилии, они только медленно могли двигать корабль. Какъ бы то ни было, помощь явилась изъ рукъ Того, кто составляетъ послѣднее убѣжище въ минуту опасности. Вѣтеръ уже рябилъ вдали спокойное море, приближаясь постепенно къ кораблю какъ разъ со стороны кормы, и на встрѣчу ему натянуть былъ сверху и снизу лисель; неопытному глазу казалось, что не было никакой соразмѣрности между широко натянутыми и далеко выдающимися направо и налѣво парусами и маленькимъ корпусомъ, который ихъ поддерживалъ.

Съ замираніемъ сердца стояли наши герои на бортѣ корабля, наблюдая за двумя горами и за приближающимся вѣтромъ.

И вотъ онъ, наконецъ, поднялся. Какъ будто нѣсколько кошачьихъ лапъ, взбороздилъ онъ поверхность моря; паруса надулись на минуту, а потомъ снова повисли. Но этого было достаточно. Еще одно такое же дуновеніе, и корабль былъ

уже виѣ опасности. Но прежде, чѣмъ опасность прошла, выдающіяся вершины меньшей горы нависли уже надъ самой палубой. Въ эту критическую минуту, вѣтеръ началъ дуть постоянно, и скоро «Дельфинъ» очутился въ открытой водѣ, оставивъ горы за собой. Минутъ чрезъ пять послѣ того, какъ корабль прошелъ, движущіяся горы столкнулись съ грохотомъ громче громоваго удара; цѣлый рядъ обломковъ вершины и большей части боковъ ихъ, сопровождаемый продолжительнымъ гуломъ, подобнымъ реву артиллеріи, рухнулъ на то самое мѣсто, чрезъ которое, не болѣе четверти часа тому назадъ, прошелъ корабль, а корабль, чрезъ нѣсколько времени, бросался изъ стороны въ сторону по волнамъ, которыя вырывались изъ подъ обрушивавшихся ледяныхъ массъ.

ГЛАВА VI.

Вѣтеръ.—Корабль прикрѣпляется къ ледяной горѣ, которая измѣняетъ ему.—Опасность со стороны «скопленія льдинъ» («Pack»).—Мивинсъ обнаруживаетъ пытливость.—Моржи.—Вѣтеръ усиливается.—Цѣпи и канаты.—Борьба за жизнь.—Неожиданное открытіе.—«Сдавленіе» («nipping») и его ужасныя послѣдствія.—Корабль пристаётъ къ ледяной горѣ.

Опасность, о которой мы рассказали въ послѣдней главѣ, была только начало ужасовъ, продолжавшихся цѣлую ночь. Къ счастью, какъ мы уже замѣтили вышѣ, затрудненія, съ которыми пришлось бороться нашимъ путешественникамъ въ эту ночь, не увеличивались ея темнотой. Вскорѣ послѣ того, какъ корабль минулъ ледяныя горы, страшный вѣтеръ поднялся съ берега; между послѣднимъ и «Дельфиномъ» находилась цѣлая полосу полураздробленныхъ льдинъ, а по другую сто-

рону корабля плыло скопленіе льдинъ, представлявшее ужасную сцену распадёнія отдѣльныхъ массъ подъ вліяніемъ вѣтра, который скоро сдѣлался чрезвычайно силенъ.

— Держите отъ нея въ сторону градуса на два,—сказалъ капитанъ Гай рулевому;—намъ слѣдуетъ привязать корабль къ той вонъ горѣ, мистеръ Болтонъ, потому что, если этотъ вѣтеръ понесетъ насъ на груду, то насъ далеко отброситъ въ сторону, если только груды не сдавятъ насъ и не пошлетъ ко дну.

Быть сдавленнымъ составляетъ одну изъ безчисленныхъ опасностей, которымъ подвергаются мореплаватели въ Арктическомъ поясѣ. Если корабль попадетъ между двухъ пловучихъ ледяныхъ полей, то иногда случается, а въ особенности, во время бури, что льдины смыкаются и сжимаютъ корабль съ обѣихъ сторонъ,—это и называется сдавливаніемъ (*nipping*).

— Да, замѣтилъ Боззби, стоявшій сложа руки, возлѣ кабестана;—много, и даже очень много, хорошихъ кораблей погибло отъ этого самаго. Я самъ, собственными двумя глазами, видѣлъ, какъ однажды брикъ былъ почти сплюснутъ двумя громадными пловучими льдинами; льдины сейчасъ же опять разошлись, и брикъ пошелъ ко дну. Но, прежде, чѣмъ онъ былъ сдавленъ, экипажъ спасся тѣмъ, что выскочилъ на льдину изъ корабля; тутъ на помощь имъ подоспѣлъ нашъ корабль и забралъ ихъ.

— Ну, на льдину-то ужъ плохо полагаться, — замѣтилъ Эмосъ Парръ: — я и самъ видѣлъ что-то вродѣ сдавливанія, о которомъ вы говорите; оно случилось съ небольшою шкуною въ Дэвисовомъ проливѣ, только льдины не сплюснули ее, а подняли кверху надъ водой, а потомъ снова бросили ее внизъ.

— Скорѣй сюда кабельтовыхъ и якорей!

Вмигъ нѣсколько человѣкъ уже работали на ботахъ, то поднимая, то бросая якоря; и нѣсколько часовъ такой тягостной работы понадобилось для того, чтобы прикрѣпить корабль къ горѣ. Но, только — что работа стала приближаться къ концу, какъ гора наклонилась, угрожая паденіемъ, — корабль быстро отскочилъ въ сторону, а вслѣдъ за тѣмъ масса льда, въ нѣсколько сотъ тысячъ пудовъ, обрушилась съ того самаго края горы, у котораго корабль совсѣмъ уже было сталъ на якорь.

Капитанъ рѣшился плыть къ берегу, въ надеждѣ найти удобное мѣсто, чтобы стать на якорь. Сначала льды представляли непреодолимую преграду, но наконецъ, найденъ былъ каналъ, свободный отъ льдинъ, по которому корабль подплылъ на разстояніе нѣсколькихъ сотъ ярдовъ отъ берега, представлявшаго въ этомъ мѣстѣ высокій и крутой утесъ.

— Бросай здѣсь якорь, — закричалъ капитанъ.

— Да, да, сэръ.

— Отпусти румпель. Теперь бросай.

Якорь полетѣлъ внизъ подъ музыку гремящей цѣпи,—звукъ, котораго не слышно еще было съ того времени, какъ корабль покинулъ берега старой Англіи.

— Лучше бы намъ было подвинуться еще на нѣсколько ярдовъ впередъ,—замѣтилъ старшій лейтенантъ.—Видите потокъ льда, который обходитъ вонъ тотъ мысъ? чего добраго, онъ затретъ насъ.

— Пожалуй,—возразилъ капитанъ, только я боюсь, что намъ не удастся избѣжать его по случаю береговаго льда. Спускайте шлюпку, мистеръ Сондерсъ, да попробуйте бросить на льдину якорь; можетъ быть, намъ еще удастся подвинуться на нѣсколько ярдовъ.

Приказаніе было исполнено, но, несмотря на всѣ усилія матросовъ, корабль не могъ пробраться чрезъ береговой ледъ. Между тѣмъ, вѣтеръ усилился и снѣгъ повалилъ огромными хлопьями. Съ отливомъ, потокъ льда, о которомъ мы только что упомянули, хлынулъ къ кораблю. Сначала толчки были незначительны; пловучія льдины отбивались отъ носа корабля и уносились въ стороны; но скоро нахлынули большія массы, и, наконецъ, одна изъ нихъ уперлась въ канатъ и, съ глухимъ шумомъ потащила якорь.

Фредъ Эллисъ, стоявшій съ младшимъ лейтенантомъ, посмотрѣлъ на него вопросительно.

— А, это плохо,—сказалъ Сондерсъ, слегка покачивая головой, этотъ звукъ весьма непріятенъ

для моего слуха. Если насъ занесетъ въ льдины, то, Богъ знаетъ, что съ нами станется.

— Пожалуй, насъ еще затопить, сэръ, — замѣтилъ жирный поваръ, проходившій въ это время съ блюдомъ. Миззль и теперь не пересталъ шутить, какъ ни плачевно было положеніе корабля и какъ ни ужасны могли быть послѣдствія такого положенія.

— Совѣтую вамъ, сударь, держать языкъ за зубами, — воскликнулъ Сондерсъ съ негодованіемъ. — Занимались бы вы лучше своимъ дѣломъ и говорили только тогда, когда васъ спрашиваютъ.

Ледяная масса освободилась было отъ задерживавшаго ее каната, но, спустя нѣсколько минутъ, прикрѣпилась къ нему другая, еще бѣльшая масса и грозила унести его съ собой.

Въ этой крайности, капитанъ скомандовалъ поднять якорь, что, однако, не легко было исполнить, и, когда якорь вытасченъ былъ на носъ корабля, то обѣ его лапы оказались совсѣмъ отломанными, а веретено гладко заполированнымъ отъ тренія льда.

Ледъ, въ огромномъ количествѣ, съ неудержимой силой, покатился теперь внизъ, и корабль попалъ въ страшное скопленіе льдинъ, въ которыхъ онъ крѣпко засѣлъ и которыя всю эту ночь несли его, по волѣ вѣтра, въ невѣдомыя сѣверныя страны. Къ еще большему бѣдствію и опасности путешественниковъ, море покрыто было густымъ туманомъ.

номъ, такъ что они сами, не знали, куда занесутъ ихъ льдины, а освободиться отъ нихъ не было ни малѣйшей возможности. Ничего, слѣдовательно, не оставалось больше, какъ плыть туда, куда несетъ вѣтеръ и ожидать минуты, когда льдины раздѣлятся, и дадутъ имъ возможность спастись.

На слѣдующій день, подъ вечеръ, вѣтеръ стихъ и солнце засіяло свѣтло и ярко, а льдины, по-прежнему, плыли сомкнувшись и несли съ собой корабль къ сѣверу.

— Мы далеко оставили за собой самый сѣверный предѣлъ, до котораго достигали мореплаватели, — замѣтилъ капитанъ Гай Фреду и Синглетону, облокотившись на перила и внимательно разсматривая ихъ ледяныя поля.

— Извините, я не согласенъ съ вами, капитанъ Гай, я думаю, что капитанъ Парри былъ еще дальше на сѣверѣ, въ свою экспедицію для достиженія полюса, — замѣтилъ Сондерсъ съ видомъ человека, который приготовился защищать свою позицію до послѣдней возможности.

— Очень можетъ быть, Сондерсъ, но я думаю, что мы, по крайней мѣрѣ, въ «этомъ» направленіи подвинулись дальше къ сѣверу, чѣмъ кто-нибудь. Наконецъ, вы можете видѣть это на картѣ.

— А я въ этомъ сомнѣваюсь, — прибавилъ младшій лейтенантъ рѣшительно; — на карты не всегда можно полагаться; я слышалъ, что еще прежде китоловы бывали въ этихъ мѣстахъ.

— Можетъ статья, вы и правы, мистеръ Сондерсъ,—возразилъ капитанъ съ улыбкой;—однако, я сдѣлаю наблюденія и дамъ названія нѣкоторымъ мысамъ, пока не приду къ убѣжденію, что другіе здѣсь были до меня. Мивинсъ, дайте мнѣ телескопъ; кажется, что къ сѣверу на горизонтѣ замѣтна тусклость (water-sky)?

— Что это такое тусклость, капитанъ?—спросилъ Фредъ.

— Когда небо въ какой-нибудь сторонѣ горизонта представляется тусклымъ, то это значить, что въ той сторонѣ находится чистое отъ льда море; это явленіе какъ разъ противоположно другому явленію, которое вы не разъ замѣчали вдали и которое мы называемъ блескомъ (blink).

— Это показываетъ, что мы скоро будемъ плыть по чистому морю,—прибавилъ младшій лейтенантъ съ видомъ знатока.

— Мистеръ Сондерсъ,—сказалъ Мивинсъ, который, прибравъ остатки обѣда и вымывъ блюда, наслаждался полнѣйшей лѣнью въ теченіе десяти минутъ,—промежутка между обѣдомъ и новыми приготовлениями къ ужину,—мистеръ Сондерсъ, сэръ, не можете ли вы объяснить мнѣ, сэръ, отчего море не замерзаетъ у насъ точно такъ же, какъ оно замерзаетъ здѣсь?

Лицо младшаго лейтенанта прояснилось, потому что онъ не мало гордился огромнымъ запасомъ своихъ многостороннихъ познаній и ничто ему

такъ не нравилось, какъ если къ нему обращались за свѣдѣніями, особенно о предметахъ сбивчивыхъ.

— Гмъ.... да, Мивинсъ, я могу вамъ объяснить это. Надобно вамъ сказать, что для того, чтобы поверхность воды замерзла, нужно чтобы весь объемъ прѣсной воды охладился до сорока градусовъ, а соленой до сорока пяти. Слѣдовательно морозъ долженъ быть всегда продолжителенъ и весьма силенъ, для того, чтобы охладить глубокое море отъ его поверхности до самаго дна, а до тѣхъ поръ, пока оно не охладится до такой степени, оно не можетъ замерзнуть.

— Ну, прекрасно,—замѣтилъ Мивинсъ, который едва на половину понималъ смыслъ этого объясненія.—А можете ли вы мнѣ объяснить, мистеръ Сондеръ, какъ это такъ образовались ледяныя горы. Я рѣшительно не понимаю, какъ это оно такъ....

— Да, возразилъ Сондеръ. Не мало людей и съ головами—не вашей чета, долго время работали надъ тѣмъ, чтобы объяснить, какъ образовались ледяныя горы. Но если у васъ есть глаза, то вамъ не трудно увидѣть съ перваго взгляда, какъ онѣ образовались. Видите ли вонъ тамъ къ сѣверо-востоку высокіе утесы? Ну-съ? ихъ покрываютъ огромныя массы льда, образовавшіяся оттого, что снѣгъ растаявалъ и замерзалъ на нихъ въ теченіе долгихъ лѣтъ. Когда онѣ сдѣлаются слишкомъ тяжелы, чтобы держаться на утесахъ, онѣ

падаютъ въ море и уносятся имъ въ видѣ ледяныхъ горъ. Но самыя большія изъ этихъ горъ образуются у подошвы глетчеровъ. А знаете ли вы, Мивинсъ, что такое глетчеры?

— Нѣтъ, сэръ, не знаю.

Лейтенантъ вздохнулъ.—Это, Мивинсъ, громадныя скопленія льда, который образовался вслѣдствіе замерзанія и таянія снѣга въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій. Ими, на пространствѣ цѣлыхъ миль, покрыты горы Норвегіи, Швейцаріи и многихъ другихъ странъ на землѣ. Иногда онѣ скатываются внизъ и наполняютъ собой цѣлыя долины. Я видѣлъ въ Норвегіи глетчеръ, который наполнялъ собой долину въ восемь миль длины, двѣ мили ширины и семь сотъ или восемь сотъ футовъ глубины; и это былъ только крошечный кусокъ глетчера, потому что я слышалъ отъ людей, проходившихъ по нему, что онъ покрываетъ скаты горъ на пространствѣ болѣе чѣмъ въ двадцать миль, и они также велики, какъ ледяныя поля, которыхъ поверхность покрыта шероховатымъ жесткимъ снѣгомъ.

— Вы, должно быть, шутите,—сэръ, сказалъ изумленный Мивинсъ.—И «никогда» они не таютъ?

— Нѣтъ, никогда. Что они теряютъ лѣтомъ, то съ барышемъ приобрѣтаютъ зимой. Сверхъ того они постепенно находятся въ движеніи, но движутся дотого медленно, что, какъ пристально и какъ долго ни присматриваетесь къ нимъ, вы

не въ состояніи будете замѣтить въ нихъ ни малѣйшаго движенія, точно такъ же, какъ вы не можете замѣтить движенія часовой стрѣлки въ часахъ; мы знаемъ объ ихъ движеніи только изъ наблюденій надъ переменами, которымъ они подвергаются изъ года въ годъ. Здѣсь, въ Арктическомъ поясѣ есть громадныя глетчеры, и ледяныя глыбы, которыя постоянно отдѣляются въ море; это ни что иное, какъ ледяныя горы, которыхъ такъ много можно видѣть въ этихъ мѣстахъ.

Это объясненіе, повидимому, произвело на Мивинса глубокое впечатлѣніе и онъ, по всей вѣроятности, не скоро бы кончилъ разговоръ, еслибы ему не помѣшалъ голосъ его ненавистнаго сослуживца, который взялъ его за вихоръ и сказалъ: «Съ вашего позволенія, мистеръ Мивинсъ, застилать ли мнѣ скатеръ или ужъ сегодня чая не нужно подавать.

Мивинсъ вздрогнулъ. — А такъ ты мнѣ еще будешь указывать! ступай на низъ!

Соммерсъ тотчасъ же юркнулъ, сопровождаемый, сперва тщательно сложеннымъ полотенцемъ, а потомъ и своимъ быstroногимъ начальникомъ. Оба вмѣстѣ достигли царства запаховъ, стклянокъ и посуды и принялись энергически за свою нескончаемую работу.

Скоро послѣ того, льдины внезапно раздвинулись и экипажу удалось, послѣ нѣсколькихъ часовъ тяжелой труда, еще разъ верповать Дельфинъ»

изъ льда, но, едва эта работа была кончена, какъ новая буря, постепенно собиравшаяся, разразилась и заставила корабль еще разъ искать защиты у берега.

Множество моржей играло въ сосѣднихъ бухтахъ; они приближались къ кораблю гораздо ближе, чѣмъ обыкновенно, и выставляли находившимся на бортѣ свои огромныя, страшныя морды, мохая своими косматыми головами и бороздя волны клыками. Этихъ громадныхъ существъ можно назвать слонами Арктическаго океана. Съ виду они /какъ то особенно угрюмы и свирѣпы, и, ничуть не уступая слонамъ въ величинѣ, они не менѣе страшны, чѣмъ кажутся съ виду. По своимъ формамъ, они походятъ нѣсколько на тюленей; тѣло у нихъ цилиндрическое, съ круглой или, вѣрнѣе, квадратной и тупой головой, косматыми, щетинистыми усами и двумя длинными бѣлыми клыками, загнутыми книзу, вмѣсто того, чтобы быть обращенными кверху, и замѣняютъ для нихъ иногда крючья, съ помощью которыхъ и ластовъ они могутъ вскарабкаться на утесъ и ледяную гору. И, въ самомъ дѣлѣ, ихъ нерѣдко находили на склонахъ крутыхъ утесовъ, на значительной высотѣ, грѣющимися на солнцѣ.

Фредъ горѣлъ желаніемъ прибрѣсти себѣ черепъ одного изъ этихъ чудовищныхъ животныхъ, но ужасный видъ приближающейся бури дѣлалъ невозможной въ это время всякую попытку испол-

нить его желаніе. Черная, зловѣщая туча поднималась съ южной стороны горизонта, и животныя, до сихъ поръ оживлявшія ихъ путь, какъ-бы недоувѣряя угрожающей бурѣ, покинули каналъ. Капитанъ Гай сдѣлалъ всѣ возможные приготовления ко встрѣчѣ подходящей бури,—онъ верповался къ берегу, подъ защиту утеса, къ которому и привязалъ корабль посредствомъ двухъ кабельтовыхъ, и велѣлъ все прибрать на бортѣ.

— Вотъ сейчасъ гроза задастъ намъ,—сказалъ Фредъ, всматриваясь въ черныя тучи, несшіяся по всему небу на сѣверъ, и прохаживаясь по палубѣ съ своимъ другомъ, Томомъ Синглетономъ.

— Да, и я такъ думаю,—отвѣчалъ Томъ; — и меня ничуть не ободряетъ, что Сондерсъ качаетъ головой такъ, какъ будто онъ предчувствуетъ несчастіе. Знаете ли, я очень доувѣряю этому человѣку. Онъ, кажется, все знаетъ и все испыталъ. и я замѣчаю, что очень многія изъ его предсказаній сбылись какъ нельзя лучше.

—Сбылись-то, сбылись,—сказалъ Фредъ,—но я желалъ бы, чтобы онъ не такъ пасмурно смотрѣлъ на вещи, пока предвѣщанія его еще не сбылись. Видъ его въ состояніи внушить страхъ хоть кому.

— Кажется, намъ понадобится прикрѣпить еще одинъ канатъ, мистеръ Сондерсъ,—замѣтилъ капитанъ, когда вѣтеръ усилился и два кабельтовые

сильно напряглись; — пошлите кого—нибудь на берегъ привязать поскорѣй китоловный канатъ

Младшій лейтенантъ повиновался, но съ ворчаніемъ, которое, повидимому, выражало, что онъ уже давно бы это сдѣлалъ. Чрезъ нѣсколько минутъ канатъ былъ привязанъ, и ничуть не за-благовременно, потому что въ ту же минуту поднялся настоящій ураганъ. Ураганъ все болѣе и болѣе усиливался, а ледъ началъ скопляться сильно, чѣмъ—когда нибудь. Только—что капитанъ отдалъ приказаніе привязать новый кабельтовъ, слышался трескъ рвущагося каната. Шестидюймовый кабельтовъ лопнулъ и корабль качался, держась только на двухъ остальныхъ, а вѣтеръ, между тѣмъ, какъ левъ, ревѣлъ въ шестахъ и снастяхъ. Прошло еще полминуты, и опять слышался трескъ и китоловный канатъ лопнулъ. Теперь одинъ канатъ держалъ корабль у берега, не позволяя ему сдѣлаться добычею льдинъ, вѣтра и волнъ, отъ которыхъ защищалъ его утесъ. Кабельтовъ былъ превосходенъ, — это былъ новый десятидюймовый канатъ. Онъ гудѣлъ, точно выводилъ глухіе тоны органа, заглушая собой трескъ снастей и вантовъ, но это была его предсмертная пѣсня. Съ громомъ пушечнаго выстрѣла, лопнулъ и этотъ канатъ, и корабль увлеченъ былъ отъ берега громадными льдинами, и носился, по ихъ прихоти, то въ ту, то въ другую сторону.

Насилу экипажу удалось верповать корабль въ сравнительно безопасное мѣсто; но онъ скоро снова былъ увлеченъ и сильно сдавленъ пловучими ледяными массами. Тогда сдѣлана была попытка натянуть паруса и плыть къ берегу, но, по причинѣ льдинъ, не было никакой возможности управлять рулемъ. Остовалась плыть по вѣтру, чтобы дать кораблю хоть какое-нибудь направленіе. Всѣ были на палубѣ и молча наблюдали за ужасными льдинами, несшимися предъ ними.

Проходъ къ сѣверу видимо суживался высоко возвышавшимися ледяными столами и ходъ корабля затруднялся клифами. Около семи часовъ вечера, они приблизились къ скопившимся ледянымъ массамъ, попасть въ которыя было бы вѣрной гибелью.

— Стой здѣсь, бросай якорь!—закричалъ капитанъ съ отчаянной надеждой повернуть корабль въ другую сторону.

— Что это предъ нами?—вдругъ крикнулъ старшій лейтенантъ.

Брикъ направо отъ насъ у самого берега,—прокричалъ сторожевой.

Вниманіе экипажа отъ своего собственного критическаго положенія обратилось на странный брикъ, который прежде скрывался за огромной, стоявшей на мели, ледяной горой, а теперь находился въ виду корабля.

— Можете ли вы рассмотреть его, мистеръ Болтонъ?

— Да, сэръ, я полагаю, что это огромный брикъ, но слишкомъ, кажется, обтерся, такъ что на кормѣ не осталось никакого имени, если оно было когда-нибудь.

Между тѣмъ, какъ онъ говорилъ это, снѣгъ порѣдѣлъ, туманъ разсѣялся, а экипажъ увидѣлъ, не болѣе какъ въ трехъ стахъ ярдахъ, брикъ, медленно дрейфующій въ полураздробленный ледъ. На брикѣ не видно было ни одного человѣка, и, хотя на немъ оставалось два-три паруса, но и тѣ были разорваны въ куски. Только-что успѣли рассмотреть это, какъ Дельфинъ наткнулся на огромную, ледяную массу и задрожалъ отъ сильнаго толчка.

— Бросай якорь!—закричалъ капитанъ. Самый тяжелый якорь, какой только былъ на кораблѣ, полетѣлъ внизъ, и цѣпь въ теченіе двухъ минутъ, уходила за нимъ по клюзу.

— Пускай!

Корабль остановился, но цѣпь страшно была натянута. Масса льда, въ сотни тоннъ вѣсу, неслась прямо къ носу корабля. Устоять противъ нея не было ни малѣйшей надежды. Не было даже времени привязать къ канату баканъ или лагъ и, такимъ образомъ, «Дельфинъ» навсегда лишился самого лучшаго каната.

Но думать или сожалѣть объ этомъ было некогда, потому что корабль гнало теперь вѣтромъ

на льдины, изъ которыхъ рѣдкая не достигала тридцати футовъ толщины и которыя царапали его обшивку. Въ ту самую почти минуту, неизвѣстный брикъ, находившійся между двумя толстыми пловучими льдинами, приблизился къ кораблю на растояніе не болѣе пятидесяти ярдовъ.

— Что, если это брикъ моего отца? прошепталъ Фредъ Эллисъ, хватая за руку Синглетона и обращая къ нему свое лицо, блѣдное, какъ полотно.

— О, объ этомъ не беспокойтесь, молодой человѣкъ, — сказалъ Боззби, который стоялъ на бакбордѣ возлѣ шкафута и слышалъ замѣчаніе Фреда: — я бы узналъ брикъ вашего отца между тысячею другихъ.

Когда онъ говорилъ это, двѣ ледяныя массы сомкнулись и брикъ сдавленъ былъ между ними. Въ продолженіе нѣсколькихъ секундъ, онъ, казалось, трепеталъ, какъ будто живой, и каждый тимберсъ скрипѣлъ. Потомъ онъ медленно повернулся, такъ что экипажъ «Дельфина» могъ заглянуть въ его трюмъ и увидѣть, какъ его брусья ломались, точно спички, сжатые сильной рукой. Потомъ лѣвый бокъ брика былъ вдавленъ, какъ будто онъ былъ слѣпленъ изъ мягкой глины, и правый бокъ его совсѣмъ выдавленъ, и ледъ на хлынулъ на форъ-кастель.

Не больше трехъ минутъ прошло съ тѣхъ поръ какъ началось сдавливаніе; еще минута, и брикъ пошелъ ко дну, а ледъ дико кружился, точно

праздную побѣду, надъ тѣмъ самымъ мѣстомъ, откуда брикъ исчезъ.

Участь брика, которая могла постигнуть скоро и «Дельфинъ», повергла экипажъ его на минуту въ уныніе; но его положеніе не давало ему времени останавливаться на этой мысли. Одна ледяная глыба, возвышавшаяся надъ планширомъ, разбила въ дребезги ограду и бросила на палубу кусокъ льда, въ полъ-тонны вѣсомъ. Еще не прошла и эта опасность, какъ новый врагъ показался предъ носомъ корабля. Прямо на пути его, какъ разъ за линіей пловучихъ льдинъ, которыя то толкали его, то царапали его обшивку, лежала цѣлая группа ледяныхъ горъ. Избѣжать ихъ не было возможности, вопросъ состоялъ только въ томъ, будетъ ли корабль разбитъ въ дребезги объ ихъ твердые синеватые бока, или, быть можетъ, за ними найдетъ убѣжище отъ бури.

— Вотъ чистый проходъ между горами и пловучими льдинами!—воскликнулъ Больтонъ голосомъ, выражавшимъ надежду, схвативъ шесть и прыгая на планширь.

—За шести, ребята,—кричалъ капитанъ,—отгоняйте льдины, дружно!

—Да, да, сэръ,—произнесли матросы съ выраженіемъ, показывавшимъ, какъ могущественно дѣйствовалъ на нихъ этотъ лучъ надежды; но уныніе снова овладѣло ими когда, достигши открытаго прохода, они замѣтили, что горы не оставались

въ покоѣ, но двигались вмѣстѣ съ пловучими льдинами, медленнымъ, но страшнымъ движеніемъ, и кораблю грозила опасность быть раздавленнымъ двумя изъ нихъ. Въ тоже время, съ юга плыла низкая гора, бороздя и отбрасывая въ сторону мелкія льдины, какъ-бы съ презрѣніемъ. Въ головѣ капитана промелькнула счастливая мысль.

— Спускай съ кормы шлюпку!—закричалъ онъ.

Въ одну минуту шлюпка упала на воду и четыре человѣка сидѣли на скамьяхъ.

— Бросай якорь въ эту гору! Петръ Гримъ исполнилъ приказаніе и, со всего размаха, которому позавидовалъ бы и самъ Геркулесъ, мѣтко пустилъ якорь. Чрезъ минуту, корабль плылъ вслѣдъ за своимъ новымъ вожатымъ. Это была минута большой опасности, потому что узкій каналъ, по которому онъ плылъ, на всемъ протяженіи, заваленъ былъ горами, которыя заставляли экипажъ взяться за шесты, чтобы корабль не разбился объ ихъ бока. Одной огромной горы корабль касался такъ близко, что лѣвая сторона шлюпки раздробилась бы объ нее, еслибы ее не сняли съ роуленсовъ.

Послѣ пяти минутъ такого странствованія, они приплыли къ стоявшей на мели горѣ, къ которой они и рѣшились прикрѣпиться. Тотчасъ отдано было приказаніе бросить канаты. Бѣлый ихъ вожатый пошелъ своей дорогой къ далекому сѣверу, а корабль обогнулъ гору и сталъ за подвѣтренной стороной ея. Экипажъ благодарилъ Бога за спасеніе отъ неизбѣжной гибели.

ГЛАВА VII.

Новые дѣйствующіе лица.—Старая игра при новыхъ обстоятельствахъ.—Замѣчательныя явленія на небѣ.—Съ О'Рилеемъ случается несчастье.

Домпсъ былъ замѣчательно степеннаго и хитраго нрава, а Покеръ шалунъ, неисправимый шалунъ, въ полномъ смыслѣ этого слова. Притомъ, хотя между ними и случалась иногда перепалка, однакожъ, Домпсъ и Покеръ были задушевными друзьями и большими любимцами экипажа.

Мы еще до сихъ поръ не познакомили нашего читателя съ этими индивидуумами; но они будутъ играть важную роль въ исторіи приключеній «Дельфина» въ Арктическомъ поясѣ, и потому мы считаемъ нелишнимъ представить ихъ теперь читателю.

Будучи въ Уппернавикѣ, капитанъ Гай купилъ себѣ шесть хорошихъ, крѣпкихъ эскимосскихъ собакъ; онъ думалъ взять ихъ съ собой въ Англію и подарить ихъ нѣкоторымъ изъ своихъ друзей, которымъ чрезвычайно какъ хотѣлось приобрѣсти себѣ образчики этихъ животныхъ. Двѣ изъ этихъ собакъ особенно выдавались между другими, не только по своей наружности, но и по особенностямъ своего характера. Одна была чистаго бѣлаго цвѣта, съ веселымъ выраженіемъ морды, огромнымъ косматымъ тѣломъ, двумя стоячими, заостренными ушами и коротенькимъ обрубокъ на мѣстѣ бывшаго когда-то хвоста. За неизвѣстную, вину, хвостъ былъ отрубленъ или отгрызенъ, такъ что остался одинъ только обрубокъ. Впрочемъ, обрубокъ этотъ дѣйствовалъ такъ же хорошо, какъ еслибы въ немъ заключалось пятьдесятъ хвостовъ. Онъ ни минуты не оставался въ покоѣ, и обладатель его, повидимому, былъ убѣжденъ, что махать хвостомъ—вѣрнѣйшее и притомъ единственное средство тронуть сердце человѣка; поэтому собака эта махала имъ, можно сказать, безпрестанно. За свои воровскія наклонности, которыя заставляли ея и дѣло совать носъ въ каждую дыру, въ каждый уголъ корабля, ища что-нибудь стащить, она названа была Покеромъ (Poker). У Покера были три черныя, какъ смоль, пятна на бѣлой мордѣ,—одно на носу, два другія были ея глаза.

Домпсъ, задушевный другъ Покера, назывался такъ за свое угрюмѣйшее выраженіе морды, какое когда-нибудь выпадало на долю собаки. Неизлечимая меланхолія, казалось, овладѣла его разсудкомъ, потому что онъ рѣшительно никогда не улыбался,—вѣдь, извѣстно, что и собаки улыбаются и такъ же яственно, какъ и человѣческія существа, только не губами. Домпсъ никогда самъ не игралъ, потому что онъ былъ старъ, но онъ снисходительно позволялъ своему другу Покеру рѣзвиться вокругъ него и смотрѣлъ на игру своего молодого товарища съ видомъ какого-то угрюмаго удовольствія. Покеръ былъ молодъ. Преобладающимъ цвѣтомъ косматой шерсти Домпса былъ грязно-бурый, съ черными пятнышками, изъ которыхъ два какъ-то неловко расположились-вокругъ его глазъ, точно пара очковъ. Домпсъ былъ такъ же воръ, какъ и вообще всѣ его собраты. Домпсъ и Покеръ были больше, сильнѣе и во всѣхъ отношеніяхъ лучше своихъ товарищей. Сверхъ того они были крѣпкими, тягучими и неутомимыми вожатыми цуга во многихъ трудныхъ путешествіяхъ по ледовитому морю.

Въ одинъ прекрасный полдень, спустя нѣсколько дней послѣ только-что описаннаго приключенія съ «Дельфиномъ», Домпсъ и Покеръ отдыхали другъ возлѣ друга въ углу палубы, убравши огромный кусокъ свинины, котораго поваръ напрасно искалъ цѣлыя три четверти часа и обглоданную кость

которой онъ нашель, наконецъ, въ отверзтіи на-
соса на бакбортѣ.

— Чтобъ имъ пропасть, этимъ собакамъ!—вос-
кликнулъ Давидъ Миззль, поглаживая свой под-
бородокъ, когда увидѣлъ кость. — Ну, еслибъ я
зналъ только, которая это изъ нихъ, я бы просто
убилъ ее изжарилъ на жаркое,

— Это Домпсъ; я держу пари о мѣсячномъ жа-
лованьи, что этого работа,—сказалъ Петръ Гримъ,
сидя на краю брашпиля и набивая свою трубку,
которую онъ только-что предъ тѣмъ выкурилъ.

— Ну вотъ ужъ совсѣмъ не онъ,—замѣтилъ
Эмосъ Парръ, вившій на палубѣ канатъ и погру-
женный въ свое занятіе, между тѣмъ какъ нѣ-
сколько матросовъ сидѣло вокругъ него и занима-
лись починкой парусовъ, шкуновъ и проч.

— Совсѣмъ не онъ, Гримъ; Домпсъ слишкомъ
честенъ, чтобы даже подумать объ этомъ. Это
Покеръ сдѣлалъ; вонъ у него и глаза ворочаются
подъ вѣками. Онъ вѣдь не спитъ, подлецъ, онъ
только притворяется.

Услышавъ свое имя, Покеръ, не трогаясь съ
мѣста, ласково открылъ свой правый глазъ. Домпсъ
напротивъ, лежалъ, какъ будто клевета нисколько
не относилась къ нему.

— Я побьюсь объ закладъ, что это сдѣлалъ
Домпсъ.—О чемъ? закричалъ Дэви Соммерсъ, ко-
торый въ это время проходилъ по палубѣ съ блю-
домъ чего-то съѣстнаго, которое онъ несъ въ кухню.

— Я тебѣ голову побью, когда ты не знаешь дѣла, сказалъ Мивинсъ.

— Не совѣтую,—возразилъ Дэви, скаля зубы.— Ты заплатишься своей должностью, если только тронешь меня пальцемъ.

— Ай да молодецъ, нука его!—закричали нѣкоторые изъ матросовъ, между тѣмъ какъ малый смѣло наступалъ на своего начальника, не выходя, впрочемъ, изъ-за фокъ-мачты.

— Что ты хочешь сказать этимъ, молокососъ, бездѣльникъ?—сказалъ Мивинсъ, нахмуривъ брови.

— Что я хочу сказать! отвѣчалъ Дэви, — гмм... я хочу сказать, что если ты только тронешь меня, я брошу службу, а если я брошу службу, то и ты долженъ будешь бросить ее, потому что всякій знаетъ, что ты не можешь служить безъ меня.

Говоря это, Дэви еще подался на одинъ шагъ и наступилъ при этомъ на лапу Домпса; вдругъ изъ глотки этой превосходной собаки вырвался болѣзненный визгъ, который заставилъ Покера, какъ выражался поваръ, чуть не выпрыгнуть изъ кожи. Собаки необыкновенно симпатичны и чрезвычайно какъ любознательны,—всѣ собаки, находившіяся на кораблѣ, услышавъ визгъ Домпса, не замедлили отвѣтить на него воемъ, и скоро выбѣжали изъ своихъ конуръ и съ смущеніемъ осматривались вокругъ.

— Эй, что тамъ еще?—спросилъ Сондерсъ, который медленно, но широко шагаль по кормовой

палубѣ и мысленно спорилъ самъ съ собой, за неимѣніемъ лучшаго противника.

— Это матросы стали бороться, да и наступили на лапу Домпеу, сэръ,—сказалъ Мивинсъ, догоняя его.

— Вы боретесь? сказалъ Сондерсъ, шагая впередъ;—ну прекрасно, господа, вамъ таки довольно пришлось поработать недавно, можете сойти теперь на ледъ и позабавиться немного.

Точно школьники послѣ уроковъ, матросы вскочили на ноги, спрыгнули съ борта и какъ сумасшедшіе стали бѣгать по льду.

— Бросай мячъ! бросай мячъ!—кричали они. Съ борта брошенъ былъ мячъ и въ одну секунду завязалась оживленная игра.

Дня чрезъ два, Дельфинъ съ трудомъ пробирался чрезъ ледяныя поля, то дрейфуя на узкіе перешейки и косы, преграждавшіе ему путь изъ одного прохода или канала въ другой; то съ трудомъ пробиваясь чрезъ сплошную массу раздробленнаго льда; то прикрѣпляясь къ огромной ледяной горѣ или полю. Какъ бы то нибыло, онъ принужденъ былъ подвигаться къ сѣверу, на югѣ скопились льдины, такъ что отступать въ этомъ направленіи было невозможно до тѣхъ поръ, пока ледъ не придетъ опять въ движеніе. Капитанъ Гай, однако, замѣтилъ, по непрерывному движенію большихъ горъ, что морское теченіе шло въ этомъ мѣстѣ на югъ, и надѣялся, что

ледъ, который послѣдней бурей загнанъ былъ въ проливъ, вскрыется въ непродолжительномъ времени и тогда можно будетъ пройти по немъ. А тѣмъ временемъ, онъ тщательно осматривалъ каждую бухту, каждый проливецъ, въ надеждѣ напасть на какой-нибудь слѣдъ «Полярной Звѣзды» или ея экипажа.

Въ описываемый нами день, корабль затертъ былъ огромными ледяными полями, бѣлая поверхность которыхъ разстилалась на сѣверъ и на югъ до самаго горизонта, а на востокъ темнѣли мрачные утесы, поднимавшіеся изъ середины глетчеровъ, которые загромаждали ихъ круглый годъ.

Былъ прекрасный арктическій день. Солнце роскошно сіяло съ безоблачнаго неба, а прозрачный воздухъ, который переливался, какъ это случается иногда въ жаркій день, наполненъ былъ дикой музыкой цѣлыхъ тысячъ чаекъ и другихъ морскихъ птицъ, изъ которыхъ однѣ кучами покрывали сосѣдніе утесы, другія плавали подъ облаками. Ровная поверхность ледяныхъ полей окаймлена была тѣнями, которыя бросали на нихъ отъ себя горы и холмы, и прудами чистой воды, которая, какъ хрусталь, сверкала изъ впадинъ, между тѣмъ какъ прекрасная аквамариновая синева большихъ горъ давала нѣжный колоритъ этой ослѣпительной сценѣ. Словами не возможно изобразить того необыкновеннаго блеска, въ которомъ представлялись всѣ предметы. Каждая точка

казалась алмазомъ, каждый край испускалъ лучи свѣта, а ледяныя массы отражали богатые призматическіе цвѣта радуги. Казалось, само солнце размноживалось, чтобы еще больше увеличить этотъ ослѣпительный блескъ; потому что оно окружено было «побочными солнцами» или созвѣздіемъ пса, какъ ихъ обыкновенно называютъ. Этотъ особенный видъ солнца былъ поразителенъ. Огромное дневное свѣтило стояло градусовъ на десять надъ горизонтомъ, такъ что горизонтальная плоскость бѣлаго цвѣта какъ разъ пересѣкала его, простираясь по обѣ стороны его дальше на значительное разстояніе, между тѣмъ какъ вокругъ него было два ясно различаемыхъ круга или кольца свѣта. Внутренній кругъ составляли лжесолнца, числомъ четыре, одно изъ нихъ надъ солнцемъ, другое внизу, два другія—по обѣимъ сторонамъ его.

Вѣтру не было ни малѣйшаго, и маленькій флагъ неподвижно висѣлъ на верхушкѣ мачты, а шумные и безпрестанные крики морскихъ птицъ, вмѣстѣ съ веселыми восклицаніями и смѣхомъ матросовъ, неутомимо бѣгавшихъ за мячемъ, оживляли эту прекрасную картину.

— А что, каково?—говорилъ Дэви Соммерсъ, остановившись предъ товарищемъ и чуть переводя духъ послѣ быстрого бѣга, когда мячъ брошенъ былъ съ необыкновенной силой сравнительно неуставшимъ членомъ компаніи.

— А! да онъ чортъ знаетъ куда залетитъ,—за-

мѣтилъ О'Рилей, вытирая потъ, выступившій у него на лбу.

Нѣтъ надобности говорить, что О'Рилей былъ ирландецъ. Мы не упоминали объ немъ до сихъ поръ потому, что до этого времени онъ не сдѣлалъ ничего такого, что бы отличало его отъ другихъ матросовъ. Но въ этотъ замѣчательный день звѣзда О'Рилея достигла наибольшей высоты и Фортуна, казалось, избрала его предметомъ своего особеннаго вниманія.

Это былъ низкій плотный и, можно сказать, по преимуществу, «грубый мужчина», угловатый во всѣхъ отношеніяхъ. Волоса его торчали жесткими и запутанными клоками и заставляли удивляться, какъ подъ шапкой можетъ что-нибудь торчать. На мѣстѣ бровей у него было безсмѣтное множество постоянно измѣняющихся морщинъ, которыя придавали лицу его страдальческое выраженіе тѣмъ болѣе уморительное, когда знаешь, что у него нѣтъ ни тѣни страданія, хотя онъ часто говорилъ, что онъ боленъ. Его костюмъ, какъ костюмъ стараго моряка, былъ, естественно, небреженъ, и онъ самъ старался о томъ, чтобы сдѣлать его небрежнымъ болѣе обыкновеннаго.

— Ну да и жарко жъ, — продолжалъ онъ, принимаясь опять вытирать потъ съ лица; — еслибы не ледъ подъ нами, то, я думаю, мы разстаяли бы, какъ куски китоваго жиру.

— Что это за прекрасная игра въ мячъ, не

правда ли? — сказалъ Дэви, садясь на холмъ, все еще сильно запыхавшись.

— Ужъ именно прекрасная. За одно она мнѣ только не нравится, что лѣвая нога, которой бьешь мячъ, ни какъ не отскочить отъ тѣла.

— Дуракъ же ты, отчего ты не бросаешь его правой ногой, какъ другіе? спросилъ Соммерсъ.

— Отчего я не бросаю правой? Да я, право, и самъ не знаю, отчего. Отецъ мой потерялъ лѣвую ногу въ большомъ Нильскомъ сраженіи, поэтому мнѣ и приходило иногда на мысль, что все-таки служила жъ она ему къ чему нибудь; потомъ моя мать совсѣмъ захромала на правую ногу, такъ что должна была ходить на костылѣ, поэтому я приучился дѣйствовать такъ, какъ видите.

— Смотри-ка, Патъ,—воскликнулъ Соммерсъ, вскакивая,—мячъ летитъ сюда.

Когда онъ говорилъ это, мячъ летѣлъ по льду, слегка дотрогиваясь до его поверхности, по направленію къ мѣсту, гдѣ они стояли, и человѣкъ тридцать матросовъ, съ громкими криками какъ сумасшедшіе, бѣжали вслѣдъ за нимъ.

Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что экипажъ «Дельфина» игралъ въ ножной мячъ нѣсколько иначе, чѣмъ играютъ въ эту игру мальчики въ Англіи. Было, правда, раздѣленіе на партіи, и обозначенъ былъ предѣлъ, но на эти второстепенныя условія игры мало обращалось вниманія. Швырнуть мячъ ногой

и обогнать товарищей, чтобы толкнуть его дальше, составляло гордость игрока. И если ударъ былъ таковъ, что мячъ поднимался съ земли и летѣлъ подобно пушечному ядру, то мало обращалось вниманія на то, въ какомъ направленіи онъ брошенъ. Но, стараясь дать толчекъ мячу, игроки скоро разсыпались по полю, и мячъ иногда падалъ между двумя игроками, которые бросались къ нему вдругъ съ противоположныхъ сторонъ. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этаго бывало столкновеніе, вслѣдствіе котораго оба останавливались въ своемъ бѣгѣ. Но, обыкновенно, вслѣдствіе столкновенія одинъ изъ конкурентовъ падалъ навзничъ, а другой давалъ толчекъ мячу. Если же противники были равносильны, то оба останавливались и между ними обыкновенно происходила схватка, въ которой каждый старался подставить ногу другому. Для предупрежденія насилій въ такого рода схваткахъ, принято было за правило ни въ какомъ случаѣ не употреблять рукъ въ дѣло. Можно было сколько угодно дѣйствовать ногами, плечами, локтями, но не руками.

Въ этой грубой игрѣ силы матросовъ были болѣе равны, чѣмъ слѣдовало бы ожидать, потому что меньшіе по величинѣ превосходили большихъ быстротой и ловкостью; и часто случалось, что дюжій малорослый малый такъ угодить иного великана, что тотъ торчмя падалъ на ледъ. Не всегда, однако, такъ бывало; немногіе отважива-

лись сталкиваться съ Петромъ Гримомъ, котораго ловкость соотвѣтствовала его необыкновенному росту. Боззби довольствовался тѣмъ, что бѣгалъ галопомъ кругомъ схватки и толкалъ мячъ только тогда, когда судьба посылала его къ нему. Въ такомъ бою его сторону держалъ жирный поваръ, упитанное тѣло котораго не могло ни выдерживать толчковъ при столкновеніи, ни равняться съ товарищами въ быстротѣ бѣга. Но на своемъ мѣстѣ Миззль былъ чрезвычайно энергическій человѣкъ, онъ часто толкалъ мячъ съ такимъ усердіемъ, что совсѣмъ не попадалъ въ него, и отчаянный взмахъ его правой ноги нерѣдко поднималъ съ земли и лѣвую, и повергалъ его на спину.

— Смотри впередъ!—закричалъ Гринъ, помощникъ плотника,—корабль на всѣхъ парусахъ летитъ прямо на твой носъ.

Мивинсъ, у котораго мячъ былъ предъ носомъ, увидѣлъ своего сослуживца, бѣжавшаго на него съ злостнымъ намѣреніемъ. Онъ спокойно откатилъ упавшій возлѣ него мячъ на нѣсколько аршинъ, потомъ швырнулъ его такъ, что тотъ взвился высоко надъ головой Коммерса, и, какъ антилопа, помчался вслѣдъ за мячомъ. Мивинсъ полагался на свою, почти нечеловѣческую, быстроту. Его высокое, тонкое тѣло не могло выдерживать толчковъ товарищей, но зато въ быстротѣ никто не могъ съ нимъ равняться; онъ очень искусно избѣ-

галъ столкновѣній, отскакивая въ сторону и предоставляя своему противнику бѣжать въ силу пріобрѣтенной скорости. Въ настоящую минуту ему угрожалъ толчекъ со стороны Петра Грима, бѣжавшаго прямо на него.

— Берегись!—запищалъ Дэви Соммерсъ, замѣтивъ опасность, угрожающую его начальнику.

Мивинсъ прыгнулъ въ сторону, чтобы избѣгнуть столкновѣнія, позволяя Гриму пробѣжать мимо.

Гримъ, однако, зналъ своего противника: въ одно мгновеніе своротилъ онъ въ сторону и бѣжалъ по его пятамъ.

— Отъ этого вѣтра не ожидай чего-нибудь добраго,—сказалъ матросъ, къ ногамъ котораго подкатился мячъ, спокойно толкая его въ средину толпы. Гримъ и Мивинсъ вернулись назадъ, и нѣкоторое время смотрѣли на всеобщую свалку. Казалось, что мячъ неизбѣжно будетъ раздавленъ столпившимися, изъ которыхъ каждый непрерывно старался сообщить ему толчекъ, сбивъ своего противника. Въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ этой свалки, много ужасныхъ ударовъ, направленныхъ на мячъ, разразилось на бедрахъ, и много веселыхъ криковъ окончилось болѣзненнымъ стономъ.

— Такъ не можетъ продолжаться дольше!—кричалъ новаръ, съ лицомъ залитымъ потомъ и сіяющимъ веселостью, выплывая вокругъ свалки. — «Вотъ онъ».

Въ это время мячъ вылетѣлъ изъ круга, какъ граната изъ мортиры. Къ несчастью, онъ пролетѣлъ прямо надъ головой Миззля. Не успѣлъ онъ еще опомниться, какъ налетѣвшая толпа опрокинула его навзничъ и промчалась по его тѣлу, какъ торный потокъ по травяной былинкѣ.

Между тѣмъ, Мивинсъ опередилъ всѣхъ и толкнулъ мячъ такъ, что чуть не разбилъ его, мячъ пролетѣлъ между О'Рилеемъ и Гримомъ, которые были впереди всѣхъ. Гримъ бросился за нимъ.— Я тебя, дюжая образина!—пробормоталъ ирландецъ про себя, и бросился головой впередъ на плотника какъ стѣнобитная машина.

Какъ ни былъ великъ Гримъ, но онъ отшатнулся, избѣгая стремительнаго толчка, и О'Рилей, воспользовавшись случаемъ, догналъ мячъ и швырнулъ его въ сторону отъ всѣхъ, исключая Боззби, который свирѣло шагаль по ледяному полю. Боззби, увидѣвъ, что мячъ летитъ на него, уже началъ собираться съ духомъ, чтобы швырнуть его; но, замѣтивъ О'Рилея, который мчался на него подобно локомотиву, онъ отскочилъ въ сторону, спойно бормоча самъ себѣ,—иди себѣ, голубчикъ своей дорогой, я слишкомъ старая птица, чтобы подставлять свои бока подъ ударъ такого безумца, какъ ты.

Не такія мысли волновали Джека Мивинса. Ему случилось быть на такомъ же разстояніи отъ мя-

ча, какъ и О'Рилею, и онъ поскакалъ какъ серна чтобы догнать его первымъ. На его пути лежалъ небольшой ставъ и необходимость обѣжать его давала ирландцу небольшой перевѣсъ надъ нимъ, такъ что очевидно было, что оба они добѣгутъ до мяча въ одно время, и что, слѣдовательно, столкновение неизбежно.

Всѣ остановились и съ напряженнымъ вниманіемъ ожидали развязки. Два матроса, казалось, вотъ-вотъ встрѣтятся съ толчкомъ, который можетъ уничтожить ихъ обоихъ, какъ вдругъ Мивинсъ прыгнулъ въ сторону! О'Рилей, какъ ракета, промчался мимо, и, полетѣлъ въ ставъ.

Эта неожиданная развязка вызвала всеобщій смѣхъ, смѣшанный съ беспокойствомъ; и всѣ вдругъ побѣжали къ несчастному мѣсту; но, прежде чѣмъ они добѣжали до него, голова и плечи О'Рилея показались надъ водой, и когда прибыли, то онъ уже стоялъ на краю става, отдуваясь, какъ моржъ.

— Ну, да и холодно жъ!—воскликнулъ онъ, выкручивая свою одежду.—Эй! Гдѣ мячъ, дайте мнѣ бросить, или я замерзну.

Говоря это, измокшій ирландецъ вырвалъ мячъ изъ рукъ Мивинса и швырнулъ его высоко въ воздухъ.

Онъ былъ, однако, слишкомъ тяжелъ въ своей
измокшей одеждѣ, чтобы бѣжать вслѣдъ, и пото-
му побѣждалъ къ кораблю, насколько позволяло
ему его платье, сопровождаемый всѣмъ экипажемъ.

ГЛАВА VIII.

Фредъ и докторъ отправляются на экскурсію, гдѣ, между другими рѣдкостями, встрѣчаютъ красный снѣгъ и бѣлаго медвѣдя; Фредъ дѣлаетъ первый опытъ охоты.

Читатель, вѣроятно, спросить, гдѣ все это время были Фредъ Эллисъ и Томъ Синглетонъ?

Еще задолго до того, какъ началась игра въ мячъ, они получили отъ капитана позволеніе отлучиться и, взявъ съ собой охотничьи сумки, ботаническую коробку, геологическій молотокъ и ружье, отправились вдоль морскаго берега на полу-ученую экскурсію. Молодой Синглетонъ, какъ страстный ботаникъ и геологъ, несъ ботаническую коробку и молотокъ, а Фредъ—сумку и ружье.

— Какъ вы видите, Томъ,—говорилъ Эллисъ, когда они шли по льдинамъ,—я большой любитель орнитологіи, когда у меня на плечахъ ружье; но,

когда я безъ ружья, тогда, странно сказать, я не такой охотникъ до птицъ.

— Это какой-то особенный взглядъ на науку. А не правда ли, что было бы не дурно, еслибы вы, по возвращеніи изъ путешествія, изложили свой взглядъ на науку и представили его какому-нибудь ученому обществу? Васъ могли бы выбрать въ члены общества, Фредъ.

— Да, я, можетъ быть, такъ и сдѣлаю, — отвѣчалъ Фредъ серьезно. — Но, для того, чтобы, вышло что нибудь порядочное, я думаю сначала запастись, насколько это возможно, энергіей, и сдѣлать раскрашенные рисунки всѣхъ птицъ, какія я только въ состояніи буду достать въ Арктическомъ поясѣ. А потомъ уже я попробую сдѣлать описаніе.

Фредъ окончилъ свое замѣчаніе вздохомъ, когда ему пришло на мысль, съ какой цѣлью онъ пустился въ эти страны, и хотя, свойственная молодости, надежда шептала ему, что онъ можетъ не сильно беспокоиться о судьбѣ отца, и позволяла ему веселиться вмѣстѣ съ другими, смѣяться, шутить, играть, но бывали минуты, когда мужество измѣняло ему и онъ отчаявался когда-нибудь увидѣть отца, и это отчаяніе стало чаще овладѣвать имъ съ той минуты, когда онъ былъ свидѣтелемъ быстрого и совершеннаго крушенія неизвѣстнаго брика.

— Не унывайте Фредъ, сказалъ Томъ, котораго

спокойный и серьезный нравъ нерѣдко поднималъ унадавшій духъ его молодого друга;—не унывайте; это помѣшаетъ вамъ предпринять что нибудь дѣльное, притомъ же, мнѣ кажется, мы еще и не имѣемъ никакого основанія отчаяваться. Мы знаемъ, что отецъ вашъ доходилъ до этого прохода, или пролива, что у него былъ большой запасъ провизіи, какъ это намъ сказали въ Уппернавикѣ и что не больше, какъ годъ тому назадъ, онъ былъ тамъ. Много вѣдь китоловныхъ кораблей и кораблей для открытій болѣе года зимовало въ этихъ странахъ. Притомъ, сообразите, сколько животной жизни вокругъ насъ. Они могли запастись провизіей на многіе мѣсяцы задолго до наступленія зимы.

— Все это такъ,—возразилъ Фредъ, качая головой,—но вспомните тотъ брикъ, который на нашихъ глазахъ погибъ въ какихъ—нибудь десять минутъ.

— Дѣйствительно, брикъ погибъ очень скоро, но, все-таки, еслибы кто-нибудь былъ тогда на борту, онъ имѣлъ бы достаточно времени спрыгнуть на ледъ, а до берега добраться также не трудно было, перепрыгивая съ одной льдины на другую. Это и случалось нерѣдко съ путешественниками. Сказать правду, когда мы на землѣ, мною овладѣваетъ надежда доходящая почти до увѣренности, что мы встрѣтимъ вашего отца, идуща-

го съ своей командой на югъ, къ датскимъ поселеніямъ.

— Можетъ быть, вы и правы; дай Богъ, чтобы предчувствія ваши оправдались.

Разговаривая такимъ образомъ, они подошли къ неподвижному льду, который, какъ широкая полоса твердаго бѣлаго мрамора, лежалъ вдоль подножія стремнины. На немъ разбросано было нѣсколько огромныхъ камней, изъ которыхъ нѣкоторые достигали нѣсколькихъ сотъ тысячъ пудовъ, одинъ изъ нихъ замѣчательнымъ образомъ держался въ равновѣсіи на верхушкѣ клифа.

— Вонъ какая-то необыкновенно странная чайка, какъ бы мнѣ хотѣлось убить ее! — воскликнулъ Фредъ, указывая на птицу, кружившуюся надъ его головой, и снимая съ плеча ружье.

— Ну, и стрѣляйте, сказалъ его другъ, отступая шагъ назадъ.

Фредъ, не привыкшій обращаться съ огнестрѣльнымъ оружіемъ, нерѣшительно прицѣлился и выстрѣлилъ.

— Какой оглушительный громъ! эхъ, чортъ возьми, промахнулся!

— Стрѣляйте другой разъ, замѣтилъ Томъ съ спокойной улыбкой; между тѣмъ, безчисленная стая птицъ, испуганныхъ выстрѣломъ, поднялась съ утеса и наполнила окрестность оглушительными криками.

— Я полагаю, — сказалъ Фредъ, комически улы-

баясь,—что, стрѣляя закрывши глаза, нельзя никакъ попасть въ цѣль. Но мнѣ ужасно хотѣлось бы имѣть эту птицу,—очень красивая! А, вонъ она сидитъ на утесѣ.

Фредъ сталъ подкрадываться къ желанной птицѣ; онъ припалъ къ землѣ и поползъ къ дичи, осторожно пробираясь между утесами и кусками льда; тщательность, съ какой онъ все дѣлалъ для того, чтобы пріобрѣсти себѣ морскую чайку, свидѣтельствовала о его терпѣннѣи и будущемъ успѣхѣ. Наконецъ онъ подкрался къ ней ярдовъ на пятнадцать, и, положивъ ружье на кусокъ льда, онъ сталъ такъ долго цѣлиться, что его другу показалось, что онъ заснулъ; затѣмъ последовалъ выстрѣлъ, который разбилъ чайку въ мелкіе куски.

Фредъ мужественно выдержалъ это пораженіе и неудачу. Онъ рѣшился сдѣлаться хорошимъ стрѣлкомъ, и хотя это и не удалось ему въ этотъ день, но все-таки онъ успѣлъ положить въ сумку нѣсколько экземпляровъ чаекъ и одну птицу, имѣвшую маленькое коренастое туловище и клювъ несоразмѣрной величины и чрезвычайно смѣшной. Попадались ему также цѣлыя стаи чаекъ, но ему не посчастливилось достать ни одного экземпляра этихъ птицъ.

Ученыя изысканія Синглетона были также успѣшны. Онъ нашелъ нѣсколько хорошенькихъ зеленыхъ мховъ; одинъ видъ этого растенія успѣ-

янь былъ желтоватыми цвѣтами, а въ одномъ мѣстѣ, у потока, который бѣжалъ по крутому скату утеса, онъ нашелъ растительность богатую разнообразіемъ цвѣтовъ. Между прочими травами разнаго рода можно было видѣть маленькій пурпурный цвѣтокъ и бѣлый цвѣтокъ мокрицы. При видѣ всего этого богатства растительности на такомъ маленькомъ клочкѣ земли, окруженномъ снѣгомъ, и въ такой холодной арктической средѣ, пришелъ бы въ восторгъ человѣкъ и съ меньшимъ энтузіазмомъ, чѣмъ нашъ молодой лекаръ. Онъ былъ рѣшительно въ восхищеніи, и наполнилъ свою коробку кусками утеса и мхами дотого, что она едва могла вмѣщать въ себѣ все это и сдѣлалась ношей стоившей ему нѣсколькихъ вздоховъ, пока онъ дотащилъ ее до корабля.

По его изслѣдованію, оказалось, что утесъ состоитъ, главнымъ образомъ, изъ краснаго песчаника. Было также довольно діорита и гнейса. Вершины нѣкоторыхъ утесовъ, поднимавшихся на значительную высоту, были особенно поразительны и живописны.

Но самымъ замѣчательнымъ явленіемъ, поразившимъ ихъ во время этой экскурсіи, было то, которое неожиданно открылось предъ ихъ глазами, когда они обошли одинъ мысъ. Они съ удивленіемъ остановились предъ нимъ. Предъ ними была картина, которую можно видѣть только въ арктическомъ поясѣ.

На первомъ планѣ представлялся широкой проливъ, который сразу открывался въ этомъ мѣстѣ и загроможденъ былъ пловучими льдинами, ледяными полями, холмами и горами, всевозможныхъ формъ и размѣровъ, до самаго горизонта, особенный видъ котораго показывалъ присутствіе свободной отъ льда воды. Ставы различныхъ размѣровъ и пространства воды, которыя, по ихъ величинѣ, можно назвать озерами, осыпали блестками бѣлую поверхность пловучихъ льдинъ; а вокругъ этихъ послѣднихъ играли безчисленные стаи дикихъ птицъ, изъ которыхъ многія, будучи чистаго бѣлаго цвѣта, точно снѣгъ, блистали при солнечномъ сіяніи. Далеко на западъ, ледъ съ утомительнымъ однообразіемъ разстилался плоскостью въ уровень съ поверхностью воды. Направо находится цѣлый рядъ утесовъ, мрачный и величественный видъ которыхъ внушалъ невольный страхъ. Они были отъ полторы до двухъ тысячъ футовъ высоты, и нѣкоторые изъ нихъ круто поднимались на нѣсколько сотъ футовъ надъ моремъ, на которое они бросали темную тѣнь.

У самыхъ ногъ нашихъ молодыхъ изслѣдователей,—потому что такъ по справедливости слѣдуетъ назвать ихъ,—тянулся глубокой заливъ или долина, большая часть ея занята была краемъ глетчера, поверхность котораго покрыта была «розовымъ снѣгомъ». Можно себѣ представить, съ какимъ чувствомъ молодые люди смотрѣли на эту прекрасную

картину. Казалось, эта долина была не частью бесплодной области арктическаго пояса, а одной изъ южныхъ тропическихъ странъ, потому что румянецъ пылалъ на этомъ снѣгу, какъ будто солнце разлило по немъ свои самые розовые лучи. Немножко далѣе къ сѣверу, за исключеніемъ нѣкоторыхъ только мѣстъ, красный снѣгъ кончался, а за нимъ видна была трещина между утесами по срединѣ которой возвышалась каменная колонна, такая прямая и цилиндрическая, какъ будто она была произведеніемъ искусства. На югѣ вся страна представляла поверхность одного огромнаго глетчера, и, если въ скалахъ случалась разсѣлина то этотъ океанъ наземнаго льда выдвигался въ море, куда онъ постоянно посылалъ огромныя ледяныя горы.

— Что за прекрасная картина,—воскликнулъ Томъ Синглетонъ, не выдержавъ, наконецъ, чтобы не выразить своего удивленія словами. Я не предполагалъ, чтобы міръ нашъ заключалъ въ себѣ подобныя картины. Это далеко превосходитъ самыя дикія мечты мои о волшебной странѣ.

— Волшебная страна! воскликнулъ въ свою очередь Фредъ.—Знаете ли, съ тѣхъ поръ, какъ я прибылъ въ эту часть земнаго шара, я пришелъ къ заключенію, что волшебныя сказки не вымыселъ. Эта дѣйствительность въ тысячу милліоновъ разъ величественнѣе того, что когда-нибудь было вымыслено фантазіей. Но, что меня изу-

мляетъ болѣе всего, это красный снѣгъ. Скажите, какая можетъ быть причина этого явленія?

— Незнаю, возразилъ Синглетонъ; это служило долгое время предметомъ споровъ между учеными. Но мы должны его сами хорошенько разсмотрѣть; итакъ идемъ.

Замѣчательный цвѣтъ снѣга, въ періодъ посѣщенія «Дельфиномъ» арктическихъ морей, былъ предметомъ спора, который рѣшенъ въ настоящее время. Его приписываютъ странному микроскопическому растенію, которое не только покрываетъ его поверхность, но и проникаетъ нерѣдко внутрь на нѣсколько футовъ. Прежніе мореплаватели, открывшіе красный снѣгъ и впервые рассказавшіе удивленному міру, что вещество, съ которымъ обыкновенно соединяютъ понятіе о самой чистой и самой блестящей бѣлизнѣ, они видѣли краснымъ, приписывали это явленіе безчисленному множеству мелкихъ существъ, принадлежащихъ къ отряду *radiata*. Но открытіе краснаго снѣга между центральными европейскими Альпами, въ Пиренеяхъ и на горахъ Норвегіи, гдѣ морскія животныя не могли бы существовать, совершенно опровергло это предположеніе. Красящее свойство приписывается теперь растеніямъ, принадлежащимъ къ отдѣлу, называемому водорослями, отличающемуся замѣчательной живучестью и способностью расти и размножаться съ изумительной быстротой, даже на такой бесплодной почвѣ, каковы арктическіе снѣга.

Между тѣмъ какъ Синглетонъ разсматривалъ красный снѣгъ, напрасно стараясь опредѣлить природу едва примѣтныхъ пятнышекъ, окрашивавшихъ его, Фредъ продолжалъ задумчиво смотрѣть на колонну, которая была покрыта густымъ облакомъ тумана, почти закрывавшаго ее отъ глазъ. Наконецъ Фредъ обратилъ на нее вниманіе Тома.

— Я почти готовъ вѣрить, что эта колонна не произведеніе природы, а монументъ, поставленный здѣсь для того, чтобы привлекать вниманіе кораблей.

Синглетонъ продолжительно посмотрѣлъ на колонну. — Не думаю, Фредъ, она гораздо больше, чѣмъ вы предполагаете; вы не можете за туманомъ видѣть ее всю. Подойдемъ лучше къ ней и посмотримъ на нее вблизи,—до нея должно быть не далеко.

Когда они подошли къ высокому утесу, туманъ разсѣялся и тогда сдѣлалось яснымъ, что колонна была настоящимъ произведеніемъ природы. Это былъ столбъ зеленого известняка, уединенно стоящій на краю глубокаго ущелья и изпещренный аспиднымъ известнякомъ, который когда-то покрывалъ его. Колонна была, повидимому, футовъ въ пятьсотъ вышиной, а песчаниковый пьедесталъ, на которомъ она стояла, около двухъ сотъ футовъ.

Эта величественная колонна казалась башней гигантской хрустальной крѣпости, которая сразу открылась взору путешественниковъ, какъ только

туманъ отодвинулся къ сѣверу. Это былъ фасадъ огромнаго глетчера, который выдвигалъ свое перпендикулярное чело, въ видѣ хрустальной стѣны въ триста футовъ высоты надъ уровнемъ моря и Богъ знаетъ сколько ниже его. Солнце сіяло на утесахъ, пикахъ и стѣнныхъ зубцахъ этой ледяной крѣпости, какъ будто таинственные обитатели далекаго сѣвера зажгли свои огни и выставили артиллерію для защиты отъ непріятельскихъ нападений.

Чувство, испытанное молодыми людьми, которымъ, можетъ быть, первымъ пришлось увидѣть эту картину ледовитыхъ странъ, не всякій можетъ понять. Долго не въ состояніи они были произнести ни одного слова, и напрасно пытался бы я передать тотъ языкъ, которымъ они, наконецъ, старались выразить свои чувства. И только тогда, когда колонна и крѣпость остались позади ихъ и мысъ совсѣмъ закрылъ отъ ихъ взоровъ долину краснаго снѣга, они могли возобновить разговоръ объ обыкновенныхъ предметахъ.

Когда они возвращались къ кораблю, быстро переходя съ одной льдины на другую, вдругъ раздался громкій гулъ, который эхо разнесло по всему берегу.

— Это выстрѣлъ! — воскликнулъ Томъ Слиглетонъ, послѣшно вынимая изъ кармана часы. — Ба! знаете ли, который часъ?

— Я думаю, что не рано. Когда мы были у

утеса, тогда, я знаю, былъ полдень, а съ тѣхъ поръ прошло, должно быть, не мало. Который въ самомъ дѣлѣ?

— Ровно два часа утра.

— Какъ! Неужели же мы стояли у утеса вчера и проходили всю ночь, и завтра наступило такъ, что мы и сами не замѣтили.

— Да, такъ и случилось, Фредъ. Мы запоздали, и капитанъ подаетъ сигналъ, чтобы мы скорѣе возвращались. Онъ сказалъ, что онъ не будетъ стрѣлять до тѣхъ поръ, пока не замѣтитъ, что ледъ тронулся; поэтому мы должны прибавить теперь шагу, чтобы корабль не пошелъ безъ насъ; идемъ скорѣй.

Не прошли они еще и полъ-мили, какъ полярный медвѣдь показался изъ-за глыбы льда, за которой онъ только-что позавтракалъ трупомъ тюленя, и теперь медленно шелъ по направленію къ морю, къ ледяной горѣ, не болѣе, какъ въ ста ярдахъ передъ ними.

—Смотрите, смотрите, что за чудовище! сказалъ Фредъ взводя курки и выступая впередъ.—Жаль, что у васъ нѣтъ ружья, Томъ, вамъ нечего будетъ дѣлать.

— Ничего, я вотъ буду дѣйствовать молоткомъ. Смотрите только не дайте промаха. Не стрѣляйте пока не подойдете къ нему.

Они погнались за нимъ и пришли къ огромной трещинѣ льда, футовъ въ тридцать ширины, въ одну милю длины по обѣ стороны отъ нихъ.

— Эхъ, проклятая трещина!

Вещь была, дѣйствительно, непріятная, и выраженіе унынія, появившееся на лицѣ Фреда, когда онъ говорилъ это, показывало, что онъ говорилъ то, что думалъ; хотя, безъ всякаго сомнѣнія, это препятствіе къ дальнѣйшему преслѣдованію звѣря было для нихъ величайшимъ счастьемъ, потому что нападать на полярнаго медвѣдя съ ружьемъ, заряженнымъ мелкой дробью и съ геологическимъ молоткомъ, было бы такимъ же благоразумнымъ и успѣшнымъ дѣломъ, какъ одному человеку силиться удержать локомотивъ. Ни одинъ изъ нихъ не испыталъ еще необыкновенной силы этого бѣлаго царя ледовитыхъ странъ и его живучести, хотя оба они, довольно легкомысленно, рѣшились броситься на него съ тѣмъ оружіемъ, какое имъ случилось имѣть,

— Стрѣляйте въ него отсюда, скорѣй!—кричалъ Синглетонъ.

Фредъ выстрѣлилъ; медвѣдь остановился и оглянулся, какъ будто хотѣлъ сказать: «Вы мнѣ что-то говорите, господа?» Потомъ, не ожидая отвѣта, онъ, съ достоинствомъ, пошелъ своей дорогой и скрылся между ледяными холмами.

Чрезъ часъ, они сидѣли за важнымъ завтракомъ въ каютѣ «Дельфина», рассказывая о своихъ приключеніяхъ капитану и лейтенантамъ, и, помимо воли, Мивинсу, который, занимаясь какимъ-нибудь таинственнымъ дѣломъ въ своей маленькой

кладовой, ухитрялся такъ помѣститься, что большая часть разговора въ каютѣ доходила до его ушей, а оттуда переходила на форкастель. Хотя капитанъ и зналъ объ этомъ, но онъ только улыбался про себя и не мѣшалъ Мивинсу слушать, когда разговоръ шелъ о какихъ-нибудь пустыхъ предметахъ. Если же случалось, что рѣчь шла о какихъ-нибудь важныхъ дѣлахъ, тогда дверь каюты затворялась; въ подобномъ случаѣ Мивинсъ обращался къ Дэви Соммерсу, который, обладая чрезвычайно тонкимъ слухомъ, былъ совершенно необходимъ для удобства жизни почтеннаго баталера.

Когда Фредъ и Томъ кончили завтракъ и рассказъ о своихъ странствованіяхъ, имъ сообщили, что Митакъ, эскимосскій переводчикъ, взятый на корабль въ Уппернавикъ, убилъ, въ ихъ отсутствіи, медвѣдя и двухъ тюленей, что ледъ идетъ къ западу и что онъ, по всей вѣроятности, вскрыется съ отливомъ. Подумавъ немного объ этомъ, они, какъ бы сговорившись, зѣвнули и отправились спать.

ГЛАВА IX.

«Дельфинъ» затирается льдомъ. — Приготовленіе къ зимовкѣ въ льдахъ. — Кодексъ законовъ капитана Гай.

Теперь случилось происшествіе, которое рѣшило судьбу «Дельфина» и его экипажа, по крайней мѣрѣ, на эту зиму. Онъ сѣлъ на мель близъ вышеупомянутой гигантской колоны, и окончательно былъ затертъ льдинами, выбиться изъ которыхъ не было никакой возможности и въ которыя онъ въ скоромъ времени совсѣмъ вмерзъ.

Экипажъ, увидѣвъ въ первый разъ красный снѣгъ, былъ крайне изумленъ, и нѣкоторые, изъ болѣе суевѣрныхъ, смотрѣли на него со страхомъ, граничившимъ съ ужасомъ. Но скоро удивительная колона отвлекла къ себѣ ихъ вниманіе.

— Чортъ меня побери, воскликнулъ О'Рилей, лишь только завидѣлъ ее, чортъ меня побери,

если не здѣсь наконецъ сѣверный полюсъ — это вѣрно!

Смѣхъ, вызванный этимъ замѣчаніемъ, скоро былъ остановленъ, отчасти торжественностью раскрывавшейся предъ ними величественной картины, а отчасти потому, что нѣкоторые изъ малосвѣдущихъ склонны были согласиться съ предположеніемъ О'Рилея.

Но ихъ вниманіе скоро было обращено на опасное положеніе корабля, который неожиданно остановился на мели въ заливѣ, и, прежде чѣмъ они могли выбуксировать его оттуда, ледъ скопился вокругъ него и опоясалъ его плотной, неподвижной массой. Сначала это непріятное происшествіе не огорчало серьезно капитана Гай; онъ досадовалъ только, что принужденъ промедлить здѣсь нѣкоторое время, между тѣмъ какъ лѣто приближалось къ концу, а ему хотѣлось возвратиться въ Баффиновъ заливъ на китовую ловлю. Но день за днемъ проходили, а ледъ, окружавшій корабль, все былъ неподвиженъ. Капитанъ началъ сильно беспокоиться, и всѣми средствами, бывшими въ его распоряженіи, старался выпутаться изъ засады.

Обстоятельство, случившееся чрезъ недѣлю послѣ того, какъ онъ засѣлъ въ льдахъ, сдѣлало его положеніе еще болѣе печальнымъ. Главная льдина въ проливѣ поднялась и потянула къ югу, оставляя за собой, сравнительно, чистое море, по которому онъ, безъ большаго затрудненія, могъ бы

пройти по любому направленію; но плотная масса льда, въ которомъ засѣлъ корабль, крѣпко пристала къ землѣ, отдѣляя корабль отъ чистой воды пространствомъ ярдовъ въ пятьдесятъ, и, пока онъ стоялъ на мѣстѣ, кораблю не было никакой возможности выйти въ чистое море.

— Достаньте пороху и цилиндровъ, мистеръ Больтонъ, сказалъ капитанъ въ одно утро послѣ завтрака, я хочу попробовать, не выйдетъ ли что-нибудь, если взорвать ледъ. Завтра будетъ наи-
большій приливъ, и если корабль не двинется съ мѣста, то мы....

Не окончивъ фразы, онъ повернулся и ушелъ. Онъ нашелъ Боззби и нѣсколькихъ матросовъ, занятыхъ приготовленіемъ ледяныхъ пилъ.

— Да, да, — бормоталъ лейтенантъ, спускаясь внизъ, чтобы сдѣлать нужныя распоряженія; — не-
зачѣмъ вамъ оканчивать свою рѣчь, капитанъ. Если мы не тронемся завтра, то мы будемъ заключены здѣсь, по крайней мѣрѣ, на одну зиму, если не больше.

— Да! а завтра намъ не выбраться отсюда, — замѣтилъ, качая головой, Сондерсъ, сидѣвшій за пу-
тевой книгой, въ которую онъ записывалъ что-то. — Мы крѣпко-на-крѣпко заперты здѣсь, и намъ
нужно сдѣлать все, что только мы въ силахъ сдѣ-
лать, чтобы освободиться на волю.

Сондерсъ былъ правъ, какъ это доказали уси-

лія, какія были сдѣланы въ слѣдующій день. Ледъ лежалъ вокругъ корабля плотными массами, какъ мы уже сказали, и, съ каждымъ изъ трехъ приливовъ, эти массы медленно двигались. Поэтому пилы и рѣзы были постоянно въ дѣлѣ, и люди, изъ всѣхъ силъ, поочередно работали день и ночь, получая при этомъ двойную порцію горячаго кофе. Мы должны здѣсь упомянуть, что на «Дельфинѣ» не было спиртныхъ напитковъ, былъ только спиртъ для медицинскихъ цѣлей и для нѣсколькихъ небольшихъ кухонныхъ лампъ новѣйшаго изобрѣтенія. Теперь дознано многими опытными путешественниками, что въ холодныхъ странахъ, такъ же, какъ и въ жаркихъ, не употребляя спиртныхъ напитковъ, люди работаютъ лучше и лучше переносятъ крайнія напряженія силъ, чѣмъ употребляя ихъ. Поэтому, экипажу «Дельфина» было объявлено, что ромъ будетъ замѣненъ кофе, чаемъ и шоколадомъ, и что никто на борту не будетъ получать спирта, за исключеніемъ случаевъ крайней необходимости.

Несмотря на то, что люди работали съ такой энергіей, съ какой можетъ работать только тотъ, кто трудится надъ освобожденіемъ себя изъ долгаго заключенія, ледъ, окружавшій корабль, не потерпѣлъ ни малѣйшаго измѣненія, о которомъ стоило бы упомянуть. Наконецъ, сдѣлана была попытка раздробить его при помощи пушечнаго пороха.

Въ отверстіе громадной ледяной глыбы, находившейся возлѣ кормы корабля, былъ опущенъ цилиндръ, заключавшій въ себѣ около тридцати фунтовъ пороха. Мивинсъ, который былъ легче всѣхъ на ноги, посланъ былъ поджечь снарокъ. Онъ поджегъ, и ударился бѣжать — бѣжалъ такъ быстро, что чуть не промахнулся и не упалъ въ воду, прыгая черезъ трещину. Раздался громкій грохотъ, и огромная масса льда поднялась къ верху изъ центра глыбы и упала назадъ большими осколками. До сихъ поръ результатъ дѣла былъ удовлетворителенъ, и экипажъ тотчасъ принялся вытаскивать грузъ и складывать на ледъ вокругъ корабля, чтобы быть на-готовѣ тронуться съ наибольшимъ приливомъ, который скоро долженъ былъ наступить. Къ массамъ льда со стороны моря были прикрѣплены буксирные канаты и кабельтовы, чтобы, съ наступленіемъ прилива, тотчасъ сдвинуть ихъ въ море. Корабль былъ облегченъ, насколько было возможно, выгрузкой запасовъ на ледъ. Весь экипажъ—капитанъ, лейтенанты и всѣ матросы—работали какъ лошади, такъ что у нихъ потъ градомъ катился съ лица, а Миззль безпрестанно разносилъ имъ горячій кофе. Фредъ и молодой лекаръ работали какъ и всѣ другіе, безъ сюртуковъ, обвязавъ голову платкомъ и засучивъ рукава рубашки до плечъ.

Наконецъ насталъ приливъ, вода поднималась

медленно дюймъ за дюймомъ, какъ-бы неохотно предоставляя случай къ освобожденію.

Мивинсомъ овладѣвали нетерпѣніе и сомнѣніе.

— Я не думаю, чтобы она поднялась еще хоть на одинъ дюймъ,—сказалъ онъ стоявшему возлѣ него О'Рилею.

— Не безпокойся объ этомъ. Капитанъ знаетъ это дѣло получше твоего, а онъ говоритъ, что вода поднимется еще на одинъ футъ.

— Капитанъ самъ говорилъ объ этомъ?—спросилъ Гримъ, которымъ также начало овладѣвать отчаяніе.

— Стало быть, говорилъ. Онъ откровенно говорилъ со мной объ этомъ предъ твоимъ приходомъ на смѣну прошедшей ночи, если не вчера утромъ, потому что я никогда не знаю времени дня съ тѣхъ поръ, какъ солнце перестало заходить.

— Нашли время рассказывать, когда надо заниматься дѣломъ,—ворчалъ Боззби, который проходилъ мимо съ ношей,—наговоритесь вдоволь тогда, когда мы выйдемъ отсюда.

По мѣрѣ возвышенія прилива, ледъ и корабль постепенно подвигались; послѣдній, очевидно, былъ уже на ходу, тогда какъ первый только отчасти поднялся со дна. Экипажъ весь былъ уже по мѣстамъ, готовый тотчасъ приступить къ дѣлу, и всѣ, съ безпокойнымъ ожиданіемъ распоряженій, смотрѣли на капитана, который ожидалъ минуты, чтобы сказать слово команды.

— Огня! сказалъ онъ низкимъ голосомъ.

Въ минуту ледъ, окружавшій корабль, треснулъ и поднялся вверхъ, какъ будто какой-нибудь морской левиафанъ толкнулъ его снизу, и корабль медленно повернулся. Громкія восклицанія выражали радость экипажа.

— Поворачивай на другой галсъ, ребята, живѣй!

Шпиль повернулся и корабль, при помощи буксирныхъ канатовъ и кабельтовыхъ, медленно началъ подвигаться впередъ. Въ это время тяжелая глыба льда, выведенная изъ равновѣсія движеніемъ корабля, съ трескомъ упала на руль и со всѣмъ отбила часть его.

— Еще неожиданность! Спасайся, ребята; всѣ на бортъ,—кричалъ капитанъ.

Нѣсколько человѣкъ, остававшихся до сихъ поръ на льду, вскочили на бортъ. Предъ самымъ носомъ корабля находилась льдина, которую корабль не могъ отодвинуть въ сторону; но которую онъ толкалъ къ морю, плывя вслѣдъ за нею. Внезапно она сѣла на мель и осталась неподвижной.

— Туда съ рѣзами. Прорубливай живо отверстіе. Приготовьте цилиндръ съ порохомъ, мистеръ Больтонъ, проворнѣй!—крикнулъ капитанъ отчаянно, и прыгнулъ чрезъ бортъ, чтобы посмотрѣть, какъ рубили неподвижную преграду. Отверстіе было скоро готово, порохъ опущенъ и подожженъ. Но онъ только расщепилъ глыбу на двое, оставивъ ее неподвижной попрежнему. Спусти нѣ-

сколько минутъ, корабль опять сѣлъ на мель, ледъ снова окружилъ его; высокій приливъ преошлъ, а корабль все-таки остался въ заключеніи.

Тотъ, кому извѣстно, какъ непріятно нѣсколько разъ потерпѣть неудачу и быть обматутымъ въ ожиданіи, можетъ понять тѣ чувства, съ какими теперь экипажъ «Дельфина» смотрѣлъ на свое положеніе. Словъ было сказано не много; но унылый взглядъ и отсутствіе обычнаго смѣха и шутки, всегда отличавшихъ его, слишкомъ ясно выражали какъ тяжело подѣйствовала на него перспектива зимы въ Арктическомъ поясѣ. Онъ однако продолжалъ работать надъ освобожденіемъ корабля еще нѣсколько дней послѣ прилива и не хотѣлъ помириться съ судьбой, пока окончательно не пропала всякая надежда сдвинуть его съ мѣста. Но, еще до этого, начала обнаруживаться реакція, были взвѣшены бѣдствія приближающейся зимы, а нѣкоторые болѣе пылкіе заглянули даже далѣе этой зимы и начали подумывать о томъ, удастся ли имъ когда-нибудь вывести корабль изъ его настоящаго положенія и выйти на глубокое море.

Фредъ Эллисъ также думалъ о своемъ отцѣ и о препятствіи къ отысканію его, и, теряя надежду, упадалъ духомъ. Но бѣдный Фредъ, какъ и другіе, сообразилъ, наконецъ, что отчаяніе не ведетъ ни къ чему и что лучше быть мужчиной и глядѣть смѣло въ глаза затрудненія и горю.

Но такова человѣческая природа! такъ трудно намъ привыкнуть весело глядѣть въ лицо горю и затрудненіямъ, даже когда намъ постоянно встрѣчается испытывать ихъ! Какъ бы мы были счастливы, еслибы мы умѣли покоряться своей участи, не только потому, что она неизбѣжна, но и потому, что такова Божья воля.

Между людьми экипажа были всѣ оттѣнки характеровъ, и обстоятельство, что они были обречены на годичное заключеніе въ холодномъ поясѣ, было принято различно. Нѣкоторые думали объ этомъ серьезно; другіе легко смотрѣли на это и смѣялись; не многіе ворчали и роптали на судьбу; но большая часть скоро помирилась съ своимъ положеніемъ, а чрезъ недѣлю или двѣ всѣ забыли о прошедшемъ и будущемъ, предавшись заботамъ и увеселеніямъ настоящаго. Капитанъ Гай, однако, и его офицеры, а также нѣкоторые болѣе положительные люди, къ которымъ принадлежали Боззби и Петръ Гримъ, съ безпокойствомъ заглядывали впередъ, слишкомъ хорошо зная предстоящія имъ опасности и испытанія.

Правда, корабль былъ снабженъ провизіей болѣе, чѣмъ на годъ, но припасы большей частью были соленые; а Томъ Синглетонъ сказалъ бы имъ, еслибы имъ самимъ не было хорошо извѣстно, что безъ свѣжихъ припасовъ, они едва ли могутъ избѣгнуть скорбута, этой ужасной болѣзни,

сломившей столько крѣпкихъ моряковъ, которыхъ никакія опасности и труды не могли сломить. Правда, надъ кораблемъ кружились цѣлыя міріады птицъ, которыми экипажъ лакомился и отъ которыхъ люди жирѣли съ каждымъ днемъ; правда, что ружья Митэка и его компаніи рѣдко не снабжали корабль въ изобиліи мясомъ тюленей, моржей и полярныхъ медвѣдей, которое благосклонно принималось экипажемъ, и въ особенности собаками, разжирѣвшими дотого, что ходили переваливаясь по палубѣ, что они дѣлали, впрочемъ рѣдко будучи страстными охотниками поспать. Но птицы, а можетъ быть и звѣри, съ наступленіемъ зимы, исчезнуть въ этихъ странахъ, и тогда экипажъ останется безъ свѣжаго мяса,

Далѣе, хотя «Дельфинъ» былъ снабженъ всѣмъ необходимымъ для китоловной экспедиціи и даже нѣкоторыми предметами роскоши, но онъ недостаточно былъ снабженъ тѣмъ, что необходимо для зимовки въ Арктическомъ поясѣ—пищей и топливомъ. На бортѣ было только небольшое количество каменнаго угля и, кромѣ незначительнаго количества запаснаго дерева, не было ничего такого, что бы могло замѣнить его, а между тѣмъ пустынные берега, у которыхъ имъ суждено было зимовать, не могли снабдить ихъ ни кусочкомъ дерева. Еще на два или на три мѣсяца они имѣли достаточно всего необходимаго, а на остальное

время у нихъ были только, по выраженію Грима, «мужество да крѣпкія руки».

Когда сдѣлалось очевиднымъ, что приходится зимовать въ заливѣ, который капитанъ называлъ заливомъ Милосердія, всѣ дальнѣйшія попытки къ освобожденію корабля были оставлены и начались приготовленія для зимовки. Теперь-то обнаружались способности капитана Гай, какъ командира. Онъ зналъ изъ долгаго опыта и наблюденій, что для предотвращенія деморализаціи, необходимо поддерживать самую строгую дисциплину. Въ самомъ дѣлѣ, это правило такъ всеобще въ примѣненіи, что многіе находятъ полезнымъ предписывать себѣ строгія правила относительно распредѣленія времени и занятій, чтобы господствовать надъ своими желаніями. Поэтому первымъ дѣломъ капитана было собрать весь экипажъ и поговорить съ нимъ объ этомъ предметѣ, для чего онъ выбралъ утро перваго воскресенья, когда экипажъ соберется на молитву на кормовой палубѣ.

До сихъ поръ мы еще не упоминали въ нашемъ разсказѣ о воскресеньяхъ, потому что въ морѣ, когда нужно было бороться со льдами, этотъ день ничѣмъ не отличался отъ другихъ дней недѣли, за исключеніемъ остановки нѣкоторыхъ второстепенныхъ работъ и чтенія молитвъ для тѣхъ, кому угодно было присутствовать при этомъ. Но такъ какъ необходимыя занятія всегда преобладали, а чтеніе молитвъ занимало не больше полу-часа, то

не было никакого замѣтнаго различія между воскресеньемъ и другими днями. Пусть не подумаетъ читатель, что мы легко смотримъ на это различіе. Хотя, повидимому, оно было незначительно, но на дѣлѣ оно было безконечно велико, потому что оно все-таки напоминало великое правило, что день отдыха соблюдать должно и что въ этотъ день преимущественно должно воздавать честь Создателю.

Въ воскресеньемъ, о которой рѣчь,—а это была чрезвычайно свѣтлая, и тихая суббота,—капитанъ Гай, прочитавъ, по обыкновенію, часть обѣдни по обряду Англиканской церкви, всталъ съ мѣста и, серьезнымъ, рѣшительнымъ тономъ, сказалъ: — Господа, я считаю своимъ долгомъ сказать вамъ нѣсколько словъ относительно нашего настоящаго положенія и того, что предстоитъ намъ въ будущемъ. Я понимаю, что на мнѣ лежитъ наибольшая отвѣтственность въ томъ, что я завелъ васъ сюда, и я считаю своимъ священнымъ долгомъ,—болѣе чѣмъ въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова,—сдѣлать все возможное, чтобы вывести васъ изъ этого ледянаго заключенія. Вамъ не хуже моего извѣстно, что въ настоящее время это невозможно и что мы принуждены провести здѣсь зиму. Многимъ изъ васъ извѣстно, что значитъ провести здѣсь зиму, но большая часть изъ васъ знаетъ это только по слухамъ, а это почти тоже, что не имѣть объ этомъ никакого понятія. До

окончанія зимы—я долженъ сказать вамъ откровенно—вамъ предстоятъ крайнія усилія и терпѣніе. Жизнь, которая вамъ предстоитъ, не ребяческая забава; но я увѣряю васъ, что въ ней вы найдете много пріятнаго и отраднаго, если только захотите. Короче сказать,—нѣтъ никакой возможности провести зиму на этомъ кораблѣ удобно, или даже безопасно, безъ строжайшей дисциплины. Я самъ прежде былъ въ подобныхъ обстоятельствахъ и потому знаю, что какъ только холодъ, голодъ, а можетъ быть и болѣзнь, станутъ угнетать васъ (если Всемогущему угодно будетъ ниспослать ихъ на насъ), обязанности ваши покажутся вамъ утомительными и бесполезными и вы, можетъ быть, подумаете о возмущеніи. Поэтому я прошу теперь, когда ваши умы свободны отъ всякихъ предубѣжденій, чтобы каждый изъ васъ собственноручно подписалъ писанный кодексъ законовъ и письменное обѣщаніе, что каждый изъ васъ будетъ подчиняться имъ и помогать мнѣ поддерживать ихъ силу наказаніями, даже смертной казнью, если это будетъ необходимо. Согласны вы на это, господа?

— Согласны, согласны!—закричали всѣ въ одинъ голосъ, съ выраженіемъ полнѣйшей рѣшимости, свидѣтельствовавшей капитану, что онъ пользовался ихъ полнѣйшимъ довѣріемъ,—обстоятельство чрезвычайно важное въ такомъ критическомъ положеніи, въ какое они были поставлены.

— Въ такомъ случаѣ я прочту правила; ихъ не много, но они достаточно обширны.

«1-е. Всякое утро, предъ завтракомъ, должно читать молитвы, если обстоятельства не сдѣлаютъ это невозможнымъ.»

Капитанъ положилъ бумагу и пристально посмотрѣлъ на экипажъ.

— Господа, я никогда не чувствовалъ такой необходимости въ благословеніи Всемогущаго, какъ теперь, и я полагаю, что при настоящихъ обстоятельствахъ не только нашъ долгъ, но и нашъ собственный интересъ требуютъ, чтобы мы начинали не только воскресенье, но и каждый день, молитвой.

«2-е. Поддерживать караулъ и выполнять другія обыкновенныя корабельныя обязанности точно также, какъ еслибы мы были въ пристани.

«3-е. Офицеры должны быть на сторожѣ, какъ и до сихъ поръ, если не будутъ отозваны къ другому дѣлу; навигаціонныя книги должны быть ведены и метеорологическія наблюденія и т. д. производимы по обыкновенію.

«4-е. Капитанъ будетъ имѣть верховную и неограниченную власть, какъ и на морѣ; но онъ, съ своей стороны, обѣщаетъ, если возникнетъ какое-нибудь особенное обстоятельство, отъ котораго можетъ зависеть безопасность экипажа или корабля, собирать совѣтъ изъ всего экипажа; опредѣленіе большинства будетъ имѣть силу закона, но

въ такомъ случаѣ меньшинство будетъ вправѣ, если пожелаетъ, отдѣлиться отъ большинства и взять свою долю изъ общаго запаса провизіи»

«5-е. Ослушаніе должно быть наказываемо, согласно съ опредѣленіемъ совѣта, который будетъ собранъ спеціально для составленія уголовного кодекса, который вступить въ силу по одобреніи всего экипажа.»

Эти правила были подписаны всѣми. Нѣкоторые, не умѣвшіе писать, поставили собственноручно кресты на концѣ страницы противъ своихъ фамилій, написанныхъ капитаномъ въ присутствіи свидѣтелей. Съ этого времени, пока правила эти, съ измѣненіемъ обстоятельствъ не сдѣлались излишними, на кораблѣ все шло хорошо и исполнялось охотно.

ГЛАВА X.

Начало зимы.—Митэкъ производитъ замѣчательное измѣненіе въ костюмахъ экипажа.—Собираніе мха и работы на кораблѣ.—
Приготовленіе къ зимовкѣ.

Въ августѣ появился первый морозъ и образовался на морѣ «молодой ледъ», но онъ стоялъ не долго, всего часъ или два; съ наступленіемъ прилива, онъ поломался и растаялъ. Около десятаго сентября, молодой ледъ сплотилъ прошлагодня пловучія льдины, такъ что въ скоромъ времени ледъ сталъ неподвижно вокругъ корабля. По берегамъ близлежащихъ скалистыхъ острововъ образовались ледяные холмы, а бока утесовъ, вслѣдствіе повышенія и пониженія воды во время приливовъ и отливовъ, покрылись блестящими кри-

сталлами. Все пернатое племя улетѣло въ страны менѣе суровыя. за исключеніемъ подорожника (snow-bird), маленькой бѣлой птички величиной съ воробья, которая позже всѣхъ покидаетъ льдистый сѣверъ. Поднялась страшная буря, и загрозила море ледяными горами и полями, которыя скоро были связаны морозомъ въ одну сплошную массу. Съ исходомъ бури, повалилъ такой снѣгъ, что когда моряки рѣшились показаться наружу, то нашли палубу покрытую снѣгомъ выше колѣнъ; со стороны вѣтра сугробъ былъ почти въ уровень съ перилами, всѣ реи покрылись полосами снѣга, всякое отверстіе, уголь, дыра, трещина были имъ набиты.

Земля и море были одѣты этимъ бѣлымъ покрываломъ; единственными темными предметами на ландшафтѣ были скалы слишкомъ крутыя для того, чтобы покрыться снѣгомъ, большой флаштокъ, возвышавшійся въ видѣ башни, да свинцовыя облака, тѣсно катившіяся по небу. Но скоро эти свинцовыя облака скатились, оставивъ за собой голубое зимнее небо и свѣтлое солнце.

Буря кончилась рано утромъ, а за завтракомъ, когда солнце боролось уже съ послѣднимъ облакомъ, капитанъ Гай сказалъ своимъ друзьямъ, сидѣвшимъ въ каютѣ, вокругъ стола:

— Сегодня, господа, намъ нужно приняться за трудное дѣло.

— За трудное дѣло, капитанъ!—воскликнулъ

Фредъ Эллисъ, только что пережевавшій кусокъ твердаго соленого мяса и не успѣвшій еще отдохнуть послѣ этого труднаго дѣла;—какъ же вы, въ такомъ случаѣ, называете то дѣло, которымъ мы были заняты послѣднія нѣсколько недѣль.

— Забавой, мой другъ; до сихъ поръ мы только забавлялись, чтобы приготовить руки къ серьезному дѣлу!.. Въ какомъ состояніи здоровье экипажа, докторъ?

— Лучшаго и желать не надо; но я боюсь, чтобы наша больница въ скоромъ времени не наполнилась, если вы захотите привести въ исполненіе вашу угрозу относительно трудной работы.

— Не бойтесь замѣтилъ младшій лейтенантъ; чѣмъ больше работаешь, тѣмъ лучше здоровье,—это я знаю по опыту. Занятому человѣку нѣкогда болѣть.

— Въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, сэръ,—сказалъ старшій лейтенантъ, пережевывая огромный кусокъ свинины.—Для здоровья нѣтъ ничего лучше, какъ трудъ.

— Противъ васъ двое, докторъ,—сказалъ капитанъ.—Значить два противъ двухъ, потому что я совершенно соглашаюсь съ Томомъ, и съ превосходной пословицей, которая гласитъ. «работа безъ забавы сдѣлаетъ Джэка группымъ мальчикомъ».

Капитанъ покачалъ головой и сказалъ: «всега вреднѣе на кораблѣ эти полу-пассажиры. Я думаю,

Фредъ, взять васъ въ обученіе и дать вамъ постоянную работу,—полно баловаться.

Едвали нужно говорить, что капитанъ шутилъ, потому что Фредъ обладалъ духомъ, не знавшимъ праздности, отдохавшимъ развѣ за работой. Онъ могъ дѣлать почти все по образцу и ни минуты не оставался безъ дѣла. Если и случалось, что его руки не были заняты, то его голова работала, тщательно отыскивая, что бы начать дѣлать.

— Итакъ, милостивые государи, подумаемъ, какъ распредѣлить занятія. Сначала разгрузимъ корабль и сложимъ грузъ на небольшой островокъ лежащій позади корабля, который, для краткости, будемъ называть складочнымъ островомъ. Поставьте тамъ палатку, мистеръ Болтонъ, и обложите ее снѣгомъ. Надзоръ за разгрузкой можете поручить Петру Гриму. Вы, мистеръ Сондерсъ, съ отрядомъ людей прорубите чрезъ молодой ледъ каналъ между кораблемъ и этимъ островомъ. Къ счастью, ледяныя поля оставили намъ достаточно широкой промежутокъ, чтобы могли проходить наши меньшія шлюпки. Разгрузка не возьметъ много времени. Поручите Боззби взять дюжину людей и отправиться за мхомъ. Намъ нужно собрать здѣсь большое количество топлива, а когда подвинется другая такая буря, трудно будетъ достать мха. Когда пойдете на палубу, пошлите ко мнѣ Митэка; я хочу поговорить съ нимъ о томъ, какъ бы устроить охоту, чтобы поискать въ окруж-

ности дичи. Вы, докторъ, хотите—присоединитесь къ партіи охотниковъ, хотите—оставайтесь приводить въ порядокъ наблюденія и пр., которыхъ въ послѣднее время накопилось довольно.

— Благодарю васъ, капитанъ,—сказалъ Синглетонъ, я принимаю послѣднюю обязанность тѣмъ охотнѣе, что я хочу тщательно изслѣдовать собранные мною экземпляры растений.

— А мнѣ что же дѣлать, капитанъ?—спросилъ Фредъ.

— Что вамъ угодно, мой милый.

— Въ такомъ случаѣ я беру на себя надзоръ за Митэкомъ; онъ можетъ сдѣлать какую-нибудь пакость, если не наблюдать за нимъ.

Въ эту минуту на палубѣ слышался громкій и продолжительный взрывъ смѣха и такой топотъ, какъ будто тамъ танцуетъ множество народа.

Бывшіе въ каютѣ, похватали шапки и побѣжали къ компаніи; здѣсь они увидѣли сцену, которая объяснила имъ причину смѣха и заставила ихъ самихъ принять въ немъ участіе. Съ перваго взгляда показалось, какъ будто тридцать полярныхъ медвѣдей появилось на кораблѣ и плясали, торжествуя побѣду, передъ пиромъ, который они собирались устроить себѣ изъ экипажа. Но послѣ ближайшаго разсмотрѣнія оказалось, что этотъ экипажъ подвергся странной перемѣнѣ и отъ души хохоталъ надъ смѣшнымъ видомъ, какой онъ принялъ. Всѣ съ ногъ до головы были одѣты въ

эскимосскій костюмъ и своей наружностью такъ близко походили на полярныхъ медвѣдей, какъ только могутъ на нихъ походить люди.

Митэкъ былъ образцомъ и главнымъ виновникомъ этой перемѣны. Въ Унперनावикѣ капитанъ Гай для спекуляціи купилъ большое количество шкуръ, лисьихъ, оленьихъ, тюленьихъ и другихъ, и положилъ ихъ подъ спудомъ въ трюмѣ, нисколько не думая, что они ему пригодятся на что-нибудь во время путешествія. Митэкъ взошелъ на корабль одѣтый въ тюленью шкуру, но когда сдѣлалось холоднѣе, то онъ вытащилъ изъ своего узла, который онъ взялъ съ собой, нарядъ, сдѣланный изъ шкуръ Арктическихъ лисицъ, изъ которыхъ нѣсколько было бѣлыхъ, и нѣсколько голубыхъ. Этотъ нарядъ состоялъ изъ широкой куртки, нѣсколько похожей на рубашку, къ которой придѣланъ былъ канишонъ, и изъ короткаго удлинненія позади вродѣ хвоста. Сапоги были сдѣланы изъ бѣлой медвѣжьей шкуры и оканчивались когтями этого животнаго, и были такъ длинны, что покрывали всю часть тѣла, не покрытую курткой, такъ что замѣняли штаны. Рукавицы также были изъ шкуръ, и притомъ сшиты были такъ, что для четырехъ пальцевъ былъ одинъ общій мѣшокъ, а для большаго пальца отдѣльный. Шерсть на этомъ костюмѣ была длинная, мягкая и обращенная наружу, такъ что, когда человѣкъ одѣнется въ него и закутается капи-

шономъ, покрывавшимъ почти все лице, то дѣлается очень похожимъ на медвѣдя, или на какого-нибудь другаго звѣря, когда онъ станетъ на заднія лапы. Митѣкъ былъ короткій, жирный и здоровый малый отъ природы: но когда онъ одѣвался въ свой зимній нарядъ, то становился такимъ круглымъ, коренастымъ, косматымъ и наивнымъ существомъ, что нельзя было удержаться отъ смѣха, взглянувъ на него. Поэтому, когда онъ въ первый разъ показался на палубѣ въ своемъ новомъ костюмѣ, всѣ привѣтствовали его громкимъ и продолжительнымъ взрывомъ хохота. Но Митѣкъ былъ такой же добродушный эскимось, какъ и всѣ его соотечественники. Онъ присоединился къ смѣху и сдѣлалъ два-три прыжка, чтобы показать, что онъ не прочь пошутить.

Когда корабль окончательно зазимовалъ и ртуть въ термометрѣ значительно упала, экипажъ увидѣлъ, что его обыкновенный костюмъ недостаточно защищаетъ отъ холода, и капитану представился случай сдѣлать хорошее употребленіе изъ своихъ кожъ. Искусство моряковъ владѣть иглой для грубой работы вошло въ пословицу. Митѣкъ показалъ матросамъ, какъ взяться за дѣло; каждый принялся шить себѣ костюмъ и не больше, какъ чрезъ недѣлю всѣ были готовы. Сапоги, правда, затрудняли ихъ немного, и нѣкоторые изъ менѣе искусныхъ подѣлали удивительные наряды для ногъ; но все-таки имъ удалось сдѣлать

ихъ по образцу. Наконецъ, когда все было кончено, весь экипажъ появился на палубѣ въ новыхъ нарядахъ, какъ мы уже упомянули, прыгая по снѣгу какъ медвѣди, къ полнѣйшему собственному удовольствію и къ величайшему восторгу Митэка, который въ бѣлыхъ медвѣдяхъ увидѣлъ теперь своихъ братьевъ—такъ справедлива пословица, что «портной дѣлаетъ человѣкомъ».

— Ухъ, какъ онъ тяжелъ, этотъ костюмъ!—сказалъ запыхавшись Мивинсъ, наплясавшись до изнеможенія.

— Тяжелъ?—крикнулъ Боззби, который принялъ такой видъ, что вы бы затруднились сказать, въ длину ли онъ былъ больше или въ ширину,—ты говоришь тяжелъ? Должно быть, духу въ тебѣ мало, если ты говоришь, что онъ тяжелъ, потому что я чувствую себя въ немъ легкимъ, какъ пухъ.

— Я бы не желалъ когда-нибудь заснуть на перинѣ изъ такого пуха, сказалъ О'Рилей и, подбѣжавъ къ Гриму, помощнику плотника, сунулъ ему въ лицо горсть снѣга. Морозъ сдѣлалъ снѣгъ такъ сыпкимъ, что изъ него невозможно было лѣпнуть снѣжковъ, и потому матросы должны были довольствоваться тѣмъ, что залѣпливали другъ другу глаза и уши горстями снѣга.

— Какъ ты смѣешь обижать моего помощника! вотъ тебѣ!—сказалъ Петръ Гримъ, толкнувъ ирландца такъ, что тотъ повалился на палубу.

— Какія у тебя скверныя замашки,—пробормоталъ О'Рилей, поднимаясь,—отчего ты не задѣваешь такого жъ великана какъ самъ.

— А потому, что такого нѣтъ, замѣтилъ плотникъ осклабясь.

Онъ говорилъ правду. Его колоссальные размѣры еще больше увеличивались его косматымъ нарядомъ, въ которомъ онъ казался такимъ великаномъ, что изъ него вышло бы два порядочныхъ человѣка. Но О'Рилей былъ не таковъ, чтобы позволить безнаказанно толкнуть себя. Прячась за толпой, смѣющихся надъ шуткой Грима, товарищей, онъ подкрался къ нему сзади и, схвативъ за короткій хвостъ его куртки, повалилъ его на палубу.

— Ага! ну, теперь задайте ему хорошенько, ребята,—кричалъ О'Рилей, прижимая къ полу растянувшагося плотника и залѣпливая ему лицо и черную бороду слѣгомъ. Нѣсколько смѣльчаковъ вскочило на распростертаго Грима и чуть было не растоптали его, пока онъ успѣлъ подняться и приготовиться къ битвѣ; потомъ они разсыпались во всѣ стороны, когда ихъ жертва встала на ноги и дико погналась за ними. Наконецъ онъ схватилъ О'Рилея за оба плеча и подбросилъ его вверхъ, съ такой силой, что онъ, какъ Эмосъ Парръ выражался послѣ, перелетѣлъ бы чрезъ рейду. Но ирланца не легко было побѣдить. О'Рилей выпрямился и поднялъ руки надъ головой,

и толчекъ, который, по словамъ Парра, рассчитанъ былъ такъ, что долженъ былъ послать его на неудобную высоту, только стащилъ съ него куртку, давъ ему возможность захохотать въ лицо своему огромному другу и убѣжать.

Тутъ капитанъ счелъ нужнымъ вмѣшаться.

— Ну, ребята, пора окончить это, — закричалъ онъ. — Это вѣдь не утреннее занятіе, не такъ ли? Я радъ, что вижу васъ въ вашихъ новыхъ костюмахъ, — прибавилъ онъ съ значительной улыбкой, — онъ очень удобенъ для суровыхъ работъ въ снѣгу, полюбитежъ ихъ теперь; а ихъ много предстоитъ намъ. Ступай со мною внизъ, Митэкъ, я желаю поговорить съ тобой.

Когда капитанъ сошелъ въ каюту, экипажъ закончилъ свои забавы, и чрезъ десять минутъ всѣ были за дѣломъ.

Боззби съ своей партіей первый снарядился въ путь и отправился за мхомъ. Они пошли пѣшкомъ, таща за собой сани, къ долинь краснаго снѣга, до которой было не больше двухъ миль отъ корабля. Собирать мохъ было ничуть не привлекательнымъ занятіемъ. Пока еще не наступила суровая зима, было сравнительно легко добывать мохъ изъ-подъ снѣга; но теперь торфъ, смѣшанный изъ ивы, вереска, травъ и мха, нужно было рубить ломомъ, и перетаскивать на корабль, какъ камень. Несмотря на это, однако, его было добыто столько, что можно было имъ устлатъ палубы и

обложить бока корабля, для защиты его отъ холода. Въ это же время производилась и разгрузка корабля, а Фредъ, въ сопровожденіи Митэка, О'Рилея и Джозефа Уэста, отправился въ охотничью экспедицію, взявъ съ собой сани, запряженные собаками.

Чтобы дать возможность читателю получить болѣе вѣрное понятіе о положеніи «Дельфина» и его экипажа, мы считаемъ нужнымъ сдѣлать подробное описаніе тѣхъ приготовленій къ зимовкѣ, какія были совершены въ это время и въ слѣдующія двѣ недѣли. Для предосторожности, корабль, при помощи вѣтра, пилъ и буксировъ, сдвинули на болѣе глубокую воду, гдѣ, въ слѣдующую же ночь, морозъ прочно закрѣпилъ его, образовавъ вокругъ него ледъ въ три дюйма толщиною; чрезъ нѣсколько недѣль толщина этого льда достигла нѣсколькихъ футовъ, а снѣгъ, покрывавшій его, былъ такъ высокъ, что, казалось, будто корабль стоитъ на сушѣ, покинувъ свою родную стихію. Къ Складочному Острову корабль былъ привязанъ надежными кабельтовыми, изъ опасенія, чтобы его не снесло вслѣдствіе внезапнаго вскрытія льда. Чтобы облегчить корабль, грузъ былъ перевезенъ на Складочный Островъ и помѣщенъ въ палаткѣ, которая кругомъ была обложена толстымъ слоемъ снѣга. Затѣмъ встали, также на Складочный Островъ, всѣ шлюпки и помѣстили ихъ возлѣ палатки, покрывъ снѣгомъ; только двѣ кормовыя

шлюпки оставались на роуленсахъ всю зиму. Когда ртуть въ термометрѣ упала ниже нуля, то испаренія и дыханіе людей осѣдали на брусьяхъ нижней палубы и въ каютѣ вокругъ люка. Поэтому изъ листового желѣза, которое, къ счастью, нашлось на кораблѣ, были подѣланы трубы, которыя, будучи проведены отъ кухни чрезъ всю длину корабля, служили въ нѣкоторой степени для возвышенія температуры и для вентиляціи каютъ. Определѣно, сколько сжигать угля каждый день и назначены четыре постоянныхъ человѣка, которые должны, поочередно, наблюдать за огнемъ съ двойной цѣлью, чтобы не истреблялось напрасно топливо и чтобы не произошло пожара. Они должны были также постоянно держать въ люкѣ наготовѣ пожарныя трубы, ведра и два ушата съ водой, на случай какого-нибудь несчастья. Сверхъ того, составлена была пожарная команда, начальникомъ которой былъ Джозефъ Уэстъ, энергическій, спокойный и дѣятельный молодой морякъ; и для каждаго изъ ея членовъ напередъ определѣно мѣсто, гдѣ онъ долженъ находится во время пожара; положено также наблюдать, чтобы не замерзали отверстія, прорубленныя во льду, для того, чтобы во всякое время имѣть подъ рукой воду.

Постановлены были самыя точныя правила относительно опрятности и ежедневнаго вывѣтриванія коекъ; правила эти должны были висѣть въ каютѣ въ продолженіе всей зимы. Каждому человѣку

отпущено было определенное количество провизіи, и каждому предоставлено заботиться о томъ, чтобы у него хватило ея до возвращенія дикихъ птицъ. Вся провизія была [соленая, и капитанъ сильно рассчитывалъ на охоту, что она будетъ снабжать экипажъ свѣжей пищей, безъ чего мало было надежды, что онъ останется здоровымъ. Кофе за завтракомъ, а за ужиномъ какао давались каждому; сверхъ того, въ различныя времена, давались еще тѣмъ, которые занимались какимъ-нибудь труднымъ дѣломъ на сильномъ холодѣ. Потомъ, когда наступила продолжительная сѣверная ночь и морозы усилились, такъ что экипажъ большую часть времени принужденъ былъ проводить на кораблѣ, составлены были проекты пріятнаго и полезнаго препровожденія времени. Между прочимъ, открыта была капитаномъ школа для обученія желающихъ читать, писать и считать, и въ этой гиперборейской академіи Фредъ Эллисъ былъ учителемъ чистописанія, а Томъ Синглетонъ — ариеметики.

Матросовъ сильно занимала сначала мысль, что «они будутъ ходить въ школу»; нѣкоторые изъ нихъ смотрѣли на это съ нѣкоторой робостью, но О'Рилей, послѣ нѣкоторыхъ соображеній, храбро выступилъ впередъ и сказалъ: «Ну, господа, будь я проклятъ, если я не думаю послѣдовать вашему примѣру и не поступлю въ школу. Моя старая бабушка говаривала мнѣ, когда я не ходилъ въ

школу одного старичка, котораго она, разумѣется, задабривала разными подарками: «какъ же ты, плутишка, хочешь быть ученымъ и образованнымъ человѣкомъ, не ходивши въ школу?»—«Нѣтъ, бабушка, обыкновенно, отвѣчалъ я ей на это, вы теперь у насъ самая ученая во всемъ домѣ, и вы, конечно, не захотите, чтобы кто-нибудь былъ образованнѣе васъ; вѣдь, не захотите?»—Такъ я и не ходилъ въ школу, и, скажу еще больше, я не умѣю даже подписать своей фамиліи, и если только въ школѣ можно выучиться этому, то я иду съ вами въ школу; безъ шутокъ, иду.» Онъ такъ и сдѣлалъ. Другіе также охотно поступали въ школу, чтобы имѣть какое-нибудь занятіе.

Докторъ, кромѣ того, два раза въ недѣлю читалъ слушателямъ Шекспира, котораго онъ, къ счастью, взялъ съ собой. Онъ читалъ имъ также отрывки изъ многихъ другихъ книгъ, какія оказались на кораблѣ, а, спустя нѣкоторое время, случайно замѣтивъ въ себѣ талантъ рассказчика, онъ сталъ возобновлять въ своей памяти различные, длинные рассказы, которые въ шутку названы были лекціями и которые всегда доставляли его слушателямъ большое наслажденіе. Потомъ Фредъ сталъ издавать иллюстрированную еженедѣльную газету, названную Арктическимъ Солнцемъ, которая весьма благосклонно читалась на кораблѣ въ продолженіе всего своего кратковременнаго существованія. Правда, каждое утро вы-

ходилъ одинъ только экземпляръ номера, потому что, мало того, что онъ почти одинъ заготовлялъ матеріалъ для газеты, и самъ иллюстрировалъ ее такимъ стилемъ, которому, въ наше время, вѣроятно, позавидовалъ бы и самъ мистеръ Личъ, онъ долженъ былъ еще переписывать четкимъ и чистымъ почеркомъ тѣ статьи, которыми снабжали его матросы и другіе; но эта одна рукопись читалась и перечитывалась столько разъ, сколько не читается ни одна изъ теперь издающихся газетъ, не исключая даже Таймсъ и Пончъ, такъ что, когда эта рукопись возвращалась издателю для тщательнаго храненія въ архивъ «Дельфина», то, безъ преувеличенія, едва можно было прочесть ее, такъ она была испачкана читателями! Кромѣ всего этого, устроенъ былъ театръ, о которомъ мы поговоримъ еще впоследствии.

Этотъ подробный отчетъ о средствахъ, къ которымъ прибѣгали эти изгнанники, чтобы доставить себѣ развлеченіе во время длинной, темной арктической зимы, можетъ быть заставить читателя подумать, какъ много мысли и времени было потрачено этими людьми на удовольствія, какъ будто они были главной цѣлью ихъ жизни въ этихъ странахъ. Но мы должны замѣтить читателю, что, хотя много страницъ можно было бы наполнить описаніемъ ихъ развлеченій, еслибы мы захотѣли сообщить ему подробности, все-таки на нихъ употреблена была только незначительная

часть ихъ времени; они были бы счастливы, еслибъ могли придумать еще что-нибудь для препровожденія времени, потому что гнетущая темнота безконечной ночи и недостатокъ занятій, при такомъ суровомъ климатѣ, въ какомъ они жили, дѣйствовали чрезвычайно губельно на ихъ расположеніе духа.

Для сохраненія въ каютахъ теплоты во время зимы, палуба была покрыта толстымъ слоемъ мха и бока были обложены тѣмъ же матеріаломъ. Двери были тщательно облѣплены тѣстомъ; затѣмъ слѣдовалъ слой пенки, въ два дюйма толщины, который покрывался ковромъ изъ парусовъ. Всякое отверстіе было забито и сверху покрыто толстымъ слоемъ мха; незабитымъ оставался только одинъ люкъ, который служилъ единственнымъ входомъ, да и этотъ постоянно держали закрытымъ и открывали только тогда, когда нужно было очистить воздухъ. Для предупрежденія тяги, надъ нимъ повѣшенъ былъ занавѣсъ. Надъ палубами сдѣланъ былъ наметъ изъ парусовъ, такъ что можно было надѣяться, что корабль будетъ уютнымъ жилищемъ, даже въ самые сильные морозы.

Какъ мы сказали выше, корабль совсѣмъ былъ засыпанъ снѣжными сугробами; а такъ какъ снѣгъ — плохой проводникъ теплоты, то это обстоятельство очень помогало удерживать теплоту въ каютахъ. Съ лѣвой стороны корабля до перилъ была

сдѣлана снѣжная лѣстница, а съ правой наклонная плоскость изъ того же матеріала, чтобы удобнѣе было встаскивать сани на палубу.

Таковы приготовленія къ зимовкѣ, сдѣланныя нашими путешественниками; но хотя всѣ они описаны въ этомъ мѣстѣ нашего разсказа, многія изъ нихъ относятся къ гораздо позднѣйшему времени.

ГЛАВА XI.

Охотничья экспедиція, во время которой охотники встрѣчаются со многими любопытными, опасными, замѣчательными и новыми предметами, и знакомятся съ тюленями, моржами, оленями и кроликами.

Теперь возвратимся къ Фреду Эллису и его спутникамъ, эскимосу Митэку, О'Рилею и Джо-зефу Уэсту, которыхъ мы оставили собиравшими-ся въ охотничью экспедицію.

Они удобно усѣлись на большихъ саняхъ, запряженныхъ шестерикомъ собакъ, и поѣхали по направлению къ морю, вдоль ледяныхъ холмовъ, со скоростью десяти миль въ часъ.

— Каково! снилось ли мнѣ когда-нибудь ѣздить шестерикомъ,—закричалъ О'Рилей въ порывѣ веселости; собаки между тѣмъ мчались полнымъ галопомъ, поощряемые страшнымъ бичемъ Митэка, которымъ онъ отъ времени до времени похлопы-

валъ надъ ихъ спинами, производя звукъ, подобный пистолетному выстрѣлу.

Сани, на которыхъ они ѣхали, были очень любопытнаго и простаго устройства, которымъ вообще отличаются эскимосскія сани; они были сдѣланы Петромъ Гримомъ подъ руководствомъ Митѣка. Они состояли изъ двухъ полозьевъ, въ десять футовъ длины, шесть дюймовъ вышины, два дюйма толщины, и отстоящихъ другъ отъ друга на три фута. Они были сдѣланы изъ самаго прочнаго американскаго орѣховаго дерева, и напереди немного загнуты; между собой они соединялись поперечными брусками. Сзади сдѣлана была спинка, состоящая изъ двухъ вертикальныхъ и одного поперечнаго бруска. Вся эта машина была скрѣплена только крѣпкими ремнями изъ сырой тюленьей кожи, такъ что, повидимому, она готова была разлетѣться на части при малѣйшемъ толчкѣ; на самомъ дѣлѣ, однако, это были очень прочныя сани. Никакіе металлическіе гвоздя не выдержали бы при такомъ страшномъ холодѣ. Они бы потрепались, какъ стекло, при первомъ толчкѣ. Но тюленьи ремни выдерживали самыя сильныя толчки, которые очень часто претерпѣвали сани, и рѣдко лопались, а еслибъ это и случилось, то могли быть легко и скоро замѣнены другими съ помощью одного перочиннаго ножика.

Но бичъ былъ самой замѣчательной принадлежностью этого экипажа. Рукоятка его была всего

пятнадцать дюймовъ длины; но самый бичъ былъ двадцать футовъ длины, и сдѣланъ былъ изъ самой толстой тюленьей кожи. У рукоятки онъ былъ толщиною въ большой палецъ, а къ концу постепенно утончался. Дѣйствовать этимъ ужаснымъ орудіемъ такъ тяжело, что эскимосы, по возможности, стараются путешествовать вдвоемъ, сани за санями. Собаки, которыя тянутъ заднія сани, машинально бѣжатъ вслѣдъ за передними, не нуждаясь въ бичѣ, и путешественники поочередно садятся на переднія сани. Этотъ бичъ всегда влечется позади саней, взмахъ его можетъ произвести ужасный трескъ, подобный пистолетному выстрѣлу; если разразится на спинѣ собаки, то шерсть клочьями сыплется съ несчастнаго животнаго, — а эскимосы превосходные стрѣлки, если можно такъ выразиться. Они могутъ попасть въ какое угодно мѣсто собаки, но обыкновенно ограничиваются простымъ хлопаньемъ — звукомъ, за которымъ всегда слѣдуетъ ужасный вой собакъ, все-равно, попадетъ ли ударъ на которую-нибудь изъ нихъ или нѣтъ.

Наши охотники были одѣты въ свои эскимосскіе костюмы и представлялись самыми странными фигурами, какія только можно себѣ представить; они имѣли такой видъ, который могъ распотѣшить хоть кого. На сани была положена провизія на одинъ день, два гарпуна на моржей съ достаточнымъ количествомъ веревокъ, четыре ружья

съ принадлежностями къ нимъ, одна эскимосская лампа для изготавленія пищи, два большихъ копья, два ковра и четыре мѣшка изъ толстаго войлочнаго сукна для ночлега. Эти послѣдніе были шесть футовъ длины и достаточной ширины, чтобы человѣкъ могъ спрятаться совсѣмъ, влѣзши ногами впередъ.

— Какой прекрасный способъ ѣзды, не правда ли?—закричалъ Фредъ, когда собаки быстро мчались впередъ, предводимыя Домпсомъ и Покеромъ, таща за собой сани.

— Я не промѣнялъ бы этого экипажа съ лордомъ мэромъ города Лондона на его карету, запряженную шестерикомъ, — сказалъ, ослабляясь, О'Рилей, надвигая на голову капюшонъ и стараясь вдвое раздуться, — въ самомъ дѣлѣ не промѣнялъ бы. Ой! осторожнѣй, Митэкъ, ты убьешь насъ, скотина.

Это восклицаніе вырвалось у него изъ груди вслѣдствіе безпечности возницы, который переѣхалъ во всю прыть чрезъ порядочный кусокъ льда, такъ что чуть не опрокинулъ саней. Митэкъ не отвѣтилъ ничего; только, съ спокойной улыбкой, посмотрѣлъ чрезъ плечи на сидѣвшаго позади его О'Рилея.

— Досмѣешься ты у меня, — сказалъ О'Рилей угрожающимъ голосомъ, — пусть только хоть одна косточка въ моемъ тѣлѣ будетъ повреждена, тогда...

Не успѣлъ онъ еще окончить своей рѣчи, какъ

собаки прыгнули чрезъ трещину, сани перескочили чрезъ нее и всѣ пассажиры высыпались на ледъ.

— Негодай! да ты повредилъ во мнѣ не одну кость!

— Ты ушибся, Уэстъ?— сказалъ Фредъ озабоченнымъ голосомъ, замѣтивъ, что морякъ тяжело упалъ на ледъ.

— О нѣтъ, сэръ, благодарю васъ, все въ порядкѣ,—отвѣтилъ Уэстъ, проворно поднявшись и хромя къ санямъ.—Только содралъ кожу на голени.

Уэстъ былъ спокойный, серьезный, обходительный человѣкъ, американецъ родомъ, очень любимый экипажемъ за свою обходительность и скромность и за то, что всегда готовъ былъ работать далеко больше, чѣмъ позволяли силы. Онъ былъ не очень крѣпокъ, и по своимъ физическимъ силамъ едва ли годился для экспедиціи въ арктическія моря.

— А о моемъ здоровьѣ вы не считаете нужнымъ освѣдомляться?— закричалъ О'Рилей, котораго забросило въ трещину въ ледяномъ холмѣ, гдѣ онъ такъ защемился, что не въ состояніи былъ пошевелинуться.

Фредъ и эскимось хохотали отъ души, смотря на усилія О'Рилея выпутаться изъ неудобнаго положенія.

Къ счастью большаго поврежденія не произо-

шло, и чрезъ пять минутъ они снова помчались съ прежней быстротой по замерзшему морю, по направленію къ мѣсту, гдѣ замѣтно было облако тумана, свидѣтельствовавшее о присутствіи открытой воды.

— Ну, теперь смотрите, сдѣлайте только еще разъ это, тогда ужъ не взыщите,—позвольте васъ предупредить объ этомъ, мистеръ Митекъ. Спину совсѣмъ отшибъ,—прибавилъ онъ усаживаясь съ самодовольнымъ видомъ, избличавшимъ его во лжи.—Эй да ты попрежнему зѣваешь,—закричалъ онъ, когда сани внезапно упали на шесть футовъ внизъ, отчего зубы пассажировъ щелкнули.

— Не возможно слова сказать, того и гляди откусишь себѣ кусокъ языка.

— Не бойтесь,—сказалъ Митекъ, оглядываясь чрезъ плечи и наивно усмѣхаясь.

— Я тебѣ дамъ не бойтесь, свиное ты рыло!

— Эй! посмотрите, посмотрите! кричалъ эскимось, прыгая съ саней и останавливая собакъ.

— Что? гдѣ?—спросилъ Фредъ, схватившись за ружье.

— Миѣ кажется, что я что-то вижу,—сказалъ Уэстъ, пристально всматриваясь въ ту сторону, куда указалъ Митекъ.

— И я что-то замѣчаю, ей, ей замѣчаю,—сказалъ О'Рилей хриплымъ шопотомъ. Я вижу небо и горы, ей ей вижу. такъ же хорошо вижу, какъ свой собственный носъ.

Тс... спрячь свое остроуміе,—про себя сказалъ Фредъ.—Я вижу оленя, я увѣренъ въ этомъ. Митэкъ ужасно замахалъ головой, чтобы показать, что Фредъ не ошибался.

—Ну, что же те перь намъ дѣлать? слава Богу, что мы въ подвѣтренной сторонѣ отъ него, онъ насъ не замѣтилъ и не почуялъ.

Митэкъ отвѣчалъ жестами и словами, что Уэстъ и О' Рилей должны остаться при собакахъ и держать ихъ за холмомъ, чтобы они не спугнули дичь, а онъ съ Фредомъ пойдутъ на оленя. Согласно съ этимъ, они пошли къ берегу; сдѣлавъ порядочный кругъ, они наконецъ добрались до него, потомъ пошли вдоль, прячась за сѣвшими на мель льдинами, чтобы подойти поближе, не будучи замѣченными. Идя вдоль берега, они замѣтили слѣды мускуснаго быка и множество слѣдовъ арктическихъ зайцевъ и лисицъ, что очень ихъ обрадовало, потому что до сихъ поръ они не видали ни одного изъ этихъ животныхъ и уже начинали думать, что ихъ совсѣмъ не бываетъ на этой части берега. Фредъ, конечно, не зналъ, какія животныя оставили эти слѣды, но онъ былъ большой мастеръ догадываться, и довольный взглядъ его спутника заставлялъ его думать, что онъ не ошибался въ своихъ догадкахъ.

Наконецъ они подошли къ звѣрю на разстояніе выстрѣла; Фредъ, послѣ борьбы съ собой, рѣшился предоставить честь перваго выстрѣла эскимосу и,

отступивъ шагъ назадъ, далъ послѣднему знакъ, чтобъ онъ стрѣлялъ. Но Митэкъ былъ чрезвычайно вѣжливый господинъ и скромно отказался отъ предложенной чести, тогда Фредъ выступилъ впередъ, прицѣлился хорошенько и выстрѣлилъ.

Олень побѣжалъ, спотыкаясь и тѣмъ обнаруживая, что онъ раненъ.

— Раненъ! раненъ! закричалъ Фредъ въ страшномъ волненіи, заряжая ружье и, конечно, употребляя на это вдвое больше времени противъ обыкновеннаго.—А что, я таки немного наловчился стрѣлять? Ахъ, проклятый шомполъ! тьфу, пропасть!

Въ это время ружье Митэка выстрѣлило и олень повалился на снѣгъ.

— Браво!—закричалъ Фредъ и побѣжалъ къ упавшему животному, какъ вдругъ бѣлый заяцъ перебѣгаетъ ему дорогу. Онъ выстрѣлилъ, не приложивъ даже ружья къ плечу, и къ величайшему его удивленію, заяцъ упалъ.

Три выстрѣла служили сигналомъ для оставшихся при собакахъ подъѣзжать съ санями. Они летѣли полнымъ галопомъ, и О'Рилей, въ качествѣ возницы, такъ удачно дѣйствовалъ длиннымъ бичемъ, что безнадежно запуталъ его въ постромки.

— Вотъ тебѣ и на! Стой!—закричалъ онъ на упрямыхъ собакъ,—вы разрываете на куски мое сердце. Что за проклятый бичъ; вишь какъ обвилъ

ся. Только тебѣ, Митэкъ, возить на такомъ эки-
нажѣ; я ужъ больше тебѣ не кучеръ.

Чрезъ пять минутъ олень и заяцъ были взва-
лены на сани, отчего на нихъ сдѣлалось гораздо
удобнѣе сидѣть, какъ утверждалъ ирландецъ,
помѣстившись на туловищѣ оленя. Затѣмъ они
опять помчались полнымъ галопомъ по льдинамъ
и ѣхали ни разу не останавливаясь, пока не очу-
тились неожиданно предъ трещиной около четы-
рехъ футовъ ширины, на днѣ которой была вода.
Здѣсь они принуждены были остановиться на
долго.

— Что же намъ теперь дѣлать?—спросилъ О'
Рилей.

— Я рѣшительно не знаю, что теперь дѣлать,—
отвѣтилъ Фредъ, смотря на Митэка въ ожиданіи
отъ него совѣта.

Это жирное созданіе пробормотало нѣсколько
словъ по-англійски, изъ которыхъ рѣшительно
нельзя было понять, что онъ посоветуетъ дѣлать.

Слѣдуетъ замѣтить здѣсь мимоходомъ, что во
время своего продолжительнаго пребыванія съ мо-
ряками онъ научился нѣсколько по-англійски,
такъ что могъ уже понимать многое изъ того, что
ему говорили; но словъ зналъ еще мало и произ-
носилъ ихъ чрезвычайно своеобразно, иногда даже
такъ, что невозможно было понять его.

Теперь, къ счастью, онъ на практикѣ объяснилъ
значеніе своего совѣта. Схвативъ топоръ, онъ по-

бѣжалъ къ ближайшему холму и, порубивъ его, сталъ катать самые тяжелые куски, какіе только онъ въ состояніи былъ двигать въ трещину. Другіе послѣдовали его примѣру, и, чрезъ часъ, чрезъ трещину былъ проложенъ ледяной мостъ, по которому можно было перевезти сани. Но собакъ только съ большимъ трудомъ можно было принудить перейти чрезъ этотъ опасный мостъ, которому они, по инстинкту, не довѣряли такъ, какъ произведеніямъ природы.

Чрезъ четверть часа они пріѣхали къ другой трещинѣ, имѣвшей нѣсколько меньше двухъ футовъ ширины. Митэкъ вытянулъ шею впередъ и сталъ пристально присматриваться, подѣзжая къ трещинѣ полнымъ галопомъ. Оставшись, по видимому доволенъ изслѣдованіемъ, онъ снова принялъ свойственное ему самодовольно спокойное выраженіе лица.

— Смотри, Митэкъ, осторожнѣй здѣсь!—закричалъ Фредъ, съ нѣкоторой тревогой; но эскимось не удостоилъ его вниманіемъ.

О разбойникъ! мы навсегда тутъ погибли!—вырвалось изъ груди О'Рилея, который, закрывъ глаза и сжавъ зубы, крѣпко ухватился за края саней. Бичъ пробѣжалъ по всемъ собакамъ съ трескомъ, «подобнымъ выстрѣлу изъ молодой пушки», какъ выразился О'Рилей, и въ одно мгновеніе они очутились уже на другой сторонѣ трещины и вихремъ помчались по льдинамъ.

Къ ихъ несчастію они направили свой путь чрезъ такое мѣсто, гдѣ прошедшей ночью во льду образовалась широкая трещина, и поверхность воды, между растреснувшимися льдинами, успѣла только подернуться льдомъ толщиною не болѣе какъ въ одинъ дюймъ. Разогнавъ собакъ, они наѣхали на это мѣсто и, къ величайшему смущенію даже самого безстрашнаго Митэка, прежде чѣмъ успѣли замѣтить опасность, очутились на скользкой, темной поверхности, которая, какъ волны моря, колыхалась подъ ними и страшно трещала. Ничего больше не оставалось, какъ ѣхать дальше. Еслибъ они остановились хоть на одинъ мигъ, то сани бы провалились, и они погрузились бы въ воду. Тутъ не время было разсуждать; всѣ задержали дыханіе. Митэкъ съ страшнымъ трескомъ ударилъ тяжелымъ бичемъ по спинамъ всего цуга и собаки рванулись впередъ; но только что было достигли твердой льдины, лѣвая передняя собака провалилась. Люди въ одинъ мигъ положились горизонтально на грудь, и ползя по скользкой поверхности, добрались до бѣлаго льда; между тѣмъ сани и ближайшія къ нимъ собаки постепенно погружались въ воду и еслибъ еще немного они постояли на проламывающемся льду, то пошли бы ко дну. Но люди и собаки во время рванули разомъ и вытащили ихъ на берегъ, прежде чѣмъ лежавшія на нихъ вещи успѣли замокнуть.

— Спасены!—закричалъ Фредъ, оттаскивая сани подалеже отъ опаснаго мѣста.

— Теперь и я вижу, что мы спасены,—отвѣтилъ О'Рилей—а минуту тому назадъ я думалъ, что мнѣ не выйти сухимъ. Сюда Уэстъ, помощи запрягать собакъ.

Нѣсколько минутъ достаточно было для того, чтобы привести все въ порядокъ, и охотники отправились дальше. Напуганные опаснымъ льдомъ, они подвигались впередъ съ большей осторожностью, а возможность отыскать по близости тюленей побуждала ихъ еще къ большей осмотрительности. Осмотрительность была кстати. Скоро замѣтили они не въ далекомъ разстояніи предъ собой, въ незамерзшей открытой водѣ, порядочное стадо тюленей, изъ которыхъ одинъ лежалъ на льду.

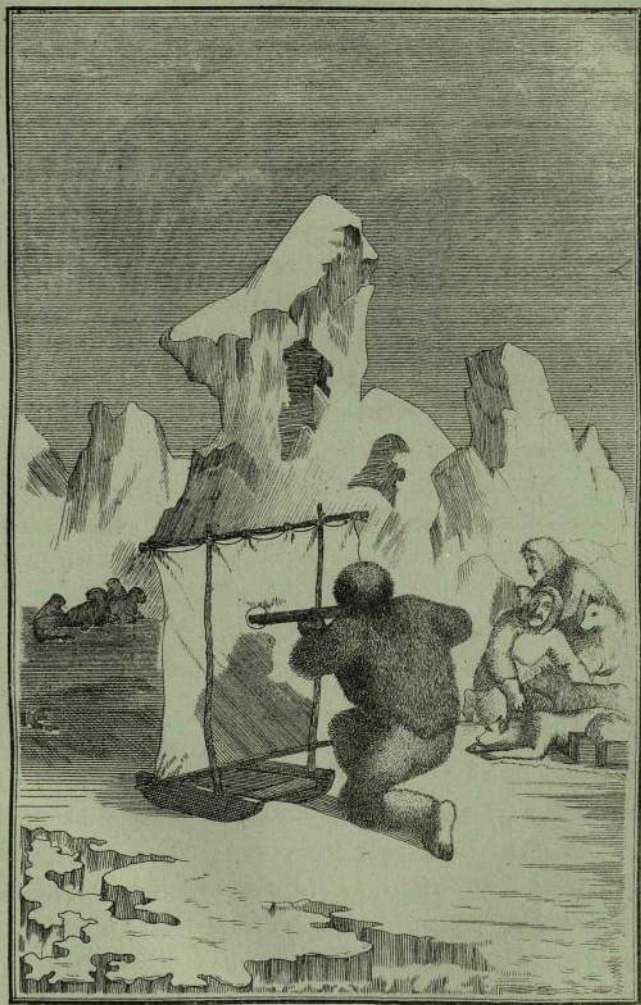
Не было по близости ни одного ледянаго холма, изъ-за котораго можно бы было подкрасться, не спугнувъ животныхъ. Но эскимось заранѣе приготовился къ такой случайности. Онъ взялъ съ собой маленькіе саночки, около двухъ футовъ длины и полтора ширины. Теперь онъ отвязалъ ихъ отъ большихъ саней, и спокойно принялся снаряжать ихъ, къ величайшему недоразумѣнію своихъ товарищей, которые не имѣли ни малѣйшаго представленія о томъ, что онъ намѣренъ дѣлать, и слѣдили за его движеніями съ большимъ любопытствомъ.

— Стоп! — закричал Фредъ, отворачиваясь, и подвигаясь отъ опаснаго мѣста.

— Теперь и я вижу, что мы спасены. — отвѣтилъ О'Рилей — а минуту тому назадъ я думалъ, что мнѣ не выйти сухимъ. Сюда Уастъ, помоги запрягать собакъ.

Нѣсколько минутъ достаточно было для того, чтобы привести все въ порядокъ, и охотники отправились дальше. Напуганные опаснымъ льдомъ, они подвигались впередъ съ большей осторожностью, а возможность отыскать по близости тюленей возбуждала ихъ еще къ большей осмотрительности. Осмотрительность была кстати. Скоро замѣтили они не въ далекомъ разстояніи предъ собой, въ незамерзшей открытой водѣ, порядочное стадо тюленей, изъ которыхъ одинъ лежалъ на льду.

На льду по близости ни одного ледянаго холма, изъ-за котораго можно бы было подкресться, не случилось замѣтить. Но охотники заранее приготовились къ такой случайности. Онъ взялъ съ собой маленькія саночки, около двухъ футовъ ширины и полтора дюймовъ. Теперь онъ отъезжалъ отъ большихъ собакъ, и тихонько приближался къ тюленямъ, къ разлѣченному подлѣзкомъ своему тюленю, который не имѣли ни малѣйшаго подозрѣнія о томъ, что онъ хотѣлъ дѣлать, и который на его хвостѣ сидѣлъ, какъ на любимомъ.

Лит. Тиблина и К^а (Н. Неклюдова)

— Не думаешь ли ты плыть на парусахъ по-
льду, пріятель?—спросилъ наконецъ О'Рилей, ког-
да увидѣлъ, что Митэкъ вставлялъ въ дыры, про-
сверленные въ саночкахъ, два шеста, наподобіе
двухъ маленькихъ мачтъ, около четырехъ футовъ
длины, и къ поперечной перекладинѣ—придѣланной
къ этимъ мачтамъ на подобіе реи, прикрѣпилъ ку-
сокъ парусины въ одинъ квадратный аршинъ, съ
небольшой дырой посрединѣ. Митэкъ не далъ ни-
какого отвѣта и продолжалъ привязывать «парусъ»
къ поперечнымъ «реямъ» вверху и внизу «мачтъ».
Потомъ, положивъ на сани гарпунъ и свитокъ тол-
стой веревки и взявъ ружье, далъ знакъ товари-
щамъ спрятаться за лежавшій въ сторонѣ ледяной
холмъ, а самъ, подпихивая предъ собой сани, сталъ
подкрадываться къ тюленямъ, согнувшись такъ,
что кусокъ парусины совсѣмъ скрывалъ его отъ
взоровъ животныхъ.

— Э, да это превосходная выдумка, — сказалъ
О'Рилей, шутливо сморщивъ лицо.

— Образцовая уловка!—сказалъ Фредъ, выгля-
дывая изъ-за ледяного холма и, съ напряженнымъ
вниманіемъ, слѣдя за движеніями эскимоса.

— Уэстъ, дай мнѣ телескопъ.

— Вотъ онъ, сэръ, — сказалъ Уэстъ, доставая
телескопъ, около шести дюймовъ длины, и пере-
давая его Фреду.

— Сколько ихъ тамъ, позвольте васъ спросить?

— Шесть, я полагаю; одинъ, два, три,—трудно

пересчитать, но я полагаю, что ихъ шесть, кромѣ одного, который лежитъ на льду. Тсс. Онъ замѣтилъ его. Тебѣ не справиться съ нимъ, Митэкъ.

Тюлень, лежавшій на льду, началъ обнаруживать признаки тревоги. Митэкъ приблизился къ нему на разстояніе выстрѣла, но не сталъ стрѣлять.

Осторожный эскимось замѣтилъ другаго звѣря, котораго до сихъ поръ скрывала отъ его глазъ глыба льда. Это было не иное что, какъ моржъ, который вышелъ подышать свѣжимъ воздухомъ и купалъ свою косматую голову на поверхности воды. прежде чѣмъ уйти къ себѣ домой, въ глубину океана. Замѣтивъ такую дичь, Митэкъ позволилъ тюленю спокойно убираться домой, и сталъ подкрадываться къ этому новому предмету своего вниманія. Вдругъ тюлени нырнули, и въ тоже самое время вода вокругъ моржа вспѣнилась и окрасилась въ красный цвѣтъ. Онъ очевидно былъ тяжело раненъ, потому что, еслибъ рана была незначительна, онъ непременно нырнулъ бы.

Митэкъ тотчасъ схватилъ гарпунъ и побѣжалъ къ барахтавшемуся чудовищу; Фредъ съ ружьемъ и О'Рилей съ гарпуномъ побѣжали ему на помощь. Уэстъ остался при собакахъ. Когда Митэкъ показался на краю льдины, моржъ нѣсколько поправился и съ дикимъ бѣшенствомъ досталъ своего убійцу. Митэкъ загналъ ему гарпунъ глубоко въ

грудь, и, когда животное нырнуло, сталъ попускать веревку.

— Куда же онъ дѣвался?—закричалъ О'Рилей, прибѣжавъ запыхавшись на мѣсто дѣйствія.

Не успѣлъ онъ сказать какъ животное снова появилось на поверхности почти надъ носомъ у него и громко заревѣло. Ирландецъ съ ужасомъ отскочилъ назадъ, когда увидѣлъ близко, въ первый разъ, громадное и страшное лицо этого слона сѣвернаго океана. О'Рилей былъ не изъ трусливыхъ; но внезапное появленіе огромнаго, страшнаго животнаго слишкомъ поразило его; поэтому ничуть не удивительно, что гарпунъ, брошенный имъ, упалъ въ море далеко за головой звѣря. Не удивительно также, что Фредъ, при видѣ его широкой морды, покрытой щетинистыми усами и защищенной огромными клыками, совсѣмъ промахнулся, выстрѣливъ изъ ружья. Но О'Рилей скоро оправился и, вытащивъ обратно свой гарпунъ, глубоко загналъ его въ спину чудовища. Затѣмъ Фредъ, снова зарядивъ ружье, послалъ ему пулю въ голову, которая доконала его.

Это была богатая добыча, потому что моржовое мясо ничуть не уступаетъ говядинѣ и могло служить хорошимъ прибавленіемъ къ свѣжей пищѣ экипажа Дельфина; испортиться онъ не могъ въ такомъ климатѣ, гдѣ холодъ былъ такъ жестокъ, что замораживалъ животное почти непосредственно послѣ того, какъ оно убито.

Тѣло этого моржа имѣло осьмнадцать футовъ длины и одиннадцать въ окружности. По своей величинѣ онъ ближе къ какому другому животнаго походилъ на слона. Формой тѣла онъ приближался къ тюленю; онъ имѣлъ двѣ большія лапо-видныя ласты, съ помощью которыхъ, во время жизни, онъ нѣсколько разъ чуть не успѣлъ вскарабкаться на ледъ. Верхняя часть его головы была четырехугольная, выпуклая; его широкая морда и щеки были покрыты густой толстой щетиной, которая придавала ему особенно свирѣпый видъ.

Мнѣніе, будто моржъ похожъ на человѣка, крайне преувеличено. Четырехугольная форма его головы уничтожаетъ всякое, даже самое отдаленное сходство съ человѣкомъ, его колоссальныя размѣры вовсе не могутъ напоминать человѣка, если на него смотрѣть близко. Къ нѣкоторымъ породамъ тюленей это почетное уподобленіе можетъ относиться больше, чѣмъ къ моржу. Ихъ широкія плечи и овальное лицо имѣютъ поразительное сходство съ человѣческими, если на нихъ смотрѣть издали. Фредъ тщательно измѣрилъ клыки убитаго животнаго и нашелъ, что они были тридцати дюймовъ длины.

По сходству моржей съ нашими домашними животными моряки называютъ ихъ морскими лошадьми, морскими коровами, и очень много рассказываютъ объ ихъ свирѣпости во время напа-

денія на нихъ. Кожа моржа толщиной почти въ дюймъ. Эскимосы, которые по преимуществу питаются его мясомъ, дѣлаютъ изъ нея многія полезныя употребленія. Они вырѣзываютъ изъ нея длинные ремни къ гарнунамъ, которыми убиваютъ самихъ же собратьевъ этихъ животныхъ, самые гарпуны они завастриваютъ ихъ клыками. Эта толстая кожа не единственная одежда, защищающая моржей отъ холода. Подъ этой одеждой онъ носитъ еще теплую фуфайку изъ толстаго слоя жира, а сверху шубу изъ густой шерсти. Такой теплый костюмъ даетъ ему возможность лежать на ледяной горѣ сколько угодно времени безъ малѣйшаго неудобства. Но за такое удовольствіе ему иногда дорого приходится платиться. Во время сильнаго холода случается, что отверстіе, чрезъ которое онъ выползъ на ледъ, замерзаетъ такъ крѣпко, что моржъ, проснувшись, находитъ невозможнымъ пробить его снова, несмотря на свою богатырскую силу. При такихъ обстоятельствахъ ему ничего больше не остается какъ отправиться на прежнее мѣсто и снова лечь спать; тутъ онъ и умираетъ съ большимъ комфортомъ. Полярные медвѣди, однако, не заставляютъ долго ожидать себя; они тотчасъ же собираются вокругъ его трупа на похоронный пиръ и распоряжаются безъ церемоніи его мясомъ и костями.

Такъ какъ оттащить на корабль это огромное животное въ этотъ день не было возможности,

потому что дни въ это время были очень короткіе, то охотники отвезли его на берегъ и стали приготавливать себѣ нчлегъ у ледяной горы, защищавшей ихъ отъ вѣтра.

ГЛАВА XII.

Прерванный опасный сонъ.—Ночлеги въ снѣжной хижинѣ и незванный гость.—Хижину заносить снѣгомъ.

— Ну, ребята, теперь принимайтесь за дѣло,—сказалъ Фредъ, когда они взѣхали на гладкую поверхность ледянаго поля, на которой снѣгъ былъ такъ твердъ, что полозья не оставляли на немъ почти никакихъ слѣдовъ,—разстилайте ковры, мы сегодня будемъ ночевать подъ занавѣсью, усеянною звѣздами.

— Признаюсь, прохладная постель предстоитъ намъ,—сказалъ О'Рилей, озираясь вокругъ;—удивительно, какъ этотъ толстошочкій эскимось хладнокровно готовится къ ночлегу.

— Я думаю, что и невозможно готовить-ся къ нему иначе какъ съ холодной кровью,—

когда термометръ показываетъ сорокъ пять градусовъ ниже нуля,—замѣтилъ Фредъ, ударяя руку объ руку и перескакивая съ ноги на ногу и выпуская изъ рта густое облако тумана, который осѣдалъ на его капюшонѣ и курткѣ, и покрывалъ ихъ инеемъ.

— Это однако, очень красиво,—замѣтилъ О'Рилей относительно инея, который покрывалъ верхнія части костюма каждого изъ нихъ.—Это очень напоминаетъ горностаи, какіе носятъ короли и королевъ, какъ мнѣ рассказывали, только эти гораздо дешевле.

— Не знаю, дешевле ли намъ обошлись эти горностаи, чѣмъ стоили бы тѣ, которые носятъ короли съ королевами,—сказалъ Уэть.—Удовольствіе нажить опущенные горностаями куртки стоило уже намъ труднаго путешествія и зимовки въ арктическомъ поясѣ; дай Богъ, чтобы еще не пришлось доплатить что-нибудь. Ничего не подѣлаешь съ этимъ узломъ! Не можешь ли ты развязать его О'Рилей, попробуй-ка.

— Къ несчастію не могу,—вскрикнулъ О'Рилей, внезапно подпрыгнувъ, и сталъ бить объ руки о плечи.—У меня двѣ руки, вотъ они; но на нихъ не оказывается пальцевъ, по крайней мѣрѣ я не чувствую ни одного, хотя кажется и вижу ихъ всѣ.

— Мои пятки въ такомъ же видѣ,—сказалъ Уэсть, и сильно началъ прыгать. Этимъ движеніемъ

ему наконецъ удалось возстановить кровообращеніе въ пяткахъ,

— Давай плясать вмѣстѣ,—сказалъ О'Рилей, тотчасъ приводя въ исполненіе свой проектъ.—Я смерть боюсь отморозить себѣ что-нибудь, потому что это не шутка, могу васъ увѣрить. Мнѣ самому однажды пришлось видѣть, чѣмъ это пахнетъ;—одинъ корабль потерпѣлъ крушеніе въ заливѣ Св. Лаврентія въ началѣ зимы, и пока экипажъ его достигнулъ той части берега, гдѣ находится домъ, принадлежащій мѣхопромышленникамъ, всѣ до одного матросы поотморозили себѣ что-нибудь. Одинъ потерялъ большой палецъ, другой два пальца, большая часть лишилась пятокъ, одинъ несчастный совсѣмъ отморозилъ всю переднюю часть одной ноги и голень другой, такъ что кость торчала наружу на два дюйма. Увѣряю васъ, что это такъ было, я видѣлъ это собственными двумя глазами.

Серьезный тонъ, съ какимъ онъ сказалъ послѣднія слова, заставлялъ товарищей вѣрить ему; не желая поставить себя въ подобное положеніе, они принялись плясать и бороться пока совсѣмъ не согрѣлись.

— Что ты тамъ дѣлаешь, Митэкъ?—спросилъ Фредъ.

— Игло,—отвѣчалъ эскимось.

— Иг—что?—спросилъ О'Рилей.

— А, понимаю!—сказалъ Фредъ,—онъ собирается

дѣлать снѣжную хижину—игло, какъ называютъ ихъ эскимосы. Превосходная мысль! мнѣ не пришло это въ голову! Давайте помогать ему.

Митэкъ, въ самомъ дѣлѣ, собирався воздвигнуть одно изъ тѣхъ снѣжныхъ жилищъ, въ которыхъ его соотечественники живутъ большую часть года. Онъ, повидимому, не можетъ спать подъ занавѣсью, усѣянной звѣздами. Первымъ дѣломъ его было обозначить кругъ около семи футовъ въ діаметрѣ. Потомъ внутри этого круга, по указанію Митэка всѣ принялись вырубивать снѣгъ, и дѣлать изъ него плиты почти въ футъ толщины, и отъ двухъ до трехъ футовъ длины, и съ нѣкоторой выпуклостью. Эти плиты такъ были сложены по краямъ круга, что изъ нихъ вышла постройка со сводомъ, похожая на улей, которая внутри была шести футовъ въ вышину, и замѣчательно прочная. Цементомъ служилъ мелкій ледъ; всѣ щели были забиты тѣмъ же матеріаломъ. Туземцы иногда вставляютъ въ крышѣ кусокъ чистаго льда, который служить вмѣсто окна; но наши охотники обошлись безъ этого, во первыхъ потому, что свѣта и снаружи не было, а во вторыхъ потому, что они не имѣли въ немъ надобности, хотя бы онъ и былъ.

Постройка хижины заняла всего одинъ часъ, потому что они озябли и проголодались, а теплоту и ужинъ можно было получить не иначе какъ трудомъ — такъ хорошо шла къ ихъ положенію

пословица, что «безъ труда нѣтъ плода». Отверстіе, чрезъ которое только что можно было проползти человѣку на четверенькахъ, служило входомъ въ этотъ улей. Къ этому отверстію снаружи былъ придѣланъ ходъ ввидѣ трубы около четырехъ футовъ длины. Когда все было кончено, ходъ съ обѣихъ сторонъ былъ закрытъ плитами твердаго снѣга; такимъ образомъ хижина эта запиралась двойными дверями, которыя не позволяли наружному холоду проникать въ нее.

Когда эта работа приближалась къ концу, Фредъ отошелъ нѣсколько въ сторону и сѣлъ на кусокъ льда, чтобы отдохнуть нѣсколько минутъ.

За короткое время, въ которое они были заняты постройкой снѣжной хижины, въ окружающей природѣ произошла большая переменѣна. Наступила ночь и сѣверное сіяніе, этотъ метеоръ, замѣняющій въ нѣкоторой степени для жителей сѣвера солнце, покрыло небо яркимъ и прекраснымъ блескомъ. Этотъ блескъ былъ разлитъ по всему небу ввидѣ неправильной дуги и былъ необыкновенно ярокъ. Блескъ этотъ разнообразился зеленымъ эфирнымъ огнемъ, который то переливался въ различныхъ направленіяхъ, то длинными струями восходилъ къ зениту. Эти струи были по временамъ особенно ярки. Цвѣтъ ихъ былъ преимущественно желтовато бѣлый, но иногда зеленоватый, а разъ или два принялъ лиловый оттѣнокъ. Свѣтъ, происходящій отъ этого явленія, былъ по време-

намъ сильнѣе свѣта полной луны, и когда сіяніе проходило чрезъ звѣзды, то свѣтъ ихъ меркнулъ, какъ будто онѣ занавѣшивались нѣжнымъ газовымъ покрываломъ.

Но больше всего нашъ герой пораженъ былъ величиной и ослѣпительнымъ блескомъ звѣздъ, которыми былъ усыпанъ темный небосклонъ; онѣ такъ сверкали, что казалось, будто небо дрожить. Фредъ до глубины души былъ проникнутъ торжественностью этой картины. Когда при этомъ онъ подумалъ о Творцѣ этихъ таинственныхъ міровъ и вспомнилъ что, онъ сошелъ на ничтожную планету, чтобы совершить чудо искупленія, то ему невольно пришли на мысль слова, которыя онъ часто читалъ въ Библии:—«Господи, что же такое человѣкъ, если ты помнишь о немъ?» Онъ прочувствовалъ также смыслъ словъ сладкаго пѣвца Израиля:—прославляйте Его, солнце и мѣсяцъ; вы, всѣ свѣтлыя звѣзды, прославляйте Его.

Вокругъ царствовала глубокая, торжественная тишина, какой никогда не приходится чувствовать жителямъ населенныхъ странъ. Это была тишина печальной пустыни, не нарушаемая присутствіемъ животной жизни. Эта тишина была та-того гнетущаго свойства, что Фредъ для облегченія себя сталъ прислушиваться къ отдаленнымъ голосамъ товарищей, которые отъ времени до времени дѣлали разныя замѣчанія относительно хода своей работы. При сильномъ холодѣ арк-

тической ночи звукъ голоса слышенъ на гораздо большемъ разстояніи, чѣмъ обыкновенно. Поэтому хотя Фредъ былъ довольно далеко отъ товарищей и его отдѣляли отъ нихъ ледяные холмы, ихъ отдаленные голоса, хотя тихіе, отчетливо доносились до его уха. Эти звуки, однако, не нарушали необыкновенной тишины. Они только еще сильнѣе заставляли его чувствовать безграничность этой ужасной пустыни, среди которой онъ находился.

Постепенно его мысли обратились къ родной сторонѣ и онъ вспомнилъ о близкихъ сердцу, которыя въ это время можетъ быть говорили о немъ; вспомнились ему также и покинутые товарищи, и оживленные и красивыя окрестности, по которымъ онъ когда-то блуждалъ вмѣстѣ съ ними. Но отъ этихъ воспоминаній мысль его невольно возвращалась опять къ далекому сѣверу, потому что во всѣхъ домашнихъ сценахъ личность отца выдвигалась впередъ въ его воображеніи и онъ тотчасъ возвращался мыслю назадъ, мучительно представляя его себѣ среди ледяныхъ горъ и полей Полярнаго моря. Таково было неизбежное заключеніе всѣхъ размышленій несчастнаго Фреда. Хотя онъ повременамъ принималъ участіе въ веселости и шуткахъ, которыя составляютъ характеристическую черту моряковъ и къ которымъ онъ былъ кромѣ того склоненъ по своему, отъ природы веселому, нраву, но въ часы уединенія

*

и въ темнотѣ ночи, когда никто его не видѣлъ, его мысли какъ магнитная стрѣлка всегда обращены были къ одному пункту—полюсу.

Между тѣмъ какъ онъ, такимъ образомъ, задумчиво смотрѣлъ на звѣздное небо и блуждалъ мыслями то въ прошедшемъ, то въ настоящемъ, холодная дрожь, пробѣжавшая по его членамъ, напомнила ему, что пора возвратиться къ хижинѣ. Но блуждающія мысли и мечты казалось приковали его къ мѣсту, на которомъ онъ сидѣлъ, такъ что онъ не могъ двинуться съ него. Мало-по-малу имъ стали овладѣвать сонныя грезы и онъ подумалъ, какъ было бы пріятно прилечь, да задремать; но онъ зналъ, что это было бы опасно, и потому рѣшился не дѣлать этого.

Вдругъ почувствовалъ онъ, что кто-то дотронулся до него, и услышалъ голосъ, который шепталъ ему на ухо. Потомъ услышалъ громкій голосъ:—Эй, сэръ, мистеръ Эллисъ! Проснитесь, сэръ, слышите ли меня?—и почувствовалъ, что кто-то потрянулъ его такъ сильно, что зубы защелкали. Съ неохотой открывъ глаза, онъ увидѣлъ, что онъ лежитъ на снѣгу вытянувшись во всю длину, и Джозефъ Уэстъ отчаянно трясетъ его за плечи, какъ будто хочетъ вывихнуть ему руки.

— Эй, Уэстъ! это ты? Оставь меня въ покоѣ, ради Бога, я хочу спать,—и тотчасъ опустился опять: имъ овладѣлъ тотъ смертельный сонъ, произво-

димый холодомъ, отъ котораго никогда не просыпается тотъ, кто поддается ему.

— Спать!—неистово крикнулъ Уэстъ,—вы умрете, сэръ, если не встанете сейчасъ же. Гей! Митэкъ! О'Рилей! Сюда! помогите!

— Говорю тебѣ, что я хочу спать,—пробормоталъ Фредъ слабымъ голосомъ,—одну минуточку, или двѣ, ради Бога! Хижина готова? Ладно, ладно, иди, оставь меня. Я приду од.. инь...

Его голосъ снова замеръ. Между тѣмъ прибѣжали Митэкъ и О'Рилей. Какъ только первый изъ нихъ увидѣлъ, въ чемъ дѣло, тотчасъ поднялъ Фреда своими могучими руками, поставилъ его на ноги и началъ трясти его такъ сильно, что, казалось, всѣ его косточки должны были выскочить изъ суставовъ.

— Что ты это дѣлаешь, мѣшокъ ты набитый ворванью?—закричалъ О'Рилей съ гнѣвомъ, стиснувъ кулакъ и подступая къ эскимосу; но, увидѣвъ, что дикарь не обращаетъ на него никакого вниманія и съ самодовольной улыбкой продолжаетъ трясти Фреда, отказался отъ своего намѣренія мѣшать ему въ этомъ.

Чрезъ нѣсколько минутъ Фредъ могъ уже стоять на ногахъ и осматривался безумными глазами. Замѣтивъ это, эскимось тотчасъ потащилъ его къ снѣжной хижинѣ, не переставая толкать и потряхивать въ продолженіе всего пути. Притащивъ къ хижинѣ, онъ, не безъ труда, втол-

кнулъ его туда, такъ какъ входъ былъ очень низокъ. Здѣсь, при помощи натиранія, согрѣванія и нѣсколькихъ толчковъ, теплота его тѣла была въ нѣкоторой степени восстановлена. Замѣтивъ это, Митэкъ что-то буркнулъ и тотчасъ принялся готовить ужинъ.

— Я кажется немножко заснулъ, — сказалъ Фредъ, поднимаясь и сильно потягиваясь, когда пламя лампы освѣтило желтоватымъ свѣтомъ бѣлыя стѣны хижины.

— Отлично соснули! Не дай Богъ, чтобы мнѣ когда-нибудь такъ задремать.

— Почему же? — спросилъ Фредъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ.

— Вы заснули на снѣгу, сэръ, и чуть-было не замерзли, — отвѣтилъ Уэстъ, разстилавшій войлоки и спальные мѣшки на полу хижины.

— Чуть было не замерзли, да! Я даже и теперь еще не увѣренъ, оттаяли ли вы! — сказалъ О'Рилей и, взявъ его за руку, посмотрѣлъ на него съ сомнѣніемъ.

Фредъ засмѣялся. — О, да, я уже оттаялъ! Дайте мнѣ поужинать, иначе я изнемогу отъ голода. Много часовъ я спалъ?

— Вы спали всего пять минутъ, — отвѣтилъ Уэстъ, нѣсколько озадаченный вопросомъ. Но вамъ оставалось проспать еще пять минутъ, чтобы никогда уже не проснуться.

Такъ и въ самомъ дѣлѣ случилось бы. Въ арктиче-

скихъ странахъ отъ дѣйствія жестокаго холода является сильное влеченіе къ дремотѣ; если податься этому влеченію, то оно скоро парализируетъ всѣ способности и силы. Пока Фредъ ходилъ и работалъ, онъ ощущалъ теплоту въ своемъ тѣлѣ; но какъ скоро онъ присѣлъ на кусокъ льда, чтобы отдохнуть, морозъ не замедлилъ произвести свое дѣйствіе. Къ тому же, такъ какъ онъ былъ сильно истощенъ трудомъ и продолжительнымъ голоданіемъ, то холодъ подѣйствовалъ на него скорѣе, чѣмъ это случилось бы при другихъ условіяхъ. Онъ сразу заохолодилъ его и погрузилъ въ тотъ смертельный летаргическій сонъ, отъ котораго онъ никогда не пробудился бы еслибы товарищи не подали ему своевременной помощи.

Приготовленія къ ужину и къ ночлегу шли быстро. Въ хижинѣ, подѣ влияніемъ огня и животной теплоты — такъ какъ и собаки помѣщались тутъ же — сдѣлалось довольно тепло. Снѣжныя стѣны ея, однако, не таяли, и даже не покрывались сыростью, потому что наружный холодъ имѣлъ достаточно силы, чтобы противодѣйствовать влиянію на нихъ внутренней теплоты; но красивый ея потолокъ покрылся копотью. Воздухъ внутри хижины скоро наполнился сильнымъ запахомъ расплавленнаго жира; но арктическіе путешественники не обращаютъ вниманія на такіе пустяки.

На полу были разостланы войлоки, а латунная

лампа, въ которую было положено нѣсколько кусковъ моржеваго жира, привѣшена къ палкѣ, воткнутой въ стѣну хижины. Охотники сидѣли вокругъ лампы на своихъ спальныхъ мѣшкахъ, занимаясь каждый взятымъ на себя дѣломъ. Митѣкъ держалъ надъ пламенемъ лампы латунный котелъ до тѣхъ поръ, пока снѣгъ, которымъ онъ былъ наполненъ, растаялъ и превратился сначала въ холодную воду, а потомъ, постепенно нагрѣваясь, въ кипяткъ. А чтобы не скучать за этимъ однообразнымъ дѣломъ, онъ кромѣ того занимался пережевываніемъ сыраго моржеваго мяса,—занятіе, которое очень забавляло Фреда и на которое О'Рилей не могъ смотрѣть безъ отвращенія, настоящаго или воображаемаго. Но и Фредъ, и ирландецъ, и вообще весь экипажъ «Дельфина» дошли наконецъ дотого, что стали находить въ сыромъ мясѣ и не отказывались ѣсть его. Въ этихъ странахъ эскимосы предпочитаютъ сырое мясо вареному, а въ болѣе южныхъ широтахъ они преимущественно употребляютъ вареную пищу, какъ утверждаютъ нѣкоторые путешественники. Это они дѣлаютъ не безъ основанія; потому что сырое мясо гораздо питательнѣе варенаго. Ученые путешественники, проводившіе зиму въ арктическомъ поясѣ, нашли, что сырое мясо въ этихъ холодныхъ странахъ было для нихъ полезнѣе варенаго, и дошли наконецъ дотого, что стали предпочитать первое послѣднему. Мы гово-

римъ это не для того, чтобы убѣдить нашихъ читателей впредь обходиться безъ поварскаго искусства, но мы желаемъ, чтобы они отказались отъ общепринятаго мнѣнія, будто эскимосы употребляютъ сырое мясо потому, что они — дикари: они употребляютъ его потому, что природа учить ихъ употреблять его при тѣхъ условіяхъ жизни, въ которыя они поставлены.

На О'Рилея была возложена обязанность жарить небольшіе куски моржеваго мяса, и въ этомъ дѣлѣ помощникомъ его былъ Уэстъ, а Фредъ взялся достать мѣшки съ сухарями и жестяныя чашки, и разливать кофе, когда закинуть вода. Это былъ странный пиръ при странной обстановкѣ, но тѣмъ неменѣе пиръ веселый.

— Э, да это очень вкусно, не правда ли? — замѣтилъ О'Рилей, облизываясь послѣ вкуснаго куска моржеваго мяса и бросая кусокъ сухожилья Домпсу, который угрюмо смотрѣлъ на пламя лампы, насытившись гораздо раньше, чѣмъ его двуногіе товарищи приступили къ ужину,

— Вишь его, да онъ не беретъ! — Покеръ! — Покеръ подбѣжалъ, виляя своимъ отрубкомъ хвоста и повернулъ голову нѣсколько въ сторону, какъ будто желая спросить: въ чемъ тутъ дѣло? шутку какую-нибудь затѣваете, что ли?

— На, тебѣ, старина; Домпсъ дуется, Покеръ схватилъ кусокъ и тотчасъ проглотилъ его. Покеръ также кончилъ свой ужинъ и, очевидно, прогло-

тилъ предложенный кусокъ только въ угожденіе ирландцу.

— Подай мнѣ кофе, Митэкъ,—сказалъ Фредъ. Сухари предъ тобой, Уэстъ.

— Благодарю васъ, сэръ, я уже сытъ.

— Митэкъ, мѣшокъ ты этакой, попробуй хоть кусочекъ жаренаго; сдѣлай хоть для меня это одолженіе.

Митекъ спокойно покачалъ головой и, отрѣзавъ пятнадцатый кусокъ отъ моржа, который лежалъ возлѣ него, продолжалъ свой ужинъ.

— Собаки ничто въ сравненіи съ нимъ,—сказалъ О'Рилей.—Не странно ли, что мы на морѣ ѣдимъ, пьемъ, ложимся, спать точно такъ же, какъ еслибъ мы были на землѣ? Вѣдь подъ нами море съ его китами, моржами, тюленями и морскими дѣвами, которыя можетъ быть теперь плаваютъ подъ нами и смотрять на насъ сквозь ледъ. Не правда ли, что это странно?

— Это странно, и не очень пріятно,—сказалъ Фредъ, смѣясь.—Впрочемъ, такъ какъ между нами и дѣвами, о которыхъ ты говоришь по, крайней мѣрѣ двѣнадцать футовъ плотнаго льда, то намъ незачѣмъ стѣсняться.

— Стало быть незачѣмъ,—отвѣтилъ О'Рилей, кивнувъ головой въ знакъ согласія. Я—думаю такъ: если есть какая-нибудь опасность, а тебѣ нѣтъ причины бояться ея, то незачѣмъ и обращать на нее вниманіе.

— Это самая вѣрная карта: если плыть по ея указанію, то не собьешься съ пути.

Это послѣднее замѣчаніе должно-быть дало компаніи много пищи для размышленія, потому что никто не продолжалъ разговоръ, пока Фредъ не предложилъ ложиться спать. Уэстъ уже влѣзъ въ свой спальный мѣшокъ и растянулся на полу; въ хижинѣ все стихло, только слышно было мѣрное чваканье полу-дремлющаго надъ кускомъ моржеваго мяса Митэка, — какъ вдругъ послышалось царапанье за хужиной.

— Это вѣрно лисицы; я выйду посмотрѣть, — прошепталъ О'Рилей и, положивъ трубку, поползъ въ отверстіе.

Онъ, однако, тотчасъ появился назадъ съ испуганнымъ видомъ, потому что первымъ попавшимся ему на глаза предметомъ, когда онъ выглянулъ наружу, была огромная голова полярнаго медвѣдя. Всѣ тотчасъ хватились огнестрѣльнаго оружія, но, къ несчастью, оно было оставлено за хужиной. Что же имъ оставалось дѣлать? Въ хижинѣ, кромѣ складныхъ ножей, никакого оружія не было. Въ этой крайности Митэкъ прорубилъ широкое отверстіе въ задней части хужины, чтобы выползть и взять одно ружье; но только-что сдѣлано было отверстіе, какъ голова медвѣдя закрыла его снаружи. Съ дикимъ крикомъ О'Рилей схватилъ лампу и плеснулъ растопленнымъ масломъ въ глаза звѣрю. Это былъ необдуманый поступокъ, потому что чрезъ это всѣ очутились въ темнотѣ;

но медвѣдь казался оскорбился такимъ пріемомъ, потому что тотчасъ удалился, и когда Митякъ вынырнулъ изъ хижины и овладѣлъ ружьемъ, то онъ уже исчезъ.

Когда послѣ этого всѣ вышли изъ хижины, то замѣтили, что дулъ довольно сильный вѣтеръ, и по грознымъ примѣтамъ на небѣ надо было предполагать, что онъ перейдетъ въ бурю; но такъ какъ не было основанія думать, что льдина можетъ подняться, то они возвратились въ хижину, позаботившись захватить съ собой оружіе. Войдя въ хижину, они задѣлали отверстіе, затворили двери, зажгли снова лампу, повлѣзали въ мѣшки и легли спать, потому что, хотя можно было ожидать возвращенія медвѣдя, но сонъ составляетъ такую потребность природы, которой нельзя оставить безъ удовлетворенія.

Между тѣмъ вѣтеръ перешелъ въ ураганъ, который сопровождался густымъ снѣгомъ; и когда они на слѣдующее утро попытались-было двинуться далѣе, то нашли это совершенно невозможнымъ. Ничего больше не оставалось, какъ ожидать въ хижинѣ, пока стихнетъ вѣтеръ. Буря продолжалась цѣлыхъ два дня, и все это время они сидѣли взаперти. Это, безъ сомнѣнія, было невыносимо, но они покорились необходимости и проводили это время по возможности пріятно, развлекаясь въ свободное отъ сна время, ѣдой и питьемъ кофе.

ГЛАВА XIII.

Охотники продолжают путь. — Встрѣча съ медвѣдемъ и большая битва съ нимъ, въ которой собаки претерпѣваютъ сильное пораженіе. — Обѣдъ медвѣдя. — О томъ, какъ передвигаются скалы въ арктическихъ странахъ. — Ледяной поясъ.

Когда буря, о которой мы говорили въ предыдущей главѣ, стихла, охотники начали подумывать о томъ, какъ бы выйти изъ своей снѣжной тюрьмы. Ихъ игло было совсѣмъ засыпано снѣжнымъ сугробомъ, который, вслѣдствіе сильнаго вѣтра, обратился въ чрезвычайно плотную массу, такъ что имъ стоило много тяжелаго труда, чтобы прокопать себѣ выходъ.

О'Рилей первый вынырнулъ на открытый воздухъ, и, отряхнувшись какъ ньюфаундлендская собака, сталъ кривляться и осматриваться вокругъ

себя съ видомъ чловѣка, который не знаетъ, что дѣлать съ собой.

— Ужасная страна,—замѣтилъ О'Рилей съ качаньемъ головы, свидѣтельствовавшимъ о сильномъ напряженіи его мыслей; онъ сидѣлъ въ это время на кучѣ снѣга и наблюдалъ за своими товарищами, которые вытаскивали спальные мѣшки и кухонную посуду изъ только-что покинутой пещеры. Онъ, казалось, погрузился въ глубокое міросозерцаніе, потому что не сдѣлалъ больше ни одного замѣчанія, хотя, когда онъ набивалъ свою маленькую черную трубочку, глаза его говорили, что у него было на умѣ нѣчто такое, чего нельзя выразить словами.

— Эй, О'Рилей! давай руку, лентяй ты этакій, —закричалъ Фредъ, —сначала дѣло сдѣлай, а потомъ играй, а то вишь его усѣлся.

— Именно такъ я и поступаю, какъ вы говорите, —отвѣтилъ О'Рилей съ ласковой улыбкой, пуская клубъ дыма.—Не я ли работалъ, какъ негръ, цѣлыхъ два часа, чтобы выкопаться изъ этой пещеры? Ну, а теперь я наигрываю пѣсенку на своей трубочкѣ. Но я не хочу, чтобъ меня гладили противъ шерсти. Я подамъ вамъ руку. Непріятная вещь, если тебя гладятъ противъ шерсти,—продолжалъ онъ, пряча въ карманъ свою трубочку и принимаясь готовить къ отѣзду сани; —это мнѣ говорила моя старая бабушка, а она была

очень умна, необыкновенно умная была женщина, умнее Соломона или кого бы там ни было.

— Это ея замѣчаніе относилось къ тебѣ именно, надо полагать, — сказалъ Фредъ. — Уэстъ, пускай Домпса впередъ, онъ сильнѣе другихъ. — Не правда ли, О'Рилей, что это къ тебѣ относилось?

— Нисколько. Это относилось къ свиньѣ. Она большей частью говорила съ своей свиньей (а она имѣла даръ разговаривать) и давала ей много прекрасныхъ совѣтовъ, когда она лежала предъ ней у огня; но все это пропадало даромъ, потому что во всей Ирландіи не было другой такой же умной свиньи, которой она могла бы передать уроки моей старой бабушки. А пицала какъ она, когда ей что-нибудь было не по праву; ни одна паровая машина не пицить такъ. Я очень часто размышлялъ объ этомъ и нашелъ, что все, что относится къ свиньѣ, относится также къ мужчинѣ и женщинѣ — по крайней мѣрѣ къ нѣкоторымъ изъ нихъ: чѣмъ больше даешь имъ совѣтовъ, тѣмъ меньше они слѣдуютъ имъ.

— Лежать, Покеръ, спокойно! ты у меня хорошая собака, — сказалъ Уэстъ, желая умѣрить прыть собакъ, которыя, будучи накормлены досыта и хорошо отдохнувъ, не хотѣли стоять на мѣстѣ, не смотря ни на какія усилія его и Митэка удержать ихъ, пока остальные члены компаніи взваливали на сани провизію и пр.

— Скорѣй, ребята! — крикнулъ Фредъ, взвали-

вая послѣднюю кладѣ. Чрезъ одну секунду мы должны быть готовы. Ну, теперь двое прыгайте на сани! Митѣкъ, на свое мѣсто! Все готово.

— Все готово! — залищаль эскимось, пустивъ собакъ и вспрыгнувъ на сани.

Нѣсколько минутъ собаки рвались изо всѣхъ силъ, чтобы сдвинуть съ мѣста сани: казалось, что постромки должны были лопнуть, но онѣ сдѣланы были изъ крѣпкой моржовой кожи и не поддались, несмотря на очень сильное напряженіе. Наконецъ, тяжелый возъ тронулся и поплылъ по льдинамъ со скоростью семи или осьми миль въ часъ.

Бзда, однако, теперь не была такъ пріятна, какъ въ то время, когда они отправлялись съ корабля. Въ иныхъ мѣстахъ льдины были обнажены вѣтромъ, между тѣмъ какъ въ другихъ занесены высокими сугробами, такъ что сани то закатывались съ одной стороны въ другую на скользкомъ льду, чуть не сбивая съ ногъ собакъ, то крѣпко зарѣзались въ глубокій сыпкій снѣгъ.

Такъ какъ вѣтеръ все—еще былъ силенъ и было бы опасно возвращаться къ кораблю прямымъ путемъ, то они держались берега, опоясаннаго цѣпью ледяныхъ горъ, которыя защищали ихъ отъ вѣтра. Часть моржа, которую невозможно было взвалить на сани, они закопали въ игло и для примѣты воткнули надъ ней копье.

— Ну, да и холодно, — сказалъ О'Рилей, заку-

Н бау

тываясь плотнѣе въ свою мѣховую куртку.—Я бы желалъ укрыться отъ вѣтра.

— Твое желаніе скоро исполнится, — отвѣчалъ Уастъ;—цѣпь ледяныхъ горъ, къ которой мы приближаемся, будетъ защищать насъ отъ вѣтра до самаго корабля.

— Ты поворотилъ слишкомъ круто направо, Митэкъ, мы удаляемся отъ корабля.

— Не бойтесь. Мы повернемъ скоро влѣво и поѣдемъ вдоль берега.

При каждомъ словѣ Митэкъ ужасно махалъ головой, то разѣвалъ, то закрывалъ ротъ, и въ тоже время моргалъ обоими глазами, желая такимъ кривляньемъ лица пояснить смыслъ своихъ словъ.

— Посмотрите, посмотрите!

— Наннокъ, наннокъ! (Медвѣдь, медвѣдь!)—прошепталъ эскимось, внезапно воодушевившись, когда они заѣхали за первую ледяную гору.

Слова Митэка были излишни, потому что вся компанія увидала предъ собой медвѣдя, который лежалъ въ трещинѣ ледяной горы, и теперь поднялся при появленіи непрошенныхъ гостей. Это была медвѣдица съ малымъ медвѣженкомъ, который, стоя возлѣ матери, смотрѣлъ на пришельцевъ съ ребяческимъ удивленіемъ. Пока остальные доставали ружья, Митэкъ выпрягъ всѣхъ собакъ, и чрезъ нѣсколько секундъ завязался бой.

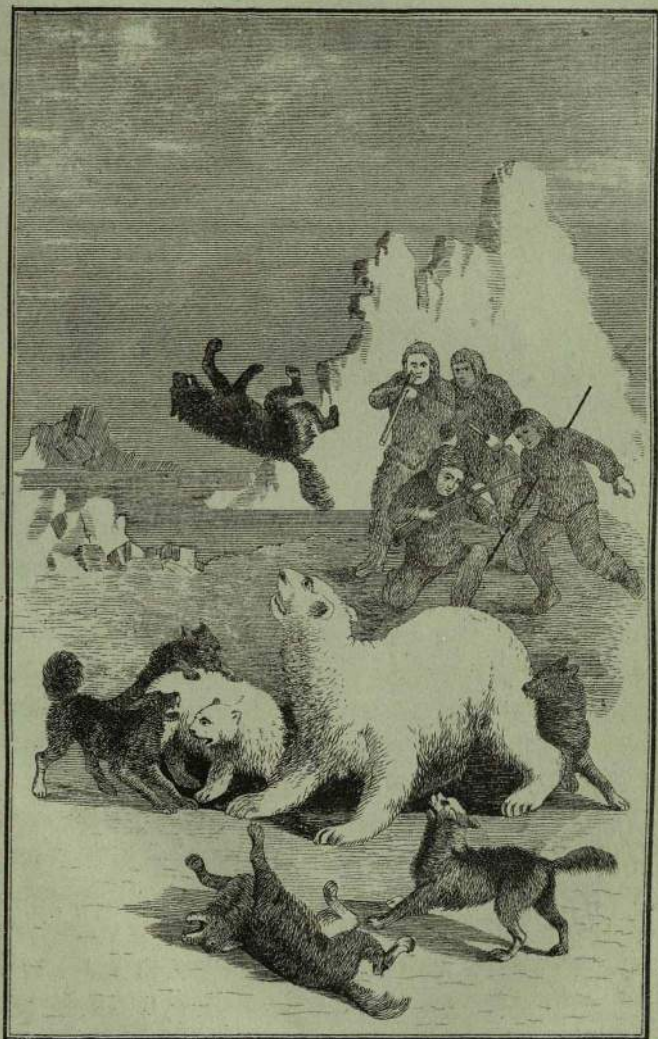
Конецъ Домпсу! Это четвероногое было подброшено на высоту около тридцати футовъ и безъ

чувствъ упало на ледъ. Медвѣдица схватила его зубами, и почти безъ малѣйшаго усилія подбросила вверхъ. Другія собаки, нимало неустрашенные участію своего собрата, атаковали непріятелей сзади, кусая ихъ за ноги, и такимъ образомъ постоянно отвлекая ихъ вниманіе къ защитѣ своихъ заднихъ конечностей, такъ что они не могли сдѣлать энергическаго нападенія. Но одна собака, молодая и по неопытности безпечная, отважилась подойти слишкомъ близко къ старой медвѣдицѣ; медвѣдица схватила ее за спину и высоко швырнула въ воздухъ. Перевернувшись нѣсколько разъ, несчастное животное грохнулось на ледъ. Въ то же время охотники послали нѣсколько пуль въ медвѣдицу и медвѣженка. Хотя оба были тяжело ранены, но ни тотъ, ни другая не обнаружили ни малѣйшаго признака страданія, или истощенія, и продолжали битву съ остальными собаками.

Выбывшія изъ строя двѣ собаки, никогда еще не употреблялись на медвѣжью охоту, — и этимъ объясняется ихъ славное пораженіе. Но остальные не были такъ неопытны; всѣ онѣ были старые воины. Покеръ въ особенности, несмотря на свои юные годы, былъ опытенъ въ этомъ дѣлѣ, и никогда не нападалъ на непріятеля, а только тревожилъ его. Интересно было видѣть, какъ они систематически и неотступно подвигались вслѣдъ за отступающимъ непріателемъ, убѣгая то вправую, то влѣвую сторону, чтобы вовлечь его въ безно-

чувствъ на ледъ. Медвѣдица схватала его зубами и почти безъ малѣйшаго усилія подбросила въ воздухъ. Другія собаки, мало неустрашенные своимъ собратомъ, считали непріятелей своимъ деломъ ихъ за ноги и лапы образомъ постоянно отвлекая ихъ отъ своихъ дѣлъ. Собаки своихъ хозяевъ, видя, что медвѣдица не могла слѣзть съ ледяной глыбы, подошли къ ней и начали бить ее. Собаки, принадлежащія Беничанинъ, подошли къ медвѣдице близко къ старой медвѣдице, которая схватала ее за спину и высоко швырнула въ воздухъ. Перевернувшись нѣсколько разъ, несчастное животное грохнулось на ледъ. Въ то же время охотники позвали нѣсколько пудъ въ медвѣдью и медвѣдицы. Хотя оба были тяжело ранены, но они, въ другія не обнаруживали ни боли, ни истощенія, и продолжали бороться съ собаками.

Беничанинъ, видя, что медвѣдица еще не утонула, подошелъ къ ней и началъ ее бить. — и этимъ объясняется, какъ медвѣдица утонула. Но остальные не были такъ жестоки, какъ Беничанинъ. Они были старые люди. Покоръ въ особенности, несмотря на свои старые годы, былъ опытенъ въ этомъ дѣлѣ. Онъ не нападалъ на медвѣдью, а только кричалъ на него. Интересно было видѣть, какъ они сисоватски и неостепенно подвигались медвѣдью за спину, чтобы непріятель, убитый въ правую, то лѣвую сторону, чтобы вонзить въ нее безно-

лезное преслѣдованіе. Другой залпъ, сдѣланный охотниками, обратилъ непріятеля въ болѣе послѣднее бѣгство и ранилъ медвѣженка такъ жестоко, что чрезъ нѣсколько минутъ онъ началъ уже изнемогать. Видя это, мать поставила его предъ собой, и, толкая въ задъ своей мордой, такъ быстро угоняла его, что охотники съ большимъ трудомъ могли слѣдовать за ними. Но, мѣткій выстрѣлъ Фреда повалилъ старую медвѣдицу на ледъ; она, однако, тотчасъ поднялась и побѣжала, толкая передъ собой медвѣженка; собаки, по прежнему, продолжали тревожить ихъ. Но, несмотря на дѣятельное преслѣдованіе со стороны собакъ и людей, раненые медвѣди убѣжали бы, еслибы трещина во льду не преградила имъ путь. Но они не остановились передъ преградой и, долго не размышляя, сырыгнули въ воду; собаки съ лаемъ послѣдовали за ними. Прежде, чѣмъ медвѣди успѣли взобраться на ледъ на ту сторону трещины, Митэкъ и Фредъ, будучи проворнѣе другихъ, успѣли подбѣжать къ нимъ достаточно близко, чтобы сдѣлать вѣрный выстрѣлъ.

— Уходить! — закричалъ Фредъ, когда старая медвѣдица выпрыгнула изъ трещины, вытащивъ за собой Покера, уцѣпившагося за ея ноги. Отвага Покера взяла таки, наконецъ, верхъ надъ его осторожностью, и несчастной собакѣ пришлось совершить ужасное *saltum mortale*. Еще Покеръ кружился въ воздухѣ, какъ Митэкъ и Фредъ вы-

налили разомъ, и старая медвѣдица повалилась мертвой. До сихъ поръ медвѣженокъ дѣйствовали исключительно въ оборонительномъ духѣ, полагаясь вполнѣ на защиту матери, но теперь его характеръ совсѣмъ перемѣнился. Онъ впрыгнулъ на трупъ матери и, принявъ чрезвычайной свирѣпый видъ, держалъ собакъ въ почтительномъ отдаленіи, ворча и бросаясь то въ ту, то въ другую сторону, пока не подошли охотники.

Въ первый разъ отъ начала охоты Фредъ почувствовалъ сильное состраданіе къ несчастному животному, и въ это время онъ готовъ бы былъ обрадоваться, еслибъ мать медвѣженка встала и убѣжала вмѣстѣ съ нимъ. Онъ заставилъ замолчать свое сердце и вспомнилъ, что экипажъ «Дельфина» нуждается въ свѣжемъ мясѣ; однако ни онъ, ни его товарищи-моряки не могли собраться съ духомъ, чтобы пустить пули въ храброе маленькое животное, и очень можетъ быть, что они позволили бы ему уйти, еслибъ Митэкъ не вывелъ ихъ изъ затрудненія, спокойно пустивъ пулю прямо въ сердце медвѣженка.

— Эхъ, Митэкъ, Митэкъ! — сказалъ О'Рилей, разсматривая добычу и качая головой, — у тебя каменное сердце! Какъ у тебя хватило духу хладнокровно убить этого медвѣженка? Впрочемъ, такова ужъ твоя натура и таково твое ремесло.

Впослѣдствіи оказалось, что старая медвѣдица, которая была не изъ большихъ, вѣсила больше

пяти сотъ фунтовъ; тѣло ея было восемь футовъ и девять дюймовъ длины. Медвѣжонокъ вѣсилъ больше ста фунтовъ, и по величинѣ былъ больше ньюафундлендской собаки.

Нужно было выпотрошить добычу прежде, чѣмъ взвалить ее на сани. За это дѣло взялся Митэкъ, и дѣйствовалъ при этомъ ножомъ съ искусствомъ хирурга, хотя не такъ деликатно.

— Кажется, что эта медвѣдица долго голодала, ея желудокъ пустъ,—сказалъ Фредъ, наблюдая за работой Митэка.

— Эге! Да у нея въ желудкѣ лакомый кусокъ, хоть небольшой,—закричалъ О'Рилей, замѣтивъ въ желудкѣ медвѣдицы комокъ табаку. При ближайшемъ разсмотрѣніи оказалось, что эта медвѣдица пообѣдала изюмомъ, табакомъ и липкимъ пластыремъ! Такое необыкновенное открытіе привело охотниковъ къ заключенію, что эта медвѣдица или добралась до запасовъ «Дельфина», сложенныхъ на Складочномъ Островѣ, или же отыскала складъ припасовъ какого-нибудь другого корабля. Охотники разсуждали еще объ этомъ часа два во время своего дальнѣйшаго путешествія на корабль.

Они ѣхали вдоль берега, опоясаннаго цѣлью ледяныхъ горъ. Эта лѣнь ледяныхъ горъ образуетъ поясъ, который тянется вдоль берега изъ дальнихъ странъ Сѣвера. Къ югу этотъ поясъ, въ лѣтнее время, прерывается и совсѣмъ исчезаетъ; но на широтѣ, на которой теперь

находились наши путешественники, этот пояс украшалъ берегъ круглый годъ, слѣдуя за всѣми изгибами его. Онъ только увеличивался зимой и уменьшался лѣтомъ, но никогда не растаивалъ совершенно. Поверхность этого ледяного пояса была покрыта огромными каменными глыбами, въ сотни тысячъ пудовъ вѣсомъ, которыя падали съ утесовъ, возвышавшихся надъ нимъ.

Указывая на одинъ изъ такихъ камней, Уэстъ сказалъ Фреду:

— Непостижимо, какъ эти камни зашли сюда; я часто удивляюсь, какимъ образомъ огромные, уединенные камни, которыхъ нельзя поднять никакими машинами, изобрѣтенными человѣкомъ, могутъ очутиться на песчанномъ берегу, на которомъ нѣтъ ни одного утеса на разстояніи многихъ миль. Это должно быть работа льда.

— Да, Уэстъ! Еслибъ ледъ умѣлъ говорить, то онъ объяснилъ бы намъ много такого, что теперь кажется непонятнымъ. Вонъ падаетъ съ утеса огромный камень, — можетъ быть этотъ камень въ эту минуту пускается въ путь, который окончится за тысячу миль отсюда къ югу.

Огромный камень, о которомъ рѣчь, отдѣлился отъ утеса и уналъ, въ то время какъ Фредъ говорилъ о немъ, съ ужаснымъ гуломъ, на ледяной поясъ, по которому прокатился ярдовъ пятьдесятъ. Здѣсь ему суждено пролежать всю зиму, а съ наступленіемъ весны, масса льда, на которой онъ

лежитъ, вѣроятно оторвется и поплыветъ къ югу; камень этотъ она или пошлетъ ко дну, растаявъ постепенно, или же выложить на какой-нибудь отдаленный берегъ, гдѣ такихъ камней не бываетъ,—и тамъ онъ будетъ служить предметомъ удивленія и догадокъ для несвѣдующихъ людей всѣхъ будущихъ вѣковъ.

Нѣкоторыя горы, мимо которыхъ они проѣзжали, имѣли чрезвычайно фантастическія формы; многія были больше мили въ длину и имѣли чистую, голубую, прозрачную какъ стекло, поверхность, которая показывала, что онѣ недавно только отдѣлились отъ большаго сѣвернаго ледника. Между двумя такими горами они ѣхали нѣкоторое время, пока увидѣли предъ собой третью гору, преграждавшую имъ путь.

— Проходъ становится все уже и уже,—вамѣтилъ О'Рилей, смотря на голубыя стѣны, перпендикулярно возвышавшіяся по обѣ стороны прохода на шестьдесятъ футовъ.—Осторожно, Митэкъ, ты кажется думаешь защемить носъ между этими льдами.

— Жаль, что мы не держались ледянаго пояса. Какъ ты думаешь, Митэкъ; выйдемъ ли мы опять къ нему, проѣхавъ это мѣсто?

— Вотъ тебѣ и пріѣхали!—сказалъ О'Рилей, указывая на конецъ прохода, совсѣмъ замыкавшагося третьей ледяной горой.

Эскимось остановился и, сдѣлавъ нѣсколько

шаговъ впередъ, чтобы разсмотрѣть, нѣтъ ли выхода, возвратился съ плачевной фizioноміей.

— Что, нѣтъ прохода?—сказалъ Фредъ.

— Чортъ бы тебя побралъ, что ты не отвѣчаешь?—закричалъ О'Рилей.

— Нѣтъ дороги, надо ѣхать назадъ,—отвѣтилъ Митэкъ, заворачивая собакъ назадъ.

Благодаря этой несчастной преградѣ, охотники должны были проѣхать по своимъ слѣдамъ съ полмили, чтобы возвратиться къ ледяному поясу, отъ котораго они уклонились въ сторону моря, чтобы не слѣдовать за изгибами берега. Къ еще большому ихъ несчастью, собаки начали приуставать, такъ что они принуждены были медленнымъ шагомъ итти за санями. Между тѣмъ снѣгъ повалилъ густыми хлопьями. Но они мужественно подвигались впередъ и, достигши снова береговаго льда, продолжали свой путь на сѣверъ къ кораблю, который теперь назывался у нихъ дорогимъ именемъ дома.

ГЛАВА XIV.

Исчезновеніе солнца.—Дѣйствіе темноты на собакъ.—Приготовленія къ зимѣ внутри «Дельфина».

Грустно, читатель, разставаться съ старымъ другомъ, въ особенности, если онъ былъ одинъ изъ вашихъ старѣйшихъ и лучшихъ друзей. Когда наступитъ день разлуки, бесполезны его увѣренія, что онъ возвратится. Эти увѣренія, безъ сомнѣнія, утѣшаютъ васъ послѣ разлуки и свѣтятъ вамъ какъ звѣзда надежды, которая, съ каждымъ днемъ, горитъ все ярче и ярче, пока не возвратится вашъ другъ; но въ самый день разлуки, когда вы пожимаете въ послѣдній разъ другъ другу руки, стараясь задавить невольно наворачивающіяся на глазахъ слезы, отъ такихъ увѣреній вамъ ничуть не легче.

Въ эту зиму экипажу «Дельфина» суждено было проститься съ однимъ изъ своихъ лучшихъ друзей, съ другомъ, котораго они боготворили, и который покидалъ ихъ надолго, до слѣдующей весны, и котораго, слѣдовательно, нѣкоторымъ изъ нихъ не суждено было снова увидѣть.

Насталъ, наконецъ, день, когда источникъ свѣта и теплоты долженъ былъ исчезнуть для арктическихъ мореплавателей на долгое, очень долгое время, и погрузить ихъ въ безконечную ночь. Солнце, однако, прощалось съ ними довольно долго, пока окончательно не покинуло ихъ. Еще нѣсколько недѣль послѣ наступленія зимы, съ ея ужасными холодами, оно ежедневно дѣлало имъ визиты, которые становились все короче и короче, пока, наконецъ, въ одинъ памятный для нихъ вечеръ, оно окончательно не простилось съ ними. Около половины октября для Залива Милосердія началась непрерывная ночь. Сначала эти непрерывные сумерки наводили на всѣхъ какое-то гнетущее чувство. Черезъ нѣсколько времени послѣ того, какъ солнечный шаръ пересталъ показываться надъ горизонтомъ, экипажъ «Дельфина» всякій полдень собирался на палубѣ и смотрѣлъ, съ надеждою огнепоклонниковъ, на слабые лучи свѣта, свидѣтельствовавшіе о присутствіи всеоживляющаго свѣтила.

Продолжительное отсутствіе свѣта сильно по-дѣйствовало и на собакъ. Онѣ, казалось, сильнѣе

привязались къ людямъ, своимъ товарищамъ въ изгнаніи. Это чувство высказалось въ нихъ съ особенной силой, когда всю стаю отвели на Складочный Островъ. Тамъ для нихъ была устроена теплая конура, отчасти для того, чтобы удерживать корабль въ возможно большей чистотѣ, а отчасти съ той цѣлью, чтобы сложенные тамъ запасы не оставались безъ стражи, на случай, если бы медвѣдямъ или волкамъ взбрело на умъ произвести имъ осмотръ. Но бѣдныхъ животныхъ никакими силами нельзя было удержать въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ корабля, куда до нихъ не могли долетать человѣческіе голоса. Когда ихъ въ первый разъ отвели въ ихъ удобное жилище, онѣ всѣ сразу оставили его, предпочтя провести ночь, хоть на голомъ снѣгу, но возлѣ корабля. Принуждать ихъ было бесполезно. О'Рилей напрасно пытался заставить ихъ лежать въ конурѣ.

— А, плутишка! — сказалъ онъ Домпсу съ ласковымъ видомъ и съ чрезвычайной нѣжностью, которая задѣла бы за живое всякую просвѣщенную собаку, — почему жъ ты не хочешь лежать въ своей собственной конуркѣ? А славная у тебя конурка, тепленькая, какъ сердце ледяной горы. Ну, пойдемъ со мной, я покажу тебѣ дорогу къ ней.

Но у Домпса было каменное сердце. Ласки не тронули его. Только, показавъ кусокъ моржеваго мяса, ирландецъ заставилъ его итти за собой въ сопровожденіи всей стаи, которая никогда не от-

ставала отъ своего предводителя. О'Рилей обставилъ ихъ въ конурѣ всевозможными удобствами и уложилъ спать; но лишь только онъ покушался уйти отъ нихъ, всѣ тотчасъ поднимались на ноги.

— Эка, какъ онѣ любятъ меня. Прилягте-ка снова, я спою вамъ колыбельную пѣсенку.

Вѣрный своему обѣщанію, О'Рилей завылъ пѣсню, которую, по его словамъ, пѣла его старая бабушка своей свиньѣ. Вслѣдствіе ли завыванья О'Рилея, или же вслѣдствіе холода, трудно опредѣлить, но собаки заснули, и онъ успѣлъ улизнуть на корабль, не бывъ замѣченъ ни однимъ изъ своихъ четвероногихъ друзей. Черезъ полчаса онъ вышелъ на палубу, чтобы вздохнуть предъ ужиномъ свѣжимъ воздухомъ и, оглянувшись вокругъ себя, увидѣлъ, что вся стая собакъ лежитъ въ кружокъ возлѣ самага корабля.

— Э, да вы должно быть любите холодъ, если рѣшились пролежать здѣсь цѣлую ночь, въ то время, какъ у васъ есть дворецъ на Складочномъ Островѣ.

— Онѣ любятъ общество, — замѣтилъ капитанъ Гай, вышедшій въ это время на палубу, — несчастныя животныя не могутъ оставаться одни. Мнѣ прежде часто приходилось замѣчать это странное качество въ собакахъ.

— Вы прежде замѣчали, капитанъ? А я сваливалъ все это на скотину Домпса, который предводительствуетъ другими собаками во всѣхъ преступленіяхъ.

— Ужинъ готовъ, сэръ,—сказалъ внезапно появившійся Мивинсъ, снимая шапку.

— Ну-ка, Мивинсъ, — сказалъ О'Рилей, когда капитанъ ушелъ въ каюту,—можешь ты мнѣ указать, гдѣ утренняя звѣзда?

— Утренняя звѣзда?—сказалъ неторопливо Мивинсъ, засовывая руки за пазуху своей куртки и смотря на темное небо, усыянное кучами звѣздъ блестящихъ арктическимъ блескомъ.

— Нѣтъ, не могу. Ты не знаешь развѣ, что утренней звѣзды не можетъ быть тамъ, гдѣ нѣтъ утра?

— Правда твоя. Мнѣ не пришло этого въ голову.—Мивинсъ очевидно возгордился своимъ ловкимъ отвѣтомъ, который вывелъ его изъ затрудненія, не обнаруживъ его невѣжества въ астрономіи, и уже готовъ былъ пуститься въ разсужденія о небесныхъ тѣлахъ вообще, но Бозби помѣшалъ ему.

— Эй, ребята, что тамъ за разговоры?—закричалъ. онъ высунувъ голову изъ люка.

— Ужинъ и горячій чай на столѣ!

Мивинсъ тотчасъ нырнулъ, какъ выражались моряки, и, замѣтимъ мимоходомъ, это выраженіе было какъ нельзя болѣе подходящимъ, потому что Мивинсъ, какъ, уже было сказано, былъ замѣчательно гибокъ и подвиженъ и дѣлалъ все очертя голову. О'Рилей неторопливо послѣдовалъ за нимъ и чрезъ нѣсколько минутъ весь экипажъ «Дельфина» сидѣлъ въ каютѣ за ужиномъ, и всѣ ѣли такъ же

усердно, смѣялись и болтали такъ же весело, какъ будто они спокойно плыли по своему родному океану, въ умѣренномъ климатѣ. Моряки удивительно веселый народъ; въ минуты спокойствія собравшись вмѣстѣ, они легко забываютъ всѣ свои невзгоды. Уныніе, въ которое они сначала было впали послѣ исчезновенія солнца, скоро прошло, и они весело исполняли свои разнообразныя обязанности при свѣтѣ сѣвернаго сіянія и звѣздъ.

Каюта, въ которой они теперь жили всѣ вмѣстѣ, приняла совсѣмъ другой видъ. По возвращеніи Фреда Эллиса съ его партіей, которыхъ мы оставили въ послѣдней главѣ у ледянаго пояса, перегородка, отдѣлявшая каюту отъ трюма, была снята, и все это мѣсто превращено въ большой залъ, чтобы воздухъ и теплота могли равномернѣе распространяться. Изнутри стѣны этой залы были обложены слоемъ мха въ двѣнадцать дюймовъ толщины, чтобы не могъ проникать наружный холодъ. Съ той же цѣлью была выстлана мхомъ и палуба. Люкъ каюты былъ закрытъ; единственнымъ входомъ служила небольшая дверь въ трюмъ, къ которой было придѣлано нѣчто вродѣ портика съ занавѣсомъ изъ оленьей кожи. По срединѣ залы была устроена желѣзная кухонная печь, которая служила для стряпни и вмѣстѣ для нагрѣванія каюты. Освѣщалась она нѣсколькими небольшими маслянными лампами. Лампы горѣли без-

престанно, потому что зимой не было различія между днемъ и ночью ни въ каютѣ, ни внѣ ея.

Въ этой уютной комнатѣ весь экипажъ, офицеры и матросы, ѣли, жили и спали, всё вмѣстѣ; но, несмотря на эту кажущуюся уютность, было очень трудно держать себя въ достаточной теплотѣ, чтобы сохранить здоровье и силы. Какъ только огонь начиналъ погасать, брусья потолка тотчасъ покрывались инеемъ и даже, при возможно высокой температурѣ комнаты, было все-еще такъ холодно, что вода, поставленная въ углу каюты, скоро превращалась въ плотный ледъ.

Часть каюты между печью и кормой занималъ большой столъ, вокругъ котораго сидѣли офицеры и матросы, когда вошелъ О'Рилей и помѣстился между ними. У каждого за этимъ столомъ было свое мѣсто; эти мѣста занимались съ неизмѣнной правильностью въ опредѣленные часы.

— Собаки, кажется, не думаютъ слушаться тебя,—замѣтилъ Эмосъ Парръ, когда его товарищъ сѣлъ за столъ.

— Правду сказалъ ты,—отвѣтилъ О'Рилей, принимаясь уплетать кусокъ моржа,—онѣ вовсе не слушаются моихъ приказаній. Домпсъ, подлецъ, такъ же упрямъ, какъ старая свинья моей старой бабушки.

Всеобщій смѣхъ прервалъ рѣчь О'Рилея, потому что онъ рѣдко дѣлалъ какое-нибудь унизительное сравненіе безъ того чтобы не вспомнить свинью,

раздѣлявшую съ нимъ гостепріимство его старой бабушки въ ея хижинѣ.

— У тебя все, о чемъ бы ты ни говорилъ, похоже на эту удивительную свинью, — сказалъ Петръ Гримъ.

— Ты совсѣмъ не правъ, возразилъ О'Рилей; сколько я ни путешествовалъ, я никогда не встрѣчалъ ничего похожего на ту свинью, кромѣ развѣ тебя, и то только съ рыла, которое было черно и покрыто щетиной, какъ и твое. Подай-ка ты мнѣ, братъ, другой кусокъ; этотъ моржъ — превосходная вещь. Мы должны благодарить за него мистера Элліса.

— Ты закидываешь удочку, чтобъ поймать на нее комплиментъ, но я боюсь обмануть твои ожиданія. Твой первый гарпунъ, кажется, далеко не попалъ въ цѣль, если я не ошибаюсь?

— Да, дѣйствительно такъ; мой гарпунъ попалъ туда же, куда и первая пуля. Я не припомню хорошенько, кто пустилъ эту пулю; ты, кажется, Митэкъ?

Митэкъ, погруженный въ кусокъ жирнаго мяса, все, что хотѣлъ сказать, выразилъ однимъ судорожнымъ зѣвкомъ, не прерывая своего ужина.

— Отвѣдай кусокъ медвѣжины, — сказалъ Фредъ Тому Синглетону, — на мой вкусъ она лучше моржа.

— По-моему, нѣтъ, — отвѣтилъ Томъ, сомнительно покачавъ головой.

— Я не понимаю, какъ это вы ѣдите мясо такого звѣря,—замѣтилъ важно Сондерсъ.

— Въ особенности такого, который жилъ изюмомъ и липкимъ пластыремъ, замѣтилъ Болтонъ, осклабясь.

— Я объ этомъ думалъ, сказалъ капитанъ Гай, до сихъ поръ молча слушавшій разговоръ,—мнѣ кажется, что это объяснить можно только тѣмъ, что должно быть эскимосы отыскивали корабль, потерпѣвшій крушеніе гдѣ-нибудь по близости, и унесли къ себѣ его запасы, а медвѣди пронюхали ихъ.

— Можетъ быть, они попользовались запасами брика, который предъ нашими глазами былъ раздавленъ льдинами нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ?—вопросительно замѣтилъ Синглетонъ.

— И это можетъ быть.

— Мнѣ кажется, это невѣроятнымъ, — сказалъ Сондерсъ качая головой.—Тотъ брикъ былъ давнымъ давно оставленъ экипажемъ. Еслибы его запасами и овладѣли эскимосы, то изъ нихъ бы ничего не осталось еще задолго до нашего прибытія сюда.

Нѣкоторое время всѣ молча занимались ужиномъ.

— Остается терпѣливо ожидать объясненія,—сказалъ капитанъ, въ заключеніе своихъ бесплодныхъ догадокъ.—Что же вашъ театръ, Фредъ? желательно было бы видѣть его какъ можно скорѣе.

Капитанъ говорилъ съ оживленіемъ, потому что онъ хорошо понималъ необходимость развлеченій въ эту длинную темную зиму, для поддержанія въ экипажѣ бодрости духа.

— Трудно набрать артистовъ, отвѣтилъ Фредъ, смѣясь; Петръ Гримъ наотрѣзъ отказался играть, а О'Рилей говоритъ, что онъ также способенъ выучить наизусть роль, какъ —

— Какъ свинья его старой бабушки,—прервалъ Дэви Соммерсъ, который уже кончилъ свой ужинъ, и потому имѣлъ досугъ вмѣшаться въ разговоръ.

— Я тебя, мальчишка! прошепталъ ирландецъ.

— Я написалъ уже половину драмы, которую я надѣюсь чрезъ нѣсколько дней представить на сценѣ нашего арктическаго театра при содѣйствіи даровитыхъ артистовъ; но мнѣ еще не достаетъ одного или двухъ человѣкъ, — одного такого, который бы взялъ на себя женскую роль. Боззби, не можете ли вы взять на себя этой роли?

— Какъ! я?—закричалъ Боззби съ изумленіемъ,

— О, да! сдѣлай одолженіе, Боззби, слышались со всѣхъ сторонъ веселые крики; ты какъ будто выкроенъ для этой роли.

— Голубые глаза,—сказалъ одинъ.

— Свѣтлые волосы,—отозвался другой.

— И толстота подходящая,—замѣтилъ третій.

— Нѣжныя щечки какъ моржевая кожа,—за-

мѣтилъ О'Рилей;—но это ничего, онѣ будутъ закрыты покрываломъ.

— Падѣюсь, что вы не откажетесь.

Но Боззби отказался; не наотрѣзъ, впрочемъ, а согласился взять на себя предлагаемую роль, если не найдется другаго, который бы замѣнилъ его. Итакъ Фредъ внесъ его имя въ свою записную книжку, въ число сверхкомплектныхъ.

— Слушайте! закричалъ капитанъ. Собаки должно быть почуяли медвѣдя. Въ каютѣ тотчасъ всѣ смолкли и стали прислушиваться къ продолжительному громкому лаю собакъ за кораблемъ.

— Это какой-то необыкновенный лай, на дичь онѣ лаятъ иначе,—сказалъ младшій лейтенантъ.

— Дай мнѣ мой карабинъ, Мивинсъ,—сказалъ капитанъ, вскочивъ со стула, и, надвинувъ на голову капюшонъ своей куртки, побѣжалъ на палубу, сопровождаемый всѣмъ экипажемъ.

Ночь была свѣтлая, морозная, воздухъ былъ необыкновенно острый и кололъ кожу какъ иглами; дыханіе выходило бѣлымъ густымъ облакомъ и осѣдало инеемъ на краяхъ капюшона. Собаки бѣгали вокругъ ледяныхъ холмовъ, то удаляясь на значительное разстояніе, то съ визгомъ возвращаясь къ кораблю.

— Это очень странно,—замѣтилъ капитанъ.— Ступайте на ледъ ребята, да поищите слѣдовъ. Зайдите на Складочный островъ посмотрѣть, все ли тамъ въ порядкѣ. Въ нѣсколько минутъ люди

разсыпались во все стороны и скрылись во мракѣ. Корабль былъ оставленъ на Мивинса и еще четырехъ матросовъ. Розыскивали самымъ тщательнымъ образомъ вездѣ, но нигдѣ не нашли слѣдовъ животныхъ, на Островѣ запасы оказались нетронутыми. Наконецъ собаки постепенно замолкли и стали обнаруживать расположеніе возобновить свой прекрасный сонъ на льду.

Видя это, капитанъ отозвалъ экипажъ и недолго спустя въ каютѣ «Дельфина» все спали глубокимъ сномъ.

ГЛАВА XV.

Появленіе иностранцевъ. — Моряки гостепріимно принимаютъ
вскимосовъ. — Оживленный обмѣнъ. — Воровскія наклонности и
короткая расправа.

Домпсъ сидѣлъ на верхушкѣ ледянаго холма, за полмили отъ корабля, съ выраженіемъ угрюмой задумчивости, и, конечно, не думая ни о чемъ. Покеръ сидѣлъ предъ нимъ и пристально смотрѣлъ ему въ глаза съ такимъ видомъ, какъ будто хотѣлъ сказать: какой ты изумительно глупый старикашка, сказать тебѣ правду! Просидѣвъ такимъ образомъ минутъ пять, Домпсъ сталъ вилять хвостомъ. Покеръ, замѣтивъ эту ласку, отвѣтилъ ему такимъ же движеніемъ своего отрубка. Потомъ Покеръ вскочилъ и дико залаялъ, какъ будто говоря — ну, поиграй же со мной! Но Домпсъ не согласился; тогда Покеръ сталъ развешать его, прыгая и лая вокругъ.

Мы не стали бы обращать твое вниманіе, читатель, на забавы нашихъ четвероногихъ друзей, еслибъ эти забавы не обратили на себя вниманія особы, заслуживающей подробнаго описанія. Это было ни что другое, какъ одинъ изъ туземцевъ— женщина, да какая женщина! Всякій бы принялъ ее за мужчину, потому что на ней былъ точно такой же костюмъ, какъ и на нашихъ морякахъ — такая же куртка и такіе же длинные сапоги. У нея были толстыя губы и приплюснутый носъ; волосы были завязаны въ узелъ, который торчалъ на макушкѣ, капюшонъ былъ откинутъ назадъ, а на мѣстѣ его былъ ребенокъ — маленькій и очень жирный ребенокъ! Этотъ ребенокъ своей фигурой напоминалъ кучу сросшихся пироговъ. Щеки его представляли два пирога, а руки четыре — по одному пирогу выше обоихъ локтей и по одному ниже. У ребенка былъ, конечно, и носъ, но онъ былъ такъ малъ, что его можно было и не считать за пирогъ; былъ у него и ротъ, да еще такой вмѣстительный ротъ, что и вдвое большому ребенку этого рта было бы больше, чѣмъ достаточно. Что касается до его глазъ, то они были большіе и черные—черные какъ два уголька — и лишенные всякаго выраженія, исключая удивленія.

Такова была пара, стоявшая на краю ледянаго пояса и смотрѣвшая на Домпса и Покера. Лишь только Домпсъ и Покеръ завидѣли ихъ, тотчасъ

бросились къ нимъ, вилая хвостами—или, вѣрнѣе, хвостомъ съ четвертью. Но, подошедъ ближе, смѣтливые животныя узнали, что женщина съ ребенкомъ—чужіе, и, поднявъ ужасный лай, что было у нихъ мочи побѣжали къ кораблю.

Этотъ лай слышали въ одно и тоже время двѣ партіи путешественниковъ, одна — партія эскимосовъ, отправлявшихся на охоту за тюленями и моржами, къ которой принадлежала описанная женщина съ ребенкомъ; другая—партія моряковъ, подъ командой Боззби, возвращавшаяся на корабль послѣ неудачной охоты. Партіи не видѣли одна другой, потому что одна шла съ востока, а другая съ запада, и между ними возвышался ледяной поясъ, на краю котораго стояла женщина съ ребенкомъ.

— Эй, что тамъ такое? — закричалъ Петръ Гримъ, первый замѣтивъ женщину. — Не знаю, сказалъ Боззби, присматриваясь, — что-то похожее на медвѣдя.

— Точно какъ будто медвѣдь съ медвѣженкомъ за плечами,—замѣтилъ О'Рилей.

— Подойдемъ-ка поближе, да рассмотримъ, — сказалъ Уэстъ, — и пошелъ впередъ; сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, они увидѣли кучку людей, поднимавшихъ руки вверхъ въ знакъ дружескаго расположенія.

О'Рилей сдѣлалъ нѣсколько дикихъ прыжковъ, отчасти отъ радости, что увидѣлъ незнакомыхъ лю-

дей, отчасти для того, чтобы выразить свое благорасположеніе къ нимъ.

Эти движенія, однако, навели ужасъ на эскимоску, и она вдругъ поворотилась и убѣжала.

— Да это человѣкъ. Ура, ребята! за нимъ!

— Люди не носятъ дѣтей за плечами и не связываютъ волосъ на макушкѣ, — замѣтилъ Гримъ, пускаясь въ погоню.

Въ нѣсколько минутъ Гримъ догналъ женщину; она бросилась предъ нимъ на колѣни, какъ только почувствовала его здоровую руку на своихъ плечахъ.

— Не пугайся, мы тебя не тронемъ, — сказалъ Боззби ласковымъ голосомъ, поднимая ее.

— Не бойся, мы друзья тебѣ, мы ни одного волоска не тронемъ на твоей прекрасной головкѣ.

— Какое милое дитя! — сказалъ О'Рилей, нѣжно трепля ребенка по щекамъ своей здоровой рукой.

Сначала было трудно привести въ себя несчастную женщину, которая потерялась отъ страха; но потомъ, видя ласки, расточаемыя моряками ея ребенку, и совершенное удовольствіе, съ какимъ эта куча сросшихся пироговъ принимала ихъ, скоро успокоилась и стала смотрѣть съ большимъ любопытствомъ на своихъ плѣнителей, которые знаками и словами старались разговориться съ нею. Къ несчастью Митэка не было съ ними; его оставили на кораблѣ, гдѣ въ этотъ день производилась всеобщая чистка каюты.

— Э, да вы совсѣмъ не умѣете говорить съ дамой, дайте-ка я попробую, — закричалъ О'Рилей, послѣ того, какъ всѣ перепробовали сообщать ей свои мысли. — Послушай меня, милая, и не считай ихъ глупцами. Откуда ты? ну, скажи же мнѣ, мой другъ. — О'Рилей сопровождалъ свой вопросъ неподдѣльно нѣжной улыбкой и множествомъ пантомимъ, которыя, безъ сомнѣнія, очень хорошо объясняли для него самого смыслъ его словъ, но больше ни для кого не были понятны. — Ты меня не понимаешь? это странно! Скажи-ка мнѣ, не видѣла ли ты гдѣ-нибудь брика или его экипажа между этимъ мѣстомъ и сѣвернымъ полюсомъ? Попытайся припомнить. — Онъ объяснилъ свой вопросъ поднятіемъ рукъ кверху, чтобы наглядно представить мачты; но женщина смотрѣла ему въ глаза съ такимъ глупымъ видомъ, что даже ирландецъ потерялъ надежду выпросить у нея что-нибудь. О'Рилей, однако, хвастался, что еще не окончательно потерпѣлъ пораженіе, и, несмотря на свою, два раза повторившуюся, неудачу и смѣхъ своихъ товарищей, въ третій разъ подступилъ къ незнакомкѣ, чтобы объясниться съ нею, какъ вдругъ съ утесовъ послышался громкій крикъ, который заставилъ всѣхъ вздрогнуть и обратить вниманіе на то мѣсто, откуда онъ былъ слышенъ. Крикъ этотъ издавалъ человѣкъ, котораго костюмъ былъ такъ похожъ на ихъ собственный, что они приняли было его за одного изъ своихъ товарищей;

но, взглянувъ ближе, они увидѣли, что ошиблись, потому что въ рукахъ этого человѣка было копье, которымъ онъ потрясалъ съ свирѣпымъ и воинственнымъ видомъ.

— Это должно быть ея мужъ, — сказалъ О'Рилей.

— Эй, ребята, ихъ цѣлая толпа, — закричалъ Гримъ. Человѣкъ десять эскимосовъ вынырнуло изъ ущелій ледянаго пояса и, взобравшись на вершки ледяныхъ горъ, смотрѣли на отрядъ бѣлыхъ, махая руками и ногами и сопровождая эти отчаянныя тѣлодвиженія громкими криками. — Я полагаю, — прибавилъ О'Рилей, — что эти люди встревожили нашихъ собакъ въ прошедшую ночь.

Очевидно было, что эскимосы не только были изумлены нечаянной встрѣчей съ иностранцами, но и не мало встревожены, увидѣвъ одну изъ своихъ женщинъ въ ихъ власти.

— Пошлемъ къ нимъ эту женщину, — посоветовалъ одинъ изъ моряковъ.

— Нѣтъ, нѣтъ; пусть остается у насъ заложницей, — сказалъ другой.

— Не зѣвай, ребята, — закричалъ Боззби, поспѣшно осматривая ружье, когда появились новыя толпы дикихъ обитателей сѣвера и заняли вершины ледянаго пояса и сосѣднихъ ледяныхъ холмовъ.

— Встрѣтимъ ихъ храбро. Стройся въ одну линію. Женщину держи впереди, Уэстъ!

Моряки двинулись въ боевомъ порядкѣ съ выставленными впередъ ружьями; но такъ какъ ихъ

было всего дюжина, то они представляли очень незначительную кучку сравнительно съ толпами эскимосовъ, которые шли на нихъ.

— Теперь стой крѣпко, ребята, и слушайся моей команды. Смотрите, чтобы они не напали на насъ сзади.

Сказавъ это, Боззби взялъ эскимоску за руку и, сдѣлавъ съ нею нѣсколько шаговъ впередъ, остановился. Между тѣмъ эскимосы столпились въ густую кучу и готовились встрѣтить или сдѣлать нападеніе, смотря по надобности. Боззби положилъ ружье на ледъ и, продолжая держать женщину за руку, смѣло пошелъ къ туземцамъ, безоружный. Приблизившись къ нимъ на разстояніе нѣсколькихъ саженъ, онъ остановился и поднялъ обѣ руки вверхъ, въ знакъ дружбы. Эскимосы тотчасъ поняли знакъ, и одинъ изъ нихъ, высокаго роста, смѣло прыгнулъ съ своей возвышенной позиціи на ледъ, бросилъ копье и побѣждалъ навстрѣчу къ иностранцу.

Въ нѣсколько минутъ Боззби и предводитель эскимосовъ успѣли дать понять другъ другу, что обѣ стороны расположены къ взаимной дружбѣ; женщина была отдана предводителю, который оказался ея мужемъ, какъ справедливо догадывался О'Рилей. Другіе эскимосы, видя взаимное дружеское расположеніе предводителей, толпой сбѣжали съ возвышенностей и окружили ихъ.

— Ребята, половина изъ васъ бросьте оружіе и

идите сюда, а половина оставайся на мѣстѣ съ оружіемъ,—закричалъ Боззби.

Приказаніе было исполнено и чрезъ нѣсколько минутъ обѣ партіи соединились съ совершеннымъ довѣріемъ другъ другу. Моряки, однако, сочли благоразумнымъ овладѣть оружіемъ, какъ только представилась возможность. Когда они знаками объяснили эскимосамъ, что ихъ домъ не далеко, вся толпа повалила къ кораблю. Туземцы были въ неистово веселомъ расположеніи духа, въ продолженіе всего пути они плясали и кричали, очевидно отъ радости, что подружились съ бѣлыми иностранцами, какъ они впослѣдствіи называли экипажъ «Дельфина», хотя нѣкоторые члены его развѣ немного были свѣтлѣе лицомъ ихъ самихъ.

Капитанъ Гай съ Фредомъ Эллисомъ и Томомъ Синглетономъ былъ занятъ тщательнымъ измѣреніемъ пролива и записываніемъ наблюденій, когда эта шумная толпа перешла ледяной поясъ и появилась въ виду корабля.

— Сбѣгайте внизъ, Фредъ, возьмите мой карабинъ и мечъ; туземцы идутъ, — кричалъ капитанъ, схвативъ телескопъ. — Зови всѣхъ, Мивинсъ, пусть вооружаются, живѣй!

— Эй, ребята, всѣ сюда! — кричалъ экономъ, выглядывая изъ люка. — Бери оружіе, эскимосы идутъ.

Чрезъ нѣсколько минутъ всѣ столпились у две-

рей, понадѣвавъ капюшоны и рукавицы, потому что холодъ былъ чрезвычайный.

— Смотрите-ка, капитанъ, между ними есть нѣсколько нашихъ матросовъ, — сказалъ Томъ Синглетонъ, разсматривая толпу сквозь свою карманную трубку.

— Да, наши, я вижу Боззби и Грима; это слава Богу, они должно быть завязали съ ними дружбу, что не всегда удается морякамъ. Ружья спрячьте, ребята, а тесаки оставьте при себѣ; осторожность не мѣшаетъ, хотя я не думаю, что они окажутся безпокойнымъ народомъ. Есть у тебя супъ въ котлѣ, Дэвидъ Миззль?

— Какъ же, есть, сэръ.

— Ну, такъ положи туда свинины, да долей котелъ до краевъ.

Поваръ пошелъ исполнять приказаніе, а капитанъ и половина экипажа сошли на ледъ и, безоружные, пошли навстрѣчу туземцамъ. Другая часть экипажа осталась на кораблѣ, чтобы стеречь его, и, въ случаѣ надобности, подать скорую помощь; но предосторожность была лишняя, потому что эскимосы встрѣтили моряковъ чрезвычайно искренне и довѣрчиво, и, казалось, совершенно поняли мысль капитана Гай, когда онъ обозначилъ линію вокругъ корабля и поставилъ вдоль этой линіи часовыхъ, чтобы не допустить ихъ перейти чрезъ нее. Нѣсколько человѣкъ эскимосовъ и между прочими знакомую намъ женщину, которая на-

зывалась Анингой, капитанъ Гай пригласилъ на корабль и тамъ гостепріимно угощалъ ихъ.

Любопытно и забавно было видѣть, съ какимъ изумленіемъ и удовольствіемъ эти добродушные и умные дикари смотрѣли на все. Пока приготовлялся обѣдъ, моряки ихъ водили по всему кораблю и объясняли имъ пантомимами употребленіе каждой вещи. Они смѣялись, кричали и даже ревѣли отъ удовольствія и дотрогивались до всякой вещи, какъ обезьяны, когда имъ дать волю. Капитанъ Гай повелъ Анингу и ея дюжого супруга, Аватока, въ каюту, и тамъ, при посредствѣ Митэка, объяснилъ имъ цѣль экспедиціи, и старался узнать отъ предводителя что-нибудь о его странѣ. Къ несчастью Аватокъ недавно переселился на этотъ берегъ изъ внутренности страны и никогда не заходилъ дальше двадцати или тридцати миль на сѣверъ отъ Залива Милосердія; поэтому онъ не могъ сообщить ничего ни о характерѣ берега, ни о томъ, зимовали ли здѣсь европейцы или нѣтъ. Да кромѣ того, онъ и его соотечественники видѣли теперь европейцевъ только въ первый разъ; поэтому они были теперь въ такомъ возбужденномъ состояніи, что отъ нихъ нельзя было добиться ни одного связнаго отвѣта на распросы. Вслѣдствіе этого, капитанъ отложилъ дальнѣйшіе распросы до того времени, когда они свыкнутся съ новой для нихъ обстановкой.

Между тѣмъ Дэвидъ Миззль угостилъ ихъ го-

роховымъ отваромъ, который имъ кажется удивительно понравился. Но соленую свинину, съ которой онъ былъ изготвленъ, они не очень жаловали. Правда, они были столь вѣжливы, что отвѣдали и свинины; но они давали большое преимущество куску сыраго моржеваго мяса, который оставили было для собакъ и съ которымъ они скоро покончили бы, еслибъ моряки не поторопились спрятать отъ нихъ. Послѣ обѣда имъ велѣли возвратиться въ свой лагерь, расположенный на льду возлѣ корабля, и скоро начался оживленный обменъ.

Но прежде всего они были обдѣлены множествомъ подарковъ. Вы бы вѣрно расхохотались, читатель, еслибъ вамъ пришлось видѣть, съ какой безумной радостью они принимали такіе пустяки, какъ куски желѣза, бисеръ, перочинные ножики, ножницы, иголки и пр. Желѣзо у нихъ считается такимъ же драгоценнымъ металломъ, какъ золото у просвѣщенныхъ народовъ. Небольшое количество этого металла, бывшее въ ихъ обладаніи, они добыли изъ обломковъ кораблей, выброшенныхъ моремъ на ихъ льдистые берега. Они употребляли его на острія для своихъ копій и гарпуновъ, которыя, при недостаткѣ желѣза, они очень искусно дѣлали изъ моржевыхъ клыковъ или же изъ роговъ морскихъ единороговъ. Поэтому, кусокъ желѣза они принимали съ большимъ восторгомъ, а

копѣчную зрительную трубку съ радостными криками.

Но англійскій національный флагъ, который капитанъ подарилъ ихъ предводителю Аватоку, былъ принятъ съ самымъ неистовымъ восторгомъ. Аватокъ былъ въ то время въ каютѣ, когда ему предложили этотъ подарокъ. Когда флагъ развернули предъ нимъ и онъ увидѣлъ яркіе цвѣта, которыми онъ былъ раскрашенъ, и когда ему капитанъ сказалъ, что онъ даритъ это ему и его женѣ, у него захватило дыханіе. Онъ стоялъ неподвижно нѣсколько минутъ, съ недоумѣніемъ посматривая то на капитана, то на флагъ. Потомъ поднялъ ужасный крикъ, схватилъ флагъ, сжалъ его въ рукахъ и пустился на палубу, буквально ревя отъ радости. Туземцы, стоявшіе на льду, изъ сочувствія, такимъ же крикомъ отозвались на ревъ своего предводителя, еще не зная причины его радости. Но когда они собственными глазами увидѣли его подарокъ, они завыли, запищали, стали плясать и поднимать руки кверху самымъ отчаяннымъ образомъ.

— Они всё съума посходили, всё отъ перваго до послѣдняго, — сказалъ О'Рилей, который нѣсколько времени старался вымѣнять пару сапогъ изъ тюленьей шкуры на старый, заржавленный перочинный ножикъ.

— Да, они похожи на съумасшедшихъ, сказалъ Гримъ, который смотрѣлъ на нихъ, разставивъ

ноги и скрестивъ руки и осклабясь до самыхъ ушей.

Къ еще большей суматохѣ, восторгомъ хозяевъ заразились и ихъ собаки и выразили свои чувства громкимъ и продолжительнымъ воемъ, котораго никакимъ образомъ невозможно было унять. Подражательность этого исключительнаго народа превратила торгъ въ игру. Боззби вынесъ большой свертокъ табаку — они знали его употребленіе, потому что имъ уже показали, какъ курить трубку, — и часть его далъ замѣнъ за лисью и оленью шкуры и сапоги изъ тюленьей шкуры. Замѣтивъ это, одинъ, очень хитрый, старый эскимось сталъ рѣзать на маленькіе кусочки оленью шкуру, чтобы обмѣнивать ихъ на такіе же кусочки табаку! Его, однако, остановили, прежде чѣмъ онъ успѣлъ испортить шкуру и растолковали ему лучше начало обмѣна.

Кожи, сапоги, тюленье и моржовое мясо, которые можно было вымѣнять въ это время, имѣли чрезвычайно большое значеніе для экипажа, потому что ихъ свѣжая провизія была уже на исходѣ и сапоги почти износились; поэтому обмѣнъ былъ чрезвычайно оживленный. Дэви Соммерсъ и его начальникъ, Мивинсъ, обнаружили въ этомъ случаѣ особенныя коммерческія способности; каждый изъ нихъ унесъ къ себѣ большое количество туземныхъ произведеній. Фредъ Эллисъ и Томъ Синглетонъ также торговали съ большимъ успѣхомъ.

Въ нѣсколько часовъ было вымѣняно такое количество шкуръ, что для всего экипажа могло хватить одежды на цѣлую зиму. Но вымѣненного свѣжаго мяса могло хватить не больше, какъ на недѣлю, потому что этимъ продуктомъ эскимосы не запасаются, по своей безпечности, а живутъ изъ рукъ въ ротъ, такъ что и на будущее время нельзя было рассчитывать пріобрѣтать отъ нихъ мясо. Итакъ охота оставалась единственнымъ средствомъ добыть этотъ необходимый продуктъ, безъ котораго не было надежды ускользнуть отъ скорбута, смертельнаго врага моряковъ.

Обязанности Митэка во время обмѣна, очевидно, были не легки.

— Понимаешь ли меня? — кричалъ О'Рилей въ сильномъ волненіи особенно тупоумному и замѣчательно жирному эскимосу, который такъ же сильно былъ заинтересованъ мѣной, какъ самъ ирландецъ.

— Гей, Митэкъ! поди сюда, объясни этому свиному рылу, что я говорю. Я понятнѣе не могу говорить, чѣмъ толковалъ съ нимъ.

— Никакъ не втолкуешь этому дикарю, — сказалъ Фредъ; — Митэкъ, голубчикъ, поди сюда, объясни ему.

— Эй, Митэкъ! — кричалъ Петръ Гримъ, — поговори съ этой старой башкой на своемъ языкѣ. Я никогда не встрѣчалъ подобной безтолковой башки.

— Этотъ негодяй кажется хочетъ цѣлый сви-

токъ бичевки за одинъ клыкъ морской лошади. Митэкъ! Гдѣ же Митэкъ?—кричалъ Мивинсъ; но онъ кричалъ напрасно, потому что въ эту самую минуту Сондерсъ схватилъ переводчика своей мощной рукой за воротникъ и потащилъ къ старой эскимоскѣ, которая не имѣла достаточныхъ свѣдѣній въ шотландскомъ языкѣ, чтобы понять энергическія выраженія младшаго лейтенанта.

Все это время звѣзды ярко блестѣли на темномъ небосклонѣ и сѣверное сіяніе освѣщало театръ мѣны своимъ яркимъ блескомъ; въ воздухѣ было тихо и холодно. Но сѣверо-восточная часть горизонта начала помрачаться облаками и надъ ледяной равниной пронесся вѣтеръ, который, какъ иголки, пронизывалъ торговцевъ. Обмѣнъ тотчасъ прекратился на этотъ день, и эскимосы начали приготовляться въ обратный путь, въ свою снѣжную деревню, находившуюся въ десяти миляхъ къ югу отъ корабля. Эту деревню они выстроили всего за три дня до своего знакомства съ моряками.

— Я замѣтилъ, къ сожалѣнію, — сказалъ капитанъ Гай стоявшимъ возлѣ него морякамъ, — что эти несчастныя существа стянули въ каютѣ нѣсколько пустыхъ вещицъ. Я не желаю нарушать взаимнаго согласія, какое существуетъ теперь между нами, изъ-за нѣсколькихъ бездѣлушекъ; но я знаю, что спускать обиды туземцамъ этихъ

*

странъ болѣе вредно, чѣмъ полезно, потому что они приписываютъ снисхожденіе страху.

— Можетъ быть было бы лучше только упрекнуть ихъ въ воровствѣ, — посоветовалъ докторъ; — они можетъ быть сознаются въ немъ, если увидятъ, что мы не очень взыскательны.

Другіе совѣтовали не церемониться съ эскимосами, которые оказались неблагодарными, употребивъ во зло ихъ гостепріимство.

— Нѣтъ, — возразилъ капитанъ на эти совѣты, — съ ними нужно обойтись снисходительно. Эти несчастныя существа не такъ смотрятъ на воровство, какъ мы смотримъ на него; кромѣ того, было бы глупо рисковать потерять ихъ дружбу. Митэкъ! поди пригласи въ каюту Аватока, его жену и человѣкъ шесть старшихъ эскимосовъ. Скажи, что я хочу поговорить съ ними.

Переводчикъ ушелъ, и чрезъ нѣсколько минутъ офицеры «Дельфина» и главы эскимосовъ торжественно засѣдали за столомъ въ каютѣ.

— Скажи имъ, Митэкъ, — сказалъ капитанъ, — что я знаю, что они украли два куска желѣза и мѣдный котелъ, и спроси, почему они показали такую неблагодарность.

Эскимосы, которые были очень огорчены строгими взглядами моряковъ, серьезно увѣряли, что они не брали этихъ вещей и ничего не знаютъ о нихъ.

— Скажи, что я не вѣрю, — сухо отвѣтилъ ка-

питанъ.—Красть и потомъ запираяться чрезвычай-
но дурно. Бѣлые считаютъ очень дурными людьми
тѣхъ, которые такъ поступаютъ.

— А, мошенникъ! — закричалъ Сондерсъ, схва-
тивъ за плечи одного изъ эскимосовъ, по имени
Оотока, и отнимая стальную ложку, конецъ ко-
торой торчалъ изъ его сапога.

Офицеры съ удивленіемъ и негодованіемъ по-
смотрѣли на младшаго лейтенанта, но эскимосы
разразились громкимъ смѣхомъ. Они, очевидно, не
считали воровство преступленіемъ и нисколько не
стыдились, что одинъ изъ нихъ былъ уличенъ. Но
Аватокъ составлялъ исключеніе. Онъ не смѣялся
вмѣстѣ съ другими; его серьезное лицо выражало
досаду. Но отчего происходила эта досада, отъ то-
го ли, что воровство было открыто, или же отъ
того, что его народъ оказался неблагодарнымъ,
трудно было рѣшить.

— Скажи имъ, Митэкъ, что я очень не дово-
ленъ ими, — сказалъ капитанъ. — Если они обѣ-
щаютъ немедленно возвратить украденныя вещи,
то я на этотъ разъ прощу ихъ и мы будемъ про-
должать обмѣнъ съ ними, будемъ жить какъ братья
и дѣлать другъ другу добро. Если же они не воз-
вратятъ этихъ вещей или если я замѣчу, что они
еще что-нибудь украли, то я накажу ихъ.

Когда Митэкъ перевелъ это, капитанъ отпустилъ
эскимосовъ; но совершенное равнодушіе, выражав-
шееся на лицахъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, показы-

вало, что слова капитана не произвели на нихъ никакого впечатлѣнія.

Чрезъ четверть часа всѣ украденныя вещи, которыя были поименованы, были возвращены эскимосами. Чтобы возстановить согласіе, капитанъ послалъ имъ чрезъ пословъ нѣсколько пучковъ табаку и нѣсколько другихъ драгоценностей. Скоро послѣ этого они запрягли собакъ, сѣли на сани и уѣхали. Обѣ стороны разстались очень дружелюбно. Нѣсколько разъ хлопнули длинные бичи—нѣсколько разъ взвизнули собаки и эскимосы исчезли изъ виду, оставивъ корабль въ прежнемъ одиночествѣ, подъ тѣнью нависшихъ утесовъ.

— Сходи, принеси мнѣ телескопъ, Мивинсъ, — сказалъ капитанъ.

— Сейчасъ, сэръ, — отвѣтилъ экономъ.

— Гдѣ мой топоръ, — кричалъ Петръ Гримъ, шныряя по палубѣ и заглядывая въ каждый уголъ. — Это мой самый лучший топоръ, я не могу безъ него обойтись никоимъ образомъ.

Капитанъ закусилъ себѣ губу, потому что очень хорошо зналъ причину отсутствія топора.

— Съ вашего позволенія, сэръ, — сказалъ экономъ, возвратившись на палубу со смущеннымъ видомъ, — я... я... я...

— Говори же, въ чемъ дѣло.

— Я вездѣ переискалъ, телескопа нѣтъ, сэръ.

— Сзывай всѣхъ! — закричалъ капитанъ. — Вооружайте людей, мистеръ Болтонъ, и ведите сей-

часъ приготовить самыя большія сани. Этого я не спущу. Одѣвайте всѣхъ собакъ.

На палубѣ «Дельфина» всѣ засуетились;—заряжали ружья, надѣвали куртки и рукавицы, ловили и одѣвали собакъ, все это дѣлалось живо.

— Я имъ покажу, — кричалъ капитанъ, вскочивъ на палубу съ парой пистолетовъ и тесакомъ за поясомъ, — шести человѣкъ будетъ довольно; остальные двѣнадцать пусть идутъ пѣшкомъ вслѣдъ. Гримъ и Боззби садитесь на сани; О'Рилей также садись. Осторожно, Фредъ, не садитесь слишкомъ близко къ передку. Ну, Митэкъ....

Ударъ длиннаго бича прервалъ рѣчь капитана и двѣнадцать собакъ мчали за собой сани, какъ перо.

Эскимосы вовсе не ожидали погони и, такъ какъ ихъ собаки были плохо выкормлены, то они двигались медленно. Менѣе, какъ чрезъ два часа, моряки уже замѣтили ихъ на южной сторонѣ горизонта.

— Ну, Митэкъ, — сказалъ капитанъ, — лети теперь какъ вѣтеръ и высади меня возлѣ саней Аватока, а вы, ребята, готовьтесь къ дѣлу.

— Да, да, сэръ, — проворно отвѣтилъ Митэкъ, и тяжелый бичъ пробѣжалъ по спинамъ переднихъ.

Чрезъ нѣсколько минутъ они поравнялись съ саними Аватока. Капитанъ вскочилъ на нихъ, съ складнымъ ножомъ въ рукахъ, въ одинъ мигъ перерѣзалъ построшки и, оборотившись назадъ, схва-

тилъ эскимоса за воротникъ. Дюжій начальникъ эскимосовъ сначала обнаружилъ расположеніе отмстить за такое безцеремонное обращеніе, но прежде, чѣмъ онъ успѣлъ сдѣлать движеніе, Гримъ схватилъ его за локти своими желѣзными лапами и связалъ ихъ назадъ веревкой. Въ тоже время остальные моряки перенесли на свои сани несчастную Аningу и ея ребенка.

Видя это, вся толпа туземцевъ повернула назадъ и двинулась на выручку своего начальника, потрясая копьями и свирѣпо визжа.

— Стройся въ линію, — закричалъ капитанъ, передавая Аватока и Аningу на попеченіе О'Рилея.—Трое съ правой стороны стрѣляйте поверхъ ихъ, а остальные поберегите заряды. Я застрѣлю одну изъ ихъ собакъ, потому что они могли бы подумать, что наши ружья только умѣютъ дѣлать шумъ. Пали!

Послѣдовалъ залпъ, и въ тоже время одна собака, съ предсмертнымъ визгомъ, повалилась на ледъ и окрасила его своей кровью.

— Впередь!—закричалъ капитанъ.

Моряки быстро побѣжали впередъ, но испуганные эскимосы, которые никогда еще до сихъ поръ не слыхали ружейныхъ выстрѣловъ, не ожидали ихъ; они повернулись назадъ и быстро побѣжали. Но все-таки Петръ Гримъ успѣлъ захватить Оотока и притащить его къ санямъ, на которыя онъ былъ посаженъ рядомъ съ другими.

— Теперь, ребята, все кончено; садитесь на сани, въ обратный путь. Ну, Митэкъ, трогай. Смотри за Аватокомъ, Гримъ; О'Рилей будетъ наблюдать, чтобы Анинга не спрыгнула съ саней.

— Мы ее придержимъ, голубушку, — сказалъ ирландецъ, взявъ эскимоску за спину.

— А я буду наблюдать за ребенкомъ, — сказалъ Фредъ, взявъ эту кучу пироговъ за подбородокъ, что, казалось, доставляло ему большое удовольствіе, потому что, несмотря на печальное положеніе отца и матери, какъ плѣнниковъ, онъ ласково улыбался Фреду.

— Черезъ пять минутъ сани уже летѣли назадъ, а часовъ черезъ пять послѣ того, какъ эскимосы, окончивъ торгъ, отправлялись въ свою деревню, четверо изъ нихъ, въ томъ числѣ и ребенокъ, сидѣли въ заключеніи въ трюмѣ «Дельфина». Капитанъ Гай, впрочемъ, не имѣлъ намѣренія прибѣгать къ бесполезнымъ, крутымъ мѣрамъ, чтобы возвратить пропавшія вещи. Онъ только хотѣлъ внушить эскимосамъ понятіе о силѣ, быстротѣ и отвагѣ европейцевъ и выставить наружу наклонность ихъ, эскимосовъ, къ воровству. Взявъ въ плѣнъ двухъ изъ ихъ начальниковъ, онъ былъ увѣренъ, что его телескопъ и топоръ скоро появятся назадъ; онъ и не ошибся въ этомъ. Вошедши въ трюмъ, гдѣ сидѣли плѣнники съ унылыми взглядами, онъ обратился къ нимъ съ длинной рѣчью, въ которой распространился о томъ, что

вообще красть преступно и низко, а въ особенности красть у тѣхъ, которые обошлись съ ними ласково. Онъ представилъ имъ, что всякая попытка съ ихъ стороны обмануть бѣлыхъ совершенно бесполезна, и увѣрялъ ихъ, что если они еще разъ осмѣлятся сдѣлать что-нибудь подобное, то жестоко будутъ наказаны; но если они будутъ вести себя хорошо и приносить на корабль много моржоваго мяса, то онъ имъ дастъ желѣза, бисеру, зрительныхъ трубокъ и пр. Эти слова капитана, казалось, произвели сильное впечатлѣніе на его дикихъ слушателей.

— Теперь,—сказалъ капитанъ въ заключеніе,— я удержу здѣсь въ плѣну Аватока, его жену и ребенка, пока мнѣ не будутъ возвращены телескопъ и топоръ (лице Аватока помрачилось, а жена его смотрѣла какъ-то тупо), и пошлю Оосока къ его племени (лице Оосока удивительно засіяло) передать ему то, что я сказалъ.

Въ силу этого распоряженія Оосокъ былъ освобожденъ, и, пользуясь своей свободой, тотчасъ пустился бѣжать къ югу и скоро пропалъ изъ виду.

ГЛАВА XVI.

Арктическій театръ.—Большой успѣхъ перваго представленія.—
Эскимосы покоряются и дѣлаются друзьями.

День перваго декабря былъ великимъ днемъ на кораблѣ «Дельфинъ»; въ этотъ день было объявлено экипажу, что на арктическомъ театрѣ, подъ управленіемъ мистера Фридерика Эллиса, будетъ дана драма «Блэндерборъ, или Арктическій Великанъ». Въ афишѣ, которой два экземпляра было дано даромъ экипажу, было объявлено, что знаменитый Петръ Гримъ, эсквайръ благоволилъ принять на себя роль Блэндербора. Другія роли слѣдующія:

Гуакинта, прекрасная эскимоска, вдова, захваченная двумя полярными медвѣдами, горѣвшими къ ней сильной любовью, — Фридерикъ Эллисъ, эсквайръ.

Первый медвѣдь, большой, — Теренцій О'Рилей, эсквайръ.

Второй медвѣдь, малый, — Дэви Соммерсъ, эсквайръ.

Банъ Болтъ, отважный Британскій морякъ, потерпѣвшій кораблекрушенія въ пустынныхъ владѣніяхъ Блэндербора, въ которомъ погибъ весь экипажъ, исключая одного его, — Джонъ Боззби, эсквайръ.

Таковы были дѣйствующія лица драмы, названіе которой хранилось въ глубокой тайнѣ отъ экипажа до утра того дня, въ который она имѣла быть представлена.

Обязанности Фреда какъ руководителя и автора были далеко не легки, потому что его труппа, не привыкшая учить наизусть, съ большимъ трудомъ запоминала самыя простыя фразы. О'Рилей оказался быстрѣе всѣхъ памятью; но такъ какъ онъ представлялъ перваго медвѣдя и потому долженъ былъ исполнять свою роль пантомимами—медвѣди не имѣютъ дара слова—то его памяти нечего было дѣлать. Гримъ также имѣлъ довольно сносную память, но Дэви Соммерсъ не могъ даже запомнить общаго хода пьесы. Что же касается Боззби, то онъ не прежде выучивалъ строчку, какъ забывъ предыдущую, и въ отчаяніи хотѣлъ было отказаться. Несмотря на все это послѣ долгихъ трудовъ и множества репетицій, подъ наблюденіемъ Фреда Элліса и Тома Синглетона, они

наконецъ успѣли изучить всю пьесу, съ немногими ошибками.

Утромъ перваго декабря, когда большая часть экипажа отправилась за мхомъ въ долину краснаго снѣга, Фредъ собралъ свой *corps dramatique* на послѣднюю репетицію на форкастель, — мѣсто совершенно безопасное отъ посторонняго вторженія, потому что тамъ былъ такой холодъ, что никто безъ надобности не могъ показаться туда. Тусклый фонарь слабо освѣщалъ сцену.

— Этотъ разъ нужно повторить безъ ошибокъ, — сказалъ Фредъ, разворачивая тетрадь. — Гримъ, начинай!

— Холодно, — началъ Гримъ.

— Стой, ошибся. — Ахъ ошибся, — сказалъ Гримъ, замахавъ рукой. — Я начну снова.

Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что Блэндерборъ, хотя былъ эскимосскій монархъ, принужденъ былъ говорить по-англійски, потому что онъ, къ несчастью, былъ невѣждой въ своемъ родномъ языкѣ!

— О! ужасная судьба — началъ опять Гримъ — жить въ одиночествѣ въ холодной странѣ! Страшно холодно (Гримъ при этихъ словахъ сильно задрожалъ) и — и (что дальше?)

— Голодъ, — подсказалъ Фредъ.

— Голодъ гложетъ мои внутренности. Мое имя Блэндерборъ. Лучше бъ мнѣ было родиться Блэндербуссомъ (ружье), тогда бы по крайней мѣрѣ я жилъ въ климатѣ болѣе подходящемъ къ моему

нѣжному сложенію. Не медвѣдя ли я замѣчаю предъ собою.

Въ то же мгновеніе послышался страшный ревъ, и изъ-за паруса, представлявшаго ледяную гору, выскочилъ О'Рилей, съ головы до ногъ одѣтый въ шкуру бѣлаго медвѣдя, который былъ убитъ нѣсколько дней тому назадъ.

— Стой, О'Рилей, — закричалъ Фредъ, — ты согласишься торопиться. Прежде должна явиться эскимоска, т. е. я, и когда Гримъ скажетъ эскимоскѣ, что онъ желалъ бы увидѣть медвѣдя, тогда только тебѣ выходить.

— У меня мозги совсѣмъ перевернуло въ головѣ отъ всего этого, — сказалъ О'Рилей, вставая на заднія лапы и угодя, со поджатымъ хвостомъ (онъ висѣлъ у него какъ разъ между ногами).

— Ну Боззби, теперь твоя очередь: когда услышишь слово несчастіе, выходи и сражайся, какъ Траянъ, съ медвѣдями. Докторъ будетъ тебѣ подсказывать.

Фредъ былъ замѣчательно терпѣливъ, а его воспитанники, хотя не изъ быстрыхъ, учились охотно, такъ что утренняя релетиція прошла съ меньшими ошибками, чѣмъ можно было ожидать. Когда экипажъ возвратился къ обѣду около полудня, въ который, впрочемъ, было не свѣтлѣе, чѣмъ въ полночь, роли уже были достаточно приготовлены, и оставалось только устроить сцену для вечерняго представленія, которое положено было начать по-

слѣ ужина. Подмости были устроены въ задней части каюты, и почти на футъ были выше палубы. Устройство ихъ было поручено доктору, который, при содѣйствіи Петра Грима, обратилъ эту часть корабля въ такую красивую сцену, что экипажъ, при первомъ взглядѣ на нее, ахнулъ отъ удивленія. Но до поднятія занавѣса всѣ приготовленія тщательно скрывались отъ постороннихъ глазъ. Даже капитану и офицерамъ запрещено было заглядывать за парусъ, служившій занавѣсомъ. Такая таинственность, кромѣ того что была необходима, была чрезвычайно полезна, потому что подстрекала любопытство экипажа и давала ему пищу для догадокъ и разговоровъ на цѣлую недѣлю, предшествовавшую великому дню, когда она должна была разоблачиться предъ ними.

Наконецъ давно ожидаемый часъ насталъ. Когда все было готово, столы вынесены изъ каюты, скамьи поставлены предъ сценой, тогда экипажу позволено было явиться съ палубы, куда онъ былъ высланъ на время предварительныхъ приготовленій. Когда они заняли свои мѣста, начались шутки и смѣхъ по поводу критическихъ замѣчаній относительно устройства театра. Миззль былъ того мнѣнія, что освѣщеніе чрезчуръ сильно, тогда какъ весь театръ освѣщался всего шестью лампами, наполненными тюленьимъ жиромъ, изъ фитилей которыхъ поднималась смѣсь желтоватаго пламени и копоти — вотъ и весь свѣтъ. Эмосъ

Парръ дѣлалъ предположеніе о томъ, какъ поднимется занавѣсъ, а другіе о томъ, какъ исполнить свою роль О'Рилей. Какъ бы то нибыло всѣмъ этимъ замѣчаніямъ положенъ былъ конецъ, и ожиданія зрителей возбуждены были до послѣдней степени звономъ колокольчика, вслѣдъ за которымъ стоявшій за декораціей человѣкъ что-мочи дернулъ за снурокъ занавѣса, скрывавшаго сцену; какъ и всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, занавѣсъ остался неподвиженъ и за сценой слышался громкій топотъ.

— Привязывай скорѣй другую веревку!—Смѣхъ, которымъ сопровождался этотъ совѣтъ, прерванъ былъ внезапнымъ поднятіемъ занавѣса съ такой силой, что зашатались декораціи.

Въ теченіе нѣсколькихъ секундъ царствовало мертвое молчаніе, потому что зрители поражены были удивленіемъ, когда предъ ними открылась сцена. Подмостки покрыты были бѣлыми простынями, представлявшими снѣгъ, а, для большей наглядности, нѣсколько кусковъ настоящаго льда разбросано было тамъ и сямъ, такъ какъ холодъ въ задней части каюты былъ такъ силенъ, что не позволялъ имъ растаивать. Огромный парусъ, на которомъ нарисовано было нѣсколько голубыхъ трещинъ и пятенъ чистаго бѣлаго цвѣта, представлялъ ледяную гору и занималъ всю заднюю часть сцены. Предъ этой горой, посреди сцены, на импровизированномъ холмѣ, сидѣлъ Петръ Гримъ—великанъ Блэндерборъ. Его колоссальная

отъ природы фигура еще больше увеличивалась шкурой бѣлаго медвѣдя, которая была наброшена на его широкія плеча поверхъ его обыкновеннаго косматаго костюма. Его опоясывалъ его широкій пурпурный поясъ, а на головѣ его красовалась корона, изъ коричневой бумаги, украшенная, мастерски нарисованными, голубыми, красными и желтыми драгоцѣнными камнями. Гримъ, по истинѣ, представлялъ величественную фигуру; черная борода и усы его и героически нахмуренныя брови, когда онъ, какъ выражался одинъ изъ зрителей, смотрѣлъ на сѣверное сіяніе, держа въ правой рукѣ громадной величины палицу, шли ему какъ нельзя болѣе.

Послѣ нѣсколькихъ секундъ мертвой тишины, раздался громкій и продолжительный взрывъ рукоплесканій, искренность которыхъ свидѣтельствовала вполнѣ, что представленіе далеко превосходило ожиданіе зрителей.

— Браво! воскликнулъ капитанъ,—превосходно! безподобно!

— Какъ естественно!—сказалъ одинъ.

— Какъ онъ хорошо представляетъ грознаго великана!—воскликнулъ другой.

— Господа! три ура въ честь Петра Грима.

Три ура раздались быстро одно за другимъ, но великанъ не двинулъ ни однимъ мускуломъ. Онъ глубоко сознавалъ, какое важное значеніе имѣеть хорошее исполненіе его роли, и потому не обра-

тилѣ вниманія на одобреніе зрителей. Посмотрѣвши довольно долго на публику, чтобы заставить ее удержать первый порывъ энтузіазма, Блэндерборъ величественно всталъ и прошелъ нѣсколько шаговъ впередъ; потомъ остановился у авансцены и, бросивъ взглядъ на зрителей, оборотился въ глубину сцены.

— О, ужасная судьба жить въ одиночествѣ! началъ онъ, и энергически, съ сверкающими глазами, продолжалъ свою роль, пока дошелъ до слова «Блэндербуссомъ»; въ это время Малый медвѣдь, забылъ ли онъ ходъ дѣйствія или же ему показалось, что пьеса дошла до того момента, когда ему надо начинать свою роль, выскочилъ изъ-за ледяной горы и въ одно мгновеніе былъ уже на срединѣ сцены.

— А, чтобы тебя чортъ побралъ совсѣмъ,—сказалъ за сценой Большой медвѣдь гнѣвнымъ шопотомъ, который могъ быть хорошо слышанъ зрителями; — все дѣло испортилъ. Убирайся назадъ, выйдешь, когда тебя здѣсь нужно будетъ. Слышишь? убирайся!

Когда публика начала хохотать надъ этой ошибкой, О'Рилей, забывъ, что онъ медвѣдь, бросился на своихъ заднихъ лапахъ на сцену, схватилъ Малаго медвѣдя за переднія лапы и потащилъ за сцену, при громкихъ рукоплесканіяхъ публики. Когда театръ успокоился, Блэндерборъ, какъ ни

въ чемъ не бывало, сталъ продолжать свой монологъ, пока не произнесъ его весь.

Когда онъ кончилъ, Фредъ, переодѣтый эскимосской женщиной, переваливаясь, вышелъ на сцену; онъ такъ ловко сдѣлалъ это, что зрители въ недоумѣніи стали осматриваться, думая, что это была Анинга, которая, съ своимъ мужемъ, также приглашена была посмотрѣть спектакль. Фредъ нарочно взялъ себѣ за образецъ Анингу и необыкновенно искусно скопировалъ прическу. Кукла также, которая должна была играть роль ребенка, была образцомъ совершенства; она была произведеніемъ Мивинса, который въ такихъ дѣлахъ былъ своего рода геніемъ. Голова ея сдѣлана была изъ лохмотьевъ, обшитыхъ сверху бурой кожей, а двѣ бѣлыя костяныя пуговицы, съ черными пятнышками посрединѣ, замѣняли глаза.

Первымъ дѣломъ выступившей на сцену Гуакинты было положить ребенка на снѣгъ, будто поошибкѣ, лицомъ внизъ, причемъ дитя начало громко кричать. Крикъ этотъ исполненъ былъ Дэви Соммерсомъ, который, находясь подъ помостомъ, вложилъ ротъ въ отверстіе, сдѣланное въ полу, гдѣ лежала голова мальчика, и издавалъ звукъ, похотившій на дѣтскій крикъ. Дэви необыкновенно хорошо копировалъ дѣтскій крикъ, и дѣйствіе такого подражанія было поразительно. Гуакинта, конечно, начала успокаивать малютку, но когда ея усилія оказались напрасными, она ударила его,

отчего дитя начало плакать еще сильнѣе. Потерявъ всякое терпѣніе, она закрыла лицо его и набила ему полонъ ротъ снѣгу, а потомъ, положивъ на землю лицомъ кверху, навалила на него огромный кусокъ льда. Это, какъ и слѣдовало ожидать, произвело желанное дѣйствіе, и мальчикъ пересталъ плакать, — впрочемъ, не прежде, какъ Гуакинта, оборотившись къ отверстию, сказала раза два: «будетъ уже, Дэви, будетъ!» Затѣмъ, сѣвши на холмъ, только-что оставленный Блэндерборгомъ, который теперь съ нетерпѣніемъ поджидалъ ее за этимъ холмомъ, она начала плакать.

Давъ полную волю своимъ чувствамъ, вылившимся цѣлымъ потокомъ истерическихъ рыданій, Гуакинта, обратившись къ публикѣ, печальнымъ голосомъ начала свой монологъ, который заключалъ въ себѣ тотъ смыслъ, что она — несчастная вдова, что два медвѣдя влюбились въ нее и увели ее изъ ея родины, Новой земли, и что хотя они и позволяли ей сколько угодно гулять по близости ледяной горы, но строго слѣдили за ней, чтобы она не ушла какъ-нибудь домой. Но что всего хуже, они сказали ей, что она должна согласиться сдѣлаться женой котораго-нибудь изъ нихъ; если же она не согласится на это и не дастъ сегодня же отвѣта, кого она рѣшится выбрать въ мужа, они оба убьютъ ее и разорвутъ пополамъ. Чтобы еще болѣе тронуть зрителей и сильнѣе возбудить въ нихъ состраданіе къ своему положенію, Гуа-

гинта пропѣла пріятную и трогательную пѣсню, нарочно сочиненную ею на этотъ случай, и пропѣла ее такъ хорошо, что публика потребовала повторенія.

Блэндерборъ все это выслушалъ съ видимымъ-восхищеніемъ и рѣшился наконецъ выйти изъ-за холма, чтобъ открыть ей свою душу; но, едва Гуакинта увидѣла его, какъ упала передъ нимъ на колѣни.

— Пощади меня, мой добрый государь, сказала она, дрожа всѣмъ тѣломъ; не убивай меня. Я бѣдная вдова, насильно занесенная сюда двумя медвѣдями.

— Женщина,—сказалъ великанъ,—мое имя—Блэндерборъ. По коронѣ, вѣнчающей мою голову, ты видишь, что я царь; притомъ я холостъ. Если я убью двухъ медвѣдей, о которыхъ ты говоришь, согласишься ли ты отдать мнѣ свою руку?

— О добрый Блэндерборъ, не спрашивай меня объ этомъ; я не могу рѣшиться на это. Это невозможно. Я не могу любить васъ.... вы извините, что я скажу вамъ, вы слишкомъ велики, свирѣпы и нехороши, чтобы любить васъ.

Блэндерборгъ грозно нахмурилъ брови, а публика при этомъ съ громкими криками снова принялась аплодировать.

— Ты не можешь любить меня!—А! крикнулъ великанъ, заскрежетавъ зубами и бросая яростные взгляды вокругъ себя.

Въ эту минуту, Большой медвѣдь издалъ страшный ревъ; Гуакинта пронзительно вскрикнула и убѣжала, а Блэндерборгъ поспѣшно скрылся за холмъ. Чрезъ минуту два медвѣдя были уже на сценѣ, бѣгали вокругъ холма, подбрасывая вверхъ свои заднія лапы, ревя и прыгая. Всѣ эти движенія вызывали громъ рукоплесканій. Наконецъ, Малый медвѣдь нашелъ ребенка и неистово заревѣлъ отъ удовольствія, взялъ его въ свои переднія лапы и поднялъ. Большой медвѣдь поспѣшилъ также ревнуть, а потомъ, бросившись къ Малому медвѣдю, схватилъ мальчика за ногу, стараясь отнять его, отчего мальчуганъ началъ кричать изо всѣхъ силъ. Въ этой борьбѣ, голова мальчика отлетѣла; Малый медвѣдь положилъ ее въ ротъ и проглотилъ. Тоже самое сдѣлалъ Большой медвѣдь съ туловищемъ, но ротъ его былъ слишкомъ малъ для такого куска, туловище ребенка остановилось во рту и ничего съ нимъ нельзя было бы сдѣлать, еслибы Малый медвѣдь не втокнулъ его въ горло своего большого собрата. Послѣ этого легкаго десерта, оба медвѣдя стали на заднія лапы и исполнили матросскую пляску, подъ музыку Тома Синглетона, который за сценой игралъ для нихъ на флейтѣ. Когда пляска кончилась, они прямо сошли со сцены, а вслѣдъ затѣмъ какъ-бы въ отдаленіи, слышался голосъ поющего человѣка. Онъ постепенно приближался и наконецъ Боззби,

въ роли Бена Больта, важно подошелъ къ лампамъ, засунувъ руки въ карманы.

«I'm a jolly, jolly tar,

«Wot has comed from afor,

An'its all for to seek my fortune». *)

Шёлъ Боззби — «Однако здѣсь его нѣтъ, — продолжалъ онъ уже прозой, — да и надежды, кажется, мало найти его. Ухъ, какъ холодно, брр...»

Боззби встрѣченъ былъ громкими рукоплесканіями, потому что одѣтъ былъ въ простой матросскій костюмъ, котораго экипажъ «Дельфина» такъ долго не видалъ, что при взглядѣ на него сердца всѣхъ забились, какъ будто при видѣ стараго друга.

Боззби игралъ съ большимъ одушевленіемъ и былъ, повидимому, первымъ любимцемъ публики. Онъ съ трудомъ могъ припоминать слова своей роли, но онъ помнилъ общій планъ ея и былъ достаточно находчивъ, чтобы импровизировать. Замѣтивъ публикѣ, что онъ одинъ изъ всего экипажа уцѣлѣлъ послѣ кораблекрушенія, онъ рассказалъ потомъ о нѣкоторыхъ приключеніяхъ, встрѣтившихся съ нимъ въ чужихъ странахъ, а часть испытаннаго имъ онъ выразилъ въ пѣснѣ, которой докторъ аккомпанировалъ за сценой. Слова со-

*) «Я веселый, веселый морякъ, издалека пришедшій сюда искать счастья.»

чинены были имъ самимъ и пѣлись на хорошо извѣстный шотландскій мотивъ: «Corrn Riggs»; вотъ эта пѣсня:

Веселый морякъ.

«Надо вамъ сказать, друзья, что, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я покинулъ отцовскій домъ и зеленую долину, въ которой онъ находился; и, сошедшись съ воиномъ, я сдѣлался веселымъ морякомъ и на волнахъ морей сражался за короля и за страну.

«Гребите, ребята, дружнѣй, море—нашъ домъ, гребите, ребята, веселѣй, вѣтеръ свободно несется по морю и вздымаетъ валы и пѣну морскую до самыхъ небесъ.

Много было благородныхъ сраженій, но слава Трафальгарской битвы затмѣваетъ собой славу греческихъ и римскихъ войнъ; потому что сверкавшія здѣсь, подобно молніи, ружья были произведеніемъ беззаботныхъ сыновъ Британіи, а храбрый Нельсонъ былъ здѣсь предводителемъ.

«Гребите, ребята и т. д.

«Пушка выстрѣлила и ядро полетѣло на то самое мѣсто, гдѣ стояла моя нога; нога полетѣла за бортъ, а съ нею и весь мой маленькій капиталъ, состоявшій изъ трубки, нѣсколькихъ монетъ и всего того, что находилось въ моемъ карманѣ.

«Гребите, ребята, и т. д.

«Меня снесли въ каюту и положили, вмѣстѣ съ другими убитыми и ранеными моими сослуживцами, на столъ; тогда пришелъ докторъ Кэгъ и

сказалъ: «Вотъ она живая нога, я ее приставлю ему, если только мое искусство въ состояніи сдѣлать это».

«Гребите, ребята, и т. д.

«Эта нога, крѣпкая и здоровая, принадлежала сражавшемуся Тиму, въ то время, когда я стремился къ цѣли, пробиваясь чрезъ толпу, и когда французъ, какъ ракета, вспрыгнулъ на бортъ.... Едвали удастся опять приставить эту ногу.

«Гребите, ребята, и т. д.

«Вотъ что принесъ этотъ день; нога прочищала дорогу среди битвы, свирѣпствовавшей какъ буря. Наконецъ, орудія замолкли, обломки ядръ перестали сыпаться въ море и англійскій національный флагъ скоро сталъ развѣваться на вершинѣ мачты.

«Гребите, ребята, и т. д.»

Едвали нужно прибавлять, что публика съ энтузіазмомъ потребовала повторенія этой пѣсни. При послѣднемъ словѣ пѣсни, Бенъ Больтъ дружески кивнулъ головой, засунулъ руки въ карманы и, насвистывая «yanksee Doodle», ушелъ со сцены. Неизвѣстно было, куда онъ ушелъ; предполагали, впрочемъ, что онъ отправился куда-нибудь дальше, продолжая свое странствованіе.

Между тѣмъ Блэндерборъ сидѣлъ за холмомъ

и покачивалъ головой, пораженный тѣмъ, что онъ слышалъ и видѣлъ предъ собою: а когда Бенъ-Большъ ушелъ со сцены, онъ выступилъ изъ-за холма. Какъ только медвѣди завидѣли его, тотчасъ бросились на него съ ужаснымъ ревомъ. Блэндерборъ хватилъ сперва одного потомъ, другаго своей страшной палицей по головѣ, потомъ, перепрыгнувъ чрезъ нихъ, вскочилъ на бокъ ледяной горы и въ одинъ мигъ очутился на ея верхушкѣ, и утвердился на небольшой башенькѣ, нарочно устроенной для этой цѣли.

Страшная борьба завязалась между Блэндерборомъ и двумя медвѣдями. Вершина горы, на которой стоялъ Блэндерборъ, была такъ низка, что Большой медвѣдь, ставъ на заднія лапы, могъ достать пальцы его ногъ, что заставляло великана безпрестанно подпрыгивать; къ счастью, бока ледяной горы были дотого гладки, что медвѣдь никакъ не могъ взобраться на нее. Это-то затрудненіе и составляло главную и, вмѣстѣ съ тѣмъ, забавную черту борьбы, потому что въ то время, когда Малый медвѣдь напрасно силился достать непріателя, великанъ съ огромной силой, сунувъ своей палицей (сдѣланной изъ твердаго дерева для того, чтобы она не согнулась) въ его рыло и заставилъ его навзничъ упасть на полъ и сбить съ ногъ Большаго медвѣдя, который въ это время стоялъ за нимъ. Затѣмъ оба они встали на заднія лапы и съ ужаснымъ ревомъ принялись сно-

ва нападать на Блэндербора, который только отмахивался отъ нихъ своею палицей. Однако, судьба, на этотъ разъ, не благопріятствовала храбрости. Большой медвѣдь поймалъ таки, наконецъ, великана за ногу и стащилъ его внизъ; Малый медвѣдь тотчасъ схватидъ его за горло, и хотя Блэндерборъ ужасно кричалъ и барахтался, но его участь была бы скоро рѣшена, еслибы не подоспѣлъ ему на помощь Бенъ-Большъ, которому случилось въ это время проходить мимо мѣста сраженія.

Нужно было удивляться неустрашимости и отвагѣ, съ какой Бенъ-Большъ, узнавъ, въ чемъ дѣло, бросилъ на полъ палку и узелокъ, обнажилъ мечъ и громовымъ голосомъ сталъ вызывать на бой обоихъ медвѣдей. Не меньшій восторгъ вызвали его удалъ, съ какой онъ билъ мечемъ по головамъ звѣрей (головы предварительно были приспособлены къ такому обращенію), и ловкость, съ какой онъ перепрыгивалъ чрезъ нихъ, прѣскальзывалъ между ихъ ногами и держалъ ихъ за хвосты, въ то время, какъ они напрасно старались схватить его. Продолжительныя рукоплесканія слѣдовали одно за другимъ, а плѣнные эскимосы хохотали до слезъ. Когда же Бенъ-Большъ, схвативъ хвосты обоихъ медвѣдей, связалъ ихъ двойнымъ узломъ, и самъ ушелъ за холмъ, а медвѣди стали тянуть другъ друга каждый въ свою сторону, поднялся необыкновенный смѣхъ, а когда храбрый британскій морякъ опять вышелъ изъ-за холма и, двумя

богатырскими ударами, положилъ на мѣстѣ Большаго медвѣдя, а потомъ, убивъ Малаго медвѣдя, самъ уналъ на одно колѣно и какъ-бы въ изнеможеніи закрылъ лице рукой, по всему «Дельфину», отъ носа до кормы, пронеслись такіе веселые крики, какими не оглашался этотъ корабль съ тѣхъ поръ, какъ вышелъ въ море.

Какъ разъ въ это время Гуакинтъ случилось проходить чрезъ это мѣсто. Она съ ужасомъ вскрикнула, увидя медвѣдей мертвыми, — это было исполнено совершенно естественно, — а потомъ вздрогнула при видѣ чуть дышащаго Больта и нѣжно улыбнулась ему, — что было также естественно, — такъ какъ его положеніе тронуло ее. Бенъ Больтъ сразу влюбился въ нее и тотчасъ сталъ объясняться въ любви, къ невыразимой ярости Блэндербора, который, оправившись отъ своихъ ранъ и схвативъ моряка за горло, клялся, что онъ убьетъ его, изорветъ его въ куски, сварить, спечетъ, изжарить и съѣсть въ одну минуту, если онъ скажетъ еще хоть одно слово.

Публика почувствовала при этомъ нѣкоторый страхъ за жизнь Бенъ-Больта, но восторгу ея не было границъ, когда, освободившись изъ рукъ великана и, отскочивъ назадъ, онъ застегнулъ свое платье и сказалъ, или, вѣрнѣе, заревѣлъ, что онъ плевать хочетъ на его гнѣвъ, а потомъ, сжавъ кулакъ и поднесши его къ самому носу противника, закричалъ: «Ну, начинай!»

Но великанъ не тронулся съ мѣста; онъ вспомнилъ, къ счастью, что онъ обязанъ своей жизнью храброму моряку, и съ улыбкой сказалъ ему, что онъ готовъ на всю жизнь сдѣлаться его другомъ, и, схвативъ его руку, ужасно сжалъ ее. Затѣмъ, взявъ за правыя руки Бенъ-Больта и Гуакинту и подведя ихъ къ лампамъ, сказалъ имъ длинную рѣчь, въ которой выражалъ первому чувство признательности за спасеніе его жизни, за что онъ никогда не будетъ въ состояніи отплатить ему, и объявилъ, что онъ слишкомъ любитъ Гуакинту чтобы мѣшать ея счастью. Потомъ соединилъ ихъ руки; женихъ и невеста преклонили колѣна, а Блэндерборъ положилъ руки на ихъ головы и, съ улыбкой благословляющаго, взглянулъ на публику, занавѣсъ упалъ посреди рукоплесканій зрителей.

Особенно любопытно и странно въ этомъ представленіи было то, что Гуакинта забыла искать своего ребенка, съѣденнаго медвѣдями, и, казалось, она объ немъ нисколько не беспокоилась; неизвѣстнымъ также осталось, возвратился ли Бенъ-Больтъ съ своей эскимосской въ Англію, чтобы тамъ прожить съ нею остатокъ своихъ дней, или же онъ остался съ нею жить у Блэндербора; но критиковать и дѣлать догадки—не наше дѣло, мы просто излагаемъ событія, какъ они происходили на самомъ дѣлѣ,

Въ заключеніе спектакля Мивинсъ долженъ былъ

исполнить матроскую пляску, но только-что этотъ гибкій парень кончилъ первую часть сложныхъ эволюцій и готовъ былъ начать другую, какъ на палубѣ раздался ужасный лай собакъ, смѣшанный съ человѣческими голосами. Въ одинъ мигъ всѣ вскочили со скамей и бросились на палубу, схвативши ружья и кинжалы, которые на всякій случай стояли наготовѣ въ каютѣ. Причиной шума была партія, человѣкъ въ двадцать, эскимосовъ, которые присланы были съ украденными вещами и съ порученіемъ покорнѣйше просить о прощеніи имъ ихъ проступка и возвращенія ихъ начальника и его жены. Они всѣ были безоружны, и объ искренности ихъ раскаянія свидѣтельствовало особенно то, что они принесли не только топоръ и телескопъ, но и другія мелкія вещи.

Само собой разумѣется, защитительное слово было выслушано и, послѣ рѣчей пословъ и заявленій неизмѣнной дружбы обѣими сторонами, партія получила подарки, состоявшіе изъ табаку и нѣкоторыхъ драгоценныхъ вещей и, вѣ себя отъ восторга, отправилась назадъ, въ свое поселеніе, гдѣ Аватокъ и Анинга цѣлую недѣлю удивляли мужчинъ и женщинъ своего племени рассказами о дѣйствіяхъ бѣлыхъ пришельцевъ.

Начавшаяся такимъ образомъ между эскимосами и экипажемъ «Дельфина» дружба ни разу не прерывалась больше никакимъ непріятнымъ столкновеніемъ въ теченіе многихъ мѣсяцевъ, въ которые

они потомъ вмѣстѣ странствовали и охотились въ окрестностяхъ. Сила мускуловъ и быстрота въ дѣйствіи—качества, любимыя и уважаемыя всѣми дикими народами; а моряки обладали этими качествами въ высшей степени, нежели ихъ сѣверные друзья, какъ они доказали это въ минуты опасностей, которыя нерѣдко случались имъ во время зимовья въ арктической странѣ. Ихъ неистощимые, повидимому, запасы и находчивость привели грубыхъ туземцевъ къ убѣжденію, что бѣлые могутъ сдѣлать все, что только захотятъ сдѣлать.

ГЛАВА XVII.

Отправленіе на охоту пѣшкомъ. — Дѣйствіе темноты на собакъ и на людей. — Первый смертный случай. — Охотники нападаютъ на слѣдь. — Эскимосское поселеніе.

Не знаю, какимъ образомъ, и не могу сказать, что это значить, но тѣмъ неменѣе несомнѣнно, — замѣтилъ Боззби Гриму чрезъ недѣлю послѣ перваго спектакля, — что эти представленія подѣйствовали на всѣхъ насъ очень хорошо. Мы вотъ всѣ веселы какъ сверчки, несмотря на то, что свѣжее мясо у насъ на исходѣ и что на нѣкоторыхъ изъ насъ замѣтны признаки скорбута.

— Это потому, что наши мысли были заняты и мы не думали о нашемъ несчастіи, — отвѣтилъ Гримъ, съ видомъ философа.

Гримъ не обозначилъ своего замѣчанія кавыч-

ками, хотя и долженъ былъ это сдѣлать, потому что приводилъ слова капитана, сказанныя прежде Тому Синглетону.

— Вотъ видишь ли,—продолжалъ Гримъ,—мы играли всякій вечеръ въ продолженіе всей прошлой недѣли, — ну, еслибъ мы не играли, то мы должны бы были много думать и спать, а слишкомъ много думать и спать намъ не хорошо, Боззби, и до добра не доведетъ.

Боззби не совсѣмъ былъ убѣжденъ въ этомъ, но онъ удовольствовался только замѣчаніемъ: — Можетъ быть оно и такъ. Жаль только, что скоро они прекратятся; а безъ свѣжаго мяса для насъ все-таки нельзя обойтись. Это напоминаетъ мнѣ, что я уже два дня не чистилъ своего ружья, а съ нечищеннымъ ружьемъ на охоту итти не приходится. Мы, кажется, должны отправиться въ 10 часовъ утра?

Гримъ подтвердилъ, что именно въ 10 часовъ, но замѣтилъ, что все равно, въ десять ли часовъ утра или вечера, потому что по солнцу нельзя различить этихъ часовъ, — и ушелъ съ Боззби въ каюту.

Въ каютѣ шли дѣйствительныя приготовленія къ отдаленной охотничьей экспедиціи, которую плачевное состояніе ихъ запаса свѣжаго мяса дѣлало совершенно необходимой. За всю прошедшую недѣлю они убили только бѣлую лисицу и кролика, несмотря на то, что Фредъ, докторъ и Ми-

такъ, каждый съ отдѣльной партіей, исходили всю страну на большія разстоянія вокругъ корабля. Между экипажемъ началъ появляться скорбутъ и капитанъ Гай сознавалъ, что, хотя у нихъ еще оставалось достаточно соленой провизіи и ея могло, при бережливости, хватить на большую часть зимы, однако этой провизіей невозможно существовать. Поэтому предположено было отправить двѣ большія партіи въ отдаленныя мѣста на поиски моржей и тюленей. Одна партія должна была отправиться на сѣверъ, другая на югъ, по слѣдамъ эскимосовъ, которые покинули на время свою деревню и отправились дальше искать моржей и тюленей, такъ какъ и они почти умирали съ голоду.

Планъ экспедиціи былъ слѣдующій:

Одна партія, состоящая изъ десяти человѣкъ, подъ начальствомъ старшаго лейтенанта, Больтона, взявъ большія сани и всѣхъ собакъ, а также провизіи на двѣнадцать дней и спальные мѣшки, должна была идти вдоль берега къ сѣверу, какъ можно дальше. Въ случаѣ неудачи, они должны были возвратиться домой на шестой день, довольствуясь въ продолженіе большей части обратнаго пути скудной пищей.

Другая партія, состоящая изъ пятнадцати человѣкъ, подъ начальствомъ младшаго лейтенанта, Сондерса, должна была отправиться пѣшкомъ, таща за собой меньшія сани, по направленію къ югу, и стараться отыскать эскимосовъ, которые, какъ

предполагалось, не могли зайти далеко и можетъ быть имѣли свѣжее мясо.

Былъ безоблачный, тихій, холодный и прекрасный звѣздный день, когда двѣ партіи выступили въ одно время въ противоположныя стороны. Блескъ сѣвернаго сіянія былъ ярче обыкновеннаго; снѣгъ сильно скрипѣлъ подъ ногами, — признакъ большаго мороза.

— Держитесь берега, мистеръ Болтонъ, — сказалъ капитанъ при отправленіи, — по возможности не заѣзжайте далеко по льдинамъ; встрѣтитесь съ вѣтромъ на льду, въ этомъ климатѣ, не шутка.

Старшій лейтенантъ обѣщалъ исполнять приказаніе. Младшему лейтенанту тоже было сдѣлано предостереженіе держаться берега и не употреблять меньшаго количества спирта, которое онъ бралъ съ собой, на что-нибудь другое, какъ на лампу, безъ крайней надобности. Затѣмъ, распрощавшись съ капитаномъ и остававшимися на кораблѣ товарищами, обѣ партіи двинулись въ путь. Всѣ здоровые люди отправились въ эти экспедиціи; оставшіеся на кораблѣ всѣ болѣе или менѣе страдали скорбутомъ, за исключеніемъ капитана Гая, который никогда не падалъ духомъ и котораго сильная натура казалась недоступной болѣзни. Въ самомъ дѣлѣ, только этимъ качествомъ онъ былъ обязанъ тѣмъ, что не подвергался болѣзни, потому что, съ тѣхъ поръ, какъ запасы стали истощаться, онъ, какъ другіе офицеры, ѣлъ

*

тоже, что и матросы; — лакомства, какія были на кораблѣ, береглись для больныхъ.

Къ несчастью, лимонный сокъ началъ истощаться и экипажъ долженъ былъ ограничиваться малыми порціями его. Такъ какъ эта кислота—превосходное средство противъ скорбута, предупреждающее болѣзнь и излечивающее ее, то экипажъ смотрѣлъ съ большимъ безпокойствомъ на ея быстрое уменьшеніе. Продолжительное отсутствіе солнца съ своей стороны начало теперь обнаруживать свое вредное дѣйствіе на людей и собакъ въ большей степени, чѣмъ когда-нибудь. Въ тотъ самый день, когда выступили въ путь партіи охотниковъ, съ одной изъ собакъ, которая была оставлена на кораблѣ по причинѣ болѣзни, начались припадки болѣзни, отъ которой впослѣдствіи умерло нѣсколько штукъ до окончанія зимы. Съ нею начались спазмы, и, послѣ нѣсколькихъ пароксизмовъ, она впала въ летаргическое состояніе. Въ этомъ состояніи ея животныя отправления совершались, повидимому, такъ же хорошо, какъ и обыкновенно; ѣла она не только хорошо, но даже съ жадностью. Болѣзнь была чисто-умственная. Она лаяла на вѣтеръ и постоянно ходила то по прямой, то по кривой линіи; иногда по цѣлымъ часамъ угрюмо молчала, а потомъ вдругъ съ воемъ бросалась бѣжать, какъ будто уходя отъ кого-нибудь. Чрезъ тридцать шесть часовъ послѣ перваго

припадка несчастное животное умерло, и было зарыто въ снѣгъ на Складочномъ Островѣ.

Это былъ первый смертный случай на кораблѣ, и хотя умерла только собака и даже не одна изъ любимыхъ, все-таки ея потеря помрачила расположение духа экипажа на нѣсколько дней. Они чувствовали, что этотъ первый ударъ свирѣпаго разрушителя, поразившій на первый разъ одного изъ низшихъ членовъ ихъ небольшой общины, можетъ повториться и на высшихъ.

Выразительное удовольствіе, съ которымъ несчастныя собаки смотрѣли на свѣтъ лампы, когда имъ позволяли войти въ каюту, показывало, какъ сильно они желали возвращенія солнца. Теперь было начало декабря и темнота была полнѣйшая. Даже въ полдень не показывалось ни малѣйшаго слѣда сумерекъ. Полночь и полдень ровно ничѣмъ не различались. Даже при самомъ сильномъ блескѣ звѣздъ и сѣвернаго сіянія не возможно было различить человѣка въ десяти шагахъ, и огромныя массы утесовъ, окружавшихъ заливъ Милосердія, можно было различить только потому, что они были чернѣе окружавшаго ихъ мрака. Чуть только кто-нибудь показывался на палубу, первое, что онъ ощущалъ, были холодные носы собакъ, которые бросались къ его рукамъ, рѣзвились и прыгали вокругъ него. Онѣ начинали выть при каждомъ случайномъ появленіи свѣта, какъ будто въ нихъ пробуждалась надежда, что скоро покажется

солнце, или, по крайней мѣрѣ, луна. Когда ихъ брали въ каюту, радости ихъ не было мѣры: они прыгали людямъ на грудь, смотрѣли въ лицо, ожидая ласкъ, визжали и только-что не говорили отъ избытка чувствъ.

Однообразная, продолжительная темнота и монотонная жизнь не мало также дѣйствовали на здоровье людей. Послѣ разлуки съ своими товарищами, отправившимися на охоту, оставшіеся на кораблѣ еще больше упали духомъ. Капитанъ Гай напрягалъ всю свою изобрѣтательность чтобы найти имъ занятіе, которое поддержало бы ихъ бодрость. Онъ казался чрезвычайно озабоченнымъ и придавалъ такое важное значеніе обыкновеннымъ легкимъ занятіямъ на кораблѣ, котораго они въ дѣйствительности вовсе не имѣли, кромѣ развѣ того, что служили средствомъ для поддержанія дисциплины. Всякій день выметалась и вывѣтривалась каюта, вычищалась кладовая, застилались постели, починалось платье, приготавлилась пища, посѣщались западни, измѣрялся приливъ и отливъ, производились и записывались метеорологическія наблюденія, — все это дѣлалось по часамъ. Занятія такъ были распредѣлены, что занятъ былъ каждый часъ, чтобы людямъ не оставалось времени на размышленіе о своемъ положеніи.

По окончаніи дневныхъ занятій дѣлались разныя предположенія объ устройствѣ концерта или

новаго театра, чтобы сдѣлать сюрпризъ отсутствующимъ по возвращеніи; рассказывались анекдоты, которые всегда слушались съ большимъ удовольствіемъ, если были хороши, и цѣнились далеко выше достоинства, если были плохи. Когда старые рассказы всѣ истощились и старыя книги были перечитаны, сочинялись новые рассказы; здѣсь одни выказывали остроуміе, другіе сообщали свѣденія, имѣвшія большую важность. Рассказы Тома Синглетона слушались съ особеннымъ удовольствіемъ; онъ рассказывалъ, по выраженію одного матроса, какъ «по писанному». Кромѣ того докторъ развлекалъ компанію пѣснями и игрой на флейтѣ. Джозефъ Уэстъ также былъ неоцѣненнымъ товарищемъ, какъ собесѣдникъ. Онъ былъ прилежнымъ ученикомъ, когда былъ въ школѣ, и любилъ книги всякаго рода, въ особенности книги о путешествіяхъ и приключеніяхъ. Онъ обладалъ хорошей памятью и изобрѣтательнымъ умомъ; онъ припоминалъ удивительные и безконечные анекдоты, составлялъ изъ нихъ родъ повѣсти и рассказывалъ мягкимъ, пріятнымъ голосомъ, который увлекалъ его слушателей. Но бѣдный Уэстъ былъ слабъ здоровьемъ, и не могъ рассказывать такъ долго, какъ желали бы его товарищи. Суровая жизнь и сильный холодъ замѣтно ослабили его здоровье, и безъ того не очень крѣпкое, и часто, когда онъ рассказывалъ длинную повѣсть, кашель заставлялъ его прекратить рассказъ. Игры

также были пущены въ ходъ. Возобновлены были «прятки» съ ребяческимъ энтузіазмомъ и «лисья охота» исполнялась съ большей энергіей. Во всѣхъ этихъ забавахъ капитанъ былъ первымъ и, дѣлая добро другимъ, онъ безсознательно дѣлалъ еще больше добра самому себѣ; потому что его забвеніе о самомъ себѣ и постоянная заботливость о томъ, чтобы удовлетворить нужды экипажа и изыскать средства для необходимаго развлеченія, сообщали ему веселость и бодрость духа, которыя сильно способствовали къ укрѣпленію его тѣла. Но, несмотря на все это, здоровье людей становилось хуже и на нѣкоторыхъ изъ нихъ проявились такіе неутѣшительные симптомы болѣзни, что докторъ началъ выказывать опасеніе, что въ скоромъ времени число ихъ можетъ уменьшиться.

Между тѣмъ Сондерсъ съ своими пятнадцатью людьми все подвигался къ югу. Ледяныя поля, по которымъ имъ пришлось проходить и тащить за собой сани, были не ровны и холмисты, такъ что они могли только медленно подвигаться впередъ, пока не перешли долины краснаго снѣга и не обогнули лежавшаго за нею мыса. Здѣсь они своротили со льдинъ и пошли по естественной дорогѣ, представляемой ледянымъ поясомъ; эта дорога была глаже, и они ускорили шагъ, и чрезъ часовъ пять подошли къ эскимосской деревнѣ.

Здѣсь все было тихо и не было замѣтно ни

слѣда жизни. Тамъ и сямъ валялись куски моржевой кожи, кости и клыки, но ни одного голоса не выходило изъ снѣжныхъ хижинъ, возвышавшихся куполами на поверхности снѣжной равнины.

— Я никогда не видѣлъ ничего, что бы такъ было похоже на пчелиные ульи, какъ эти снѣжныя жилища,—замѣтилъ Сондерсъ, стоя съ своей партіей по срединѣ группы снѣжныхъ хижинъ и разсматривая ихъ. И двери—то у нихъ такія, что не всякій пролезетъ.

Сондерсъ указывалъ на низкіе закрытые трубчатые входы, длиной отъ трехъ до двѣнадцати дюймовъ, чрезъ которые нужно было проползать на четверенькахъ, чтобы войти въ хижину.

— Можетъ быть кто-нибудь тамъ и спитъ сказалъ Томъ Гринъ, помощникъ плотника; что, еслибы влѣзть туда посмотрѣть?

— А не худо-бъ было, отвѣтилъ младшій лейтенантъ которому эта мысль показалась новою. Полѣзай Дэви Соммерсъ, ты крошечный человѣчикъ, и можешь согнуть спину лучше каждаго изъ насъ.

Дэви, засмѣявшись, сталъ на четвереньки и поползъ въ отверстіе одного изъ зрубчатыхъ входовъ, въ которые едва можно было пролѣзть даже въ такомъ положеніи.

Нѣсколько другихъ человѣкъ послѣдовали примѣру Соммерса и посѣтили такимъ же образомъ

другія хижины, но всё возвратились съ однимъ и тѣмъ же замѣчаніемъ «пустая».

Внутри хижины были закопчены и засорены, и по сору можно было заключить, что они покинуты недавно.

Боззби, бывшій въ числѣ членовъ партіи, выйдя изъ хижины, долго морщился и теръ свой носъ, пока не вызвалъ этимъ занятіемъ замѣчанія Дэви Соммерса, что его хоботъ красенъ отъ природы и не нуждается въ натираніи.—Странно,—замѣтилъ онъ, кажется, отсюда только недавно убрались, а между тѣмъ къ намъ не показывались. Не знаю, что съ ними случилось.

— Вотъ это такъ дѣйствительно странно. Можно было ожидать, что человѣкъ, который никогда не закрываетъ глазъ, долженъ знать все.

— Полно скалить зубы, займись-ка лучше разгрузкой саней, — я вижу, что Мистеръ Сондерсъ собирается остановиться здѣсь на ночлегъ.

Младшій лейтенантъ, поспѣшно осмотрѣвъ всё хижины, выбралъ двѣ большія изъ нихъ для ночлега, и, раздѣливъ людей на два отдѣленія, велѣлъ лѣзть въ хижины и ложиться спать.

— Не поужинать ли бы намъ прежде?—сказалъ Сондерсъ плаксивымъ тономъ съ притворнымъ смиреніемъ.

— Отчего-жъ, поужинайте,—отвѣтилъ Томъ Гринъ, и толкнулъ юношу такъ, что тотъ повалился на снѣгъ.

— Боззби, мнѣ нужно поговорить съ тобой,— сказалъ Сондерсъ, уводя моряка въ сторону. Мнѣ кажется, что эскимосы не могли отойти далеко отсюда; они должно быть только-что отправились къ югу, потому что на снѣгу остались еще ихъ свѣжіе слѣды. Я думаю итти за ними въ эту ночь; но люди, я вижу, очень измучились; и потому я думаю взять съ собой только двоихъ, болѣе крѣпкихъ. Какъ ты думаешь, кто можетъ отправиться со мной.

— Я самъ пойду, сэръ.

— Очень хорошо, и еще кто, какъ ты думаешь. Эмосъ Парръ, кажется менѣ другихъ изнуренъ.

— Я думаю, Томъ Гринъ можетъ итти. Я только-что видѣлъ, какъ онъ повалилъ на снѣгъ Дэви Сомерса; кто можетъ бороться, значить, въ немъ силы еще не вывѣтрѣли; я всегда такъ разсуждаю.

— Ладно, такъ скажи ему, чтобъ онъ былъ сейчасъ готовъ.

— Слушаю,—сказалъ Боззби, и пошелъ готовить Грина къ дорогѣ.

Черезъ часъ Сондерсъ и его два спутника, взявъ на плечи спальные мѣшки и провизію на одинъ день, оставили товарищей, приказавъ имъ выступать вслѣдъ за ними черезъ пять часовъ.

Два часа путешественники шли молча по ледяному поясу при свѣтѣ яснаго, звѣзднаго неба. Затѣмъ на востокъ начали собираться облака, и

различать дорогу сдѣлалось труднѣе; но всетаки свѣту было достаточно для того чтобы продолжать путь. Наконецъ они достигли той части берега, гдѣ ледяной поясъ прилегалъ къ цѣпи отвѣсныхъ клифовъ на протяженіи трехъ миль. Ледяной поясъ имѣлъ здѣсь около двадцати футовъ ширины. По лѣвую сторону отъ него отвѣсно поднимались клифы на высоту нѣсколькихъ сотъ футовъ; по правую сторону, не больше какъ три фута ниже ледяного пояса разстился ледъ, покрывавшій море. Здѣсь наши искатели приключеній неожиданно попались въ западню. Приливъ былъ такъ высокъ, что морской ледъ поднялся до уровня ледяного пояса, и вода, брызжа изъ трещины между морскимъ льдомъ и ледянымъ поясомъ, заливала послѣдній.

Путешественники, ускоривъ шагъ, какъ только могли, пошли вдоль ледяного пояса, потому что скалы не позволяли имъ свернуть влѣво, а трещина между плотнымъ морскимъ льдомъ и ледянымъ полемъ, наполненная смѣсью изъ воды и льда не позволяла имъ искать спасенья на льдинахъ. А что хуже всего, море продолжало подниматься, и когда вода залила дорогу поколѣнно, они нашли опаснымъ итти дальше, потому что могли бы попасть въ трещину, которой теперь не возможно было бы замѣтить.

— Что намъ теперь дѣлать? спросилъ Сондерсъ,

вдругъ остановившись и обращаясь къ Боззби съ видомъ, выражавшимъ отчаянье.

— Не знаю, — отвѣтилъ Боззби съ такимъ же выраженіемъ отчаянія, стоя разставивъ ноги и опустивъ руки — полнѣйшее олицетвореніе безсмыслія. — Еслибъ я былъ мухой, я бы зналъ, что дѣлать, я бы доползъ по этой стѣнѣ до сухаго мѣста и тамъ бы уцѣпился. Но я не муха, стало быть и не знаю, что дѣлать.

Боззби сказалъ это беззаботно-шутливымъ тономъ; Томъ Гринъ въ томъ же духѣ замѣтилъ, что онъ согласился бы лучше, чтобы его жестоко побили, нежели быть въ такомъ положеніи, и сообщилъ при этомъ, что у него пятки отмерзли.

— Не бойся, сказалъ младшій лейтенантъ, — не отмерзнуть пока въ водѣ. Намъ нужно стоять здѣсь пока не спадетъ приливъ.

Сондерсъ сказалъ это рѣшительнымъ тономъ и тотчасъ привелъ въ исполненіе свою мысль, скрестивъ руки и крѣпко ставъ съ раздвинутыми ногами на покрытый водою ледъ. Но Боззби и Гринъ — избрали болѣе благоразумный образъ дѣйствія и непрерывно двигались въ предѣлахъ не-большаго круга. Сондерсъ, послѣ получасоваго размышленія о выгодахъ такого образа дѣйствія, послѣдовалъ ихъ примѣру.

Вода поднялась выше колѣнъ; но, къ счастью, на нихъ были сапоги работы эскимосовъ, совершенно непромокаемые. Поэтому ихъ ноги, хотя

озябли, но были совершенно сухи. Чрезъ часть и три четверти, приливъ уменьшился, вода сбѣжала съ ледянаго пояса, и наши полузамерзшіе путешественники съ большой энергіей снова пустились въ путь.

Часа чрезъ два они пришли къ равнинѣ, широко разстилавшейся у подножья скалъ, гдѣ они нашли группу эскимосскихъ хижинъ.

— Эти также пусты всѣ—замѣтилъ Боззби; но Боззби ошибался, потому что въ то же самое время у входа ближайшей хижины показался маленькій особенно жирный мальчикъ, одѣтый въ лисью шкуру; этотъ мальчикъ былъ точь въ точь дамская муфта, къ которой съ одной стороны придѣлана голова, а съ другой ноги. Лишь только онъ замѣтилъ пришельцевъ, тотчасъ поднялъ руки вверхъ, издавъ пронзительный крикъ удивленія и исчезъ въ хижину. Въ то же мгновеніе изъ хижины бросился на путешественниковъ съ ужаснымъ лаемъ цѣлый легіонъ собакъ, а за ними все населеніе, какъ сказочныя косматыя чудовища стала выползать изъ своихъ пещеръ. Они выходили съ копьями и костяными ножами, но когда приблизились къ путешественникамъ, обѣ стороны узнали, что они друзья, и чрезъ нѣсколько минутъ Аватокъ и его люди крикливо лепетали вокругъ моряковъ, стараясь дать себя понять.

Эскимосы приняли троихъ гостей и остальную часть партіи, прибывшую чрезъ нѣсколько часовъ, съ величайшимъ гостепріимствомъ. Но мы не

имѣемъ мѣста, чтобы разсказать подробно, какъ они втащили гостей въ свои снѣжныя хижины; какъ предложили имъ сыраго моржоваго мяса; какъ они смѣялись, когда моряки выражали отвращеніе отъ ихъ сырой пищи, и какъ подкладывали въ лампы мохъ, пропитанный жиромъ, чтобы дать имъ возможность жарить себѣ мясо; какъ моряки знаками и другими средствами дали имъ понять, что они пришли искать пищи, и какъ они (эскимосы) не выразили при этомъ никакого удивленія; какъ они выражали посѣтителямъ свое желаніе (также посредствомъ знаковъ) отправиться вмѣстѣ съ ними на охоту и какъ моряки обрадовались этому и пожимали всѣмъ руки. Мы не имѣемъ мѣста, чтобы разсказать и про то, какъ моряки должны были приспособиться къ обычаямъ эскимосовъ, спать въ той же хижинѣ, гдѣ спали мужчины, женщины, дѣти и собаки, и какъ они были благодарны и за то, что по крайней мѣрѣ могутъ заснуть гдѣ-нибудь и какъ-нибудь, не боясь замерзнуть. Обо всемъ этомъ, и еще многомъ, мы принуждены здѣсь умолчать и предоставить живому воображенію нашихъ читателей дорисовать, чего онъ не найдетъ въ нашемъ разсказѣ.

ГЛАВА XVIII.

Партія охотниковъ. — Безпечная ѣзда. — Отчаянная битва съ моржемъ и пр.

Поздно утромъ, при яркомъ свѣтѣ звѣздъ, моряки и эскимосы оставили снѣжныя хижины полярной деревни и поѣхали на саняхъ съ копьями и гарнунами къ югу, на мѣсто битвы съ моржами.

Сѣверныя свѣтила ярко блистали и дѣлали небо совершенно свѣтлымъ; воздухъ былъ чрезвычайно свѣжъ и рѣзокъ и, заставляя путешественниковъ плотнѣе закутываться въ капюшоны, въ тоже время ускорялъ обращеніе крови въ жилахъ.

— Видалъ ли ты прежде когда-нибудь моржей, Дэви, — спросилъ Боззби, сидѣвшій рядомъ съ Соммерсомъ на переднихъ саняхъ.

— До этого путешествія я не видалъ никогда. — Это замѣчательныя творенія, — сказалъ Бозби, хлопая рукой по бедру. — Я на своемъ вѣку видѣлъ ихъ много, и могу сказать тебѣ, что это опасные враги. Они сражаются отчаянно и эскимосамъ стоитъ большаго труда убивать ихъ.

— Расскажи мнѣ какую-нибудь исторію про нихъ; сдѣлай милость Расскажи, — сказалъ Дэви Соммерсъ, закрывая носъ краями своей косматой одежды. — Ты единственный рассказчикъ приключеній; ну, начинай.

— Ты просишь рассказать тебѣ исторію; я не могу рассказать тебѣ именно исторію, но я расскажу тебѣ то, что называется анекдотомъ. Дѣло было лѣтъ пять тому назадъ, можетъ больше, а можетъ и меньше. Я былъ въ Бафиновомъ заливѣ и нашъ корабль стоялъ на якорѣ у одного эскимосскаго поселенія. Мы смотрѣли на льдину, плывшую мимо корабля, какъ вдругъ не далеко отъ берега показался моржъ и за нимъ разомъ погналось полдюжины кайаковъ — какъ эскимосы называютъ свои лодки. Это былъ бурый моржъ, самый свирѣпый. Какъ только въ него вонзили первый гарпунъ, онъ тотчасъ бросился на ударившаго его человѣка, но эскимось отскочилъ назадъ и сталъ кричать и жаловаться, что его оставили одного бороться съ бурымъ моржемъ. Одинъ молодой эскимось, однако, отважился помѣряться со звѣремъ и подплылъ къ нему очень близъ

ко. Моржъ тотчасъ напалъ на него, опрокинулъ кайакъ и распоролъ его самого своими клыками. Видя это, другіе эскимосы разомъ бросились на звѣря и тяжело ранили его; но моржъ все-таки отбился отъ нихъ и убѣжалъ, унося съ собой шесть гарпуновъ, загнанныхъ въ его кожу.

— Боззби рассказываетъ тебѣ сказки, заревѣлъ Томъ Гринъ, ѣхавшій на вторыхъ саняхъ вслѣдъ за Боззби и Соммерсомъ. О чемъ бишь это?

— Стало быть о сказкахъ,—отвѣтилъ Дэви.— Не раскрывай-ка рта, не то зубы отморозишь.

— Нельзя ли ѣхать по лучшей дорогѣ, — отозвался Сондерсъ, ѣхавшій на третьихъ саняхъ;— мои кости такъ стучатъ какъ кегли въ мѣшкѣ.

— Стегни-ка собакъ, старина,—сказалъ Боззби своему возницѣ, эскимосу, объяснивъ свои слова щелканьемъ языкомъ и движеніемъ руки.

Эскимосъ не понялъ словъ, но вполне понялъ щелканье и движеніе руки и, съ громкимъ трескомъ, потянулъ бичемъ по спинамъ цуга.

— Духъ вонъ вылетитъ!—закричалъ Дэви, когда собаки прыгнули впередъ.

Мѣстность, по которой имъ предстояло ѣхать, была чрезвычайно не ровная, и, подстрекая возницу, Боззби хотѣлъ пошутить надъ своими товарищами. Сильныя собаки мчали свою тяжесть прыжками, и сани прыгали съ одного куска льда на другой, такъ что у пассажировъ доскотали зубы.

ко. Моржъ тотчасъ напалъ на него, опресснулъ кайакъ и расщепилъ его самого своими клыками. Видя это, другіе эскимосы разомъ бросились на звѣря и тяжело ранили его; но моржъ все-таки отбился отъ нихъ и убѣжалъ, унося съ собой шесть гарпуновъ, заглавленных въ его кожу.

— Боззби разсказываетъ тебѣ сказки, заревѣлъ Томъ Гринъ, влѣзшій на вторыхъ саняхъ воеждѣ за Боззби и Соммерсомъ. О чемъ бишь это?

— Стало бытъ о сказкахъ,—отвѣтилъ Дэви.— Не раскрывай-ка рта, не то зубы отморозишь.

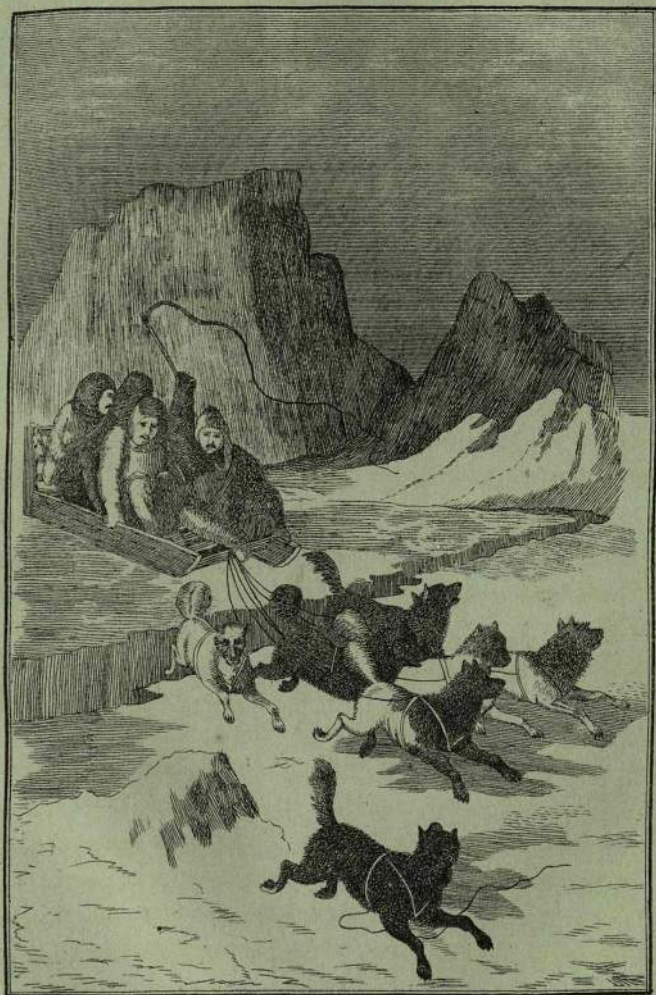
— Нельзя ли ѣхать по лучшей дорогѣ, — отозвался Сондерсъ, влѣзшій на третьихъ саняхъ; — мои кости такъ стучать какъ кегли въ мѣшки.

— Стегни-ка собакъ, старина, — сказалъ Боззби своему воякѣ, эскимосу, объяснивъ свои слова щелканьемъ языка и движеніемъ руки.

Эскимосъ не понялъ словъ, но вконецъ понялъ щелканье и движеніе руки и, съ громкимъ трескомъ, потянулъ бичомъ по синимъ путамъ.

— Духъ вонъ вылетитъ! — закричалъ Дэви, когда собаки прыгнули впередъ.

Мѣстность, по которой имъ предстояло ѣхать, была чрезвычайно не ровная, и, подстрекая вояку, Боззби хотѣлъ пошутить надъ своими товарищами. Сильныя собаки мчали свою тяжесть прыжками, и сани прыгали съ одного куска льда на другой, такъ что у пассажировъ доскавали зубы.

Лит. Тиблена и К. (Н. Неклюдова)

— Обстени верхніе паруса! закричалъ Эмосъ Парръ.

Но веселый эскимось вполне вошелъ въ духъ шутки, и вовсе не думалъ обстенивать свои верхніе паруса; онъ еще разъ ударилъ по собакамъ; животныя бѣшено завизжали и, прыгнувъ чрезъ трещину во льду, брякнулись въ нее, отчего постромки передней собаки порвались и она выпряглась; тутъ Боззби велѣлъ возницѣ остановиться.

— Остановись негодяй. Бросай якорь,—сказалъ онъ. — Можно ли такъ гнать бѣдныхъ собакъ.

— Можно было остановить его раньше, мнѣ кажется,—закричалъ младшій лейтенантъ въ гнѣвъ.

— Гай!—закричала толпа эскимосовъ, указывая на ледяной холмъ, отстоявшій на нѣсколько сотъ футовъ отъ того мѣста, гдѣ они остановились.

Всѣ тотчасъ смолкли и съ напряженіемъ стали присматриваться къ черному предмету, виднѣвшемуся изъ-за ледянаго холма.

— Моржъ!—прошепталъ Боззби.

— Да, онъ,—отвѣтилъ Эмосъ Парръ.

— Я сомнѣваюсь въ этомъ,—замѣтилъ Сондерсъ.

Еще младшій лейтенантъ не успѣлъ разрѣшить своего сомнѣнія, какъ эскимосы съ такимъ же восклицаніемъ указали на другой черный предметъ, въ четверти мили вправо. Скоро охотники замѣтили, что нѣсколько этихъ морскихъ слоновъ играли не въ далекомъ разстояніи, пробивая свои-

ми громадными головами, какъ стенобитными машинами, молодой ледъ. Рѣшено было раздѣлиться на три партіи и, оставивъ нѣсколькихъ человѣкъ при собакахъ, итти на звѣрей. Одна партія, которую составляли Сондерсъ, Боззби, Эмосъ Парръ, Дави Соммерсъ и Аватокъ, пошла, съ двумя ружьями и нѣсколькими гарпунами, на моржа, котораго они замѣтили прежде другихъ. Моряки шли позади Аватока, чтобы руководствоваться его примѣромъ, потому что сами не знали, какъ нападать на моржа.

Аватокъ, подкрадываясь, привелъ партію къ ледяному холму и далъ знакъ присѣсть за нимъ и выжидать, пока моржъ не нырнетъ. Черезъ нѣсколько минутъ моржъ нырнулъ, и тогда они все бросились изъ своей засады къ другому холму, лежавшему на разстояніи шаговъ пятнадцати отъ отверстія. Только — что они успѣли присѣсть за этимъ холмомъ, моржъ вынырнулъ, выпуская струи воды изъ своей косматой морды и всплывавая воду своими лапами.

— Ухъ, какой огромный, — сказалъ Сондерсъ съ изумленіемъ; и было, чѣмъ изумляться, потому что это было необыкновенно большое животное, по величинѣ — послѣ слона — самое большое.

Онъ имѣлъ два огромныхъ клыка, которыми отламывалъ отъ льдины большіе куски, лая какъ гигантская собака и изворачиваясь своимъ тяжелымъ тѣломъ; въ этомъ состояла его забава.

Аватокъ теперь шепнулъ своимъ товарищамъ, стараясь дать имъ понять, что они должны слѣдовать за нимъ, какъ можно скорѣе. Моржъ внезапно нырнулъ. Аватокъ тотчасъ выскочилъ изъ-за холма и чрезъ минуту стоялъ уже на краю отверстія, держа наготовѣ въ правой рукѣ гарпунъ, а въ лѣвой свитокъ веревки. Другіе тотчасъ послѣдовали за нимъ и едва только успѣли добѣжать на мѣсто, какъ огромное чудовище появилось снова на поверхности.

Сондерсъ и Боззби выстрѣлили ему въ голову, какъ только оно показалось надъ водою, а Аватокъ вонзилъ ему въ грудь гарпунъ и отскочилъ назадъ держа веревку въ рукахъ. Другіе, возбужденные охотой, прыгали и бросали гарпуны, часто мимо животнаго, несмотря на его величину.

— Брось въ него копье, эмосъ,—закричалъ Сондерсъ, заряжая ружье.

Но Эмосъ не могъ исполнить приказанія, потому что разъяренное животное бросалось изъ стороны въ сторону, такъ что всѣ попытки Эмоса всадить въ него копье остались безъ успѣха; онъ только царапалъ ему бока, отчего оно еще болѣе свирѣпѣло. Боззби также нѣсколько разъ пытался поразить его копьемъ, но безъ успѣха, и самъ чуть было не шлепнулся въ воду вслѣдствіе своей безопасности. Вообще поле битвы представляло картину замѣшательства: — огромное животное волновало воду и заливало брызгами поверхность

льдины вокругъ отверстія; люди бѣжали взадъ и впередъ съ крайнимъ волненіемъ и съ поспѣху скользили и падали, а разсвирѣпѣвшій звѣрь враждебно таращилъ на нихъ глаза и ревѣлъ отъ злости и страданія.

Вдругъ онъ нырнулъ. Люди переглянулись между собой съ недоумѣніемъ: — внезапное прекращеніе шума и трудовъ производитъ очень странное впечатлѣніе.

— Ушелъ?—спросилъ Сондерсъ съ печальнымъ видомъ.

На его вопросъ почти тотчасъ послѣдовалъ отвѣтъ: — моржъ снова появился на поверхности и въ бѣшенствѣ силился взобраться на ледъ при помощи своихъ ластовъ и клыковъ, ревя при этомъ съ удвоенной силой. Выстрѣлъ, посланный въ него, казалось не произвелъ на него никакого дѣйствія, и мѣтко направленный гарпунъ Аватока совершенно не обратилъ на себя его вниманія. Эмосъ Парръ, однако, поразилъ его такимъ ударомъ копья, который вызвалъ изъ груди животнаго ужасный болѣзненный вой и окрасилъ пѣну его кровью.

— Дай мнѣ гарпунъ, Боззби,—закричалъ Сондерсъ, — ружейныя пули, кажется, для него все равно, что горохъ. Съ дороги.

Младшій лейтенантъ побѣждалъ къ звѣрю такъ отчаянно, что непременно произошло бы что-нибудь ужасное, еслибъ онъ не споткнулся на ку-

льдины вокругъ отверстія; люди бѣгали назадъ и впередъ съ крайнимъ волненіемъ и съ поспѣху скользя и падали, а разсвирѣпѣвшій звѣрь враждебно таращилъ на нихъ глаза и ревелъ отъ злости и страданія.

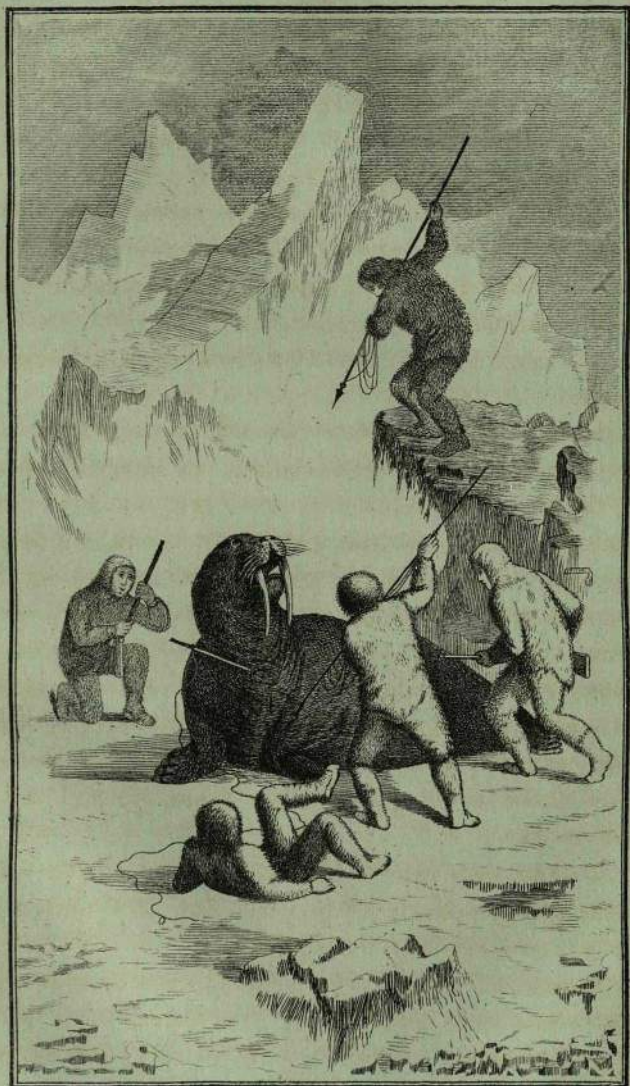
Вдругъ онъ нырнулъ въ воду и заплывъ между собой съ товарищами — выжили все прекращеніе шума и трудовъ производить очень странное впечатлѣніе.

— Ушелъ? — спросилъ Сондерсъ съ печальнымъ видомъ.

На его вопросъ почти тотчасъ послѣдовалъ отвѣтъ: — моржъ снова появился на поверхности и въ бѣшенствѣ силился взобраться на ледъ при помощи своихъ лапъ и клыковъ, ревя при этомъ съ удивительною силой. Выстрѣлъ, посланный въ него, видимо не произвелъ на него никакого дѣйствія, и только направленный гарпунъ Аватока совершенно не обратилъ на себя его вниманія. Эмосъ Парръ, однако, поразилъ его такимъ ударомъ копья, который вывелъ изъ груди животного ужасный болѣзненный вой и окрасилъ нѣну его кровью.

— Дай мнѣ гарпунъ, Бомби, — закричалъ Сондерсъ, — ружейныя пули, кажется, для него все равно, что горохъ. Съ дороги.

Младшій лейтенантъ побѣждалъ въ звѣрю такъ отчаянно, что непременно произошло бы что-нибудь ужасное, еслибы онъ не споткнулся на ку-

сокъ льда и не грянулся со всей мочи грудью на льдину. Въ силу прибрѣтенной скорости онъ продолжалъ двигаться въ лежащемъ положеніи и очутился на разстояніи одного фута отъ свирѣпой морды моржа. Звѣрь посмотрѣлъ на него нѣсколько секундъ, какъ-бы пораженный его отвагой, и потомъ продолжалъ неистово барахтаться, брызгая кровью, водой и пѣной въ лице Сондерса, пятившагося назадъ отъ него.

Тотчасъ за этимъ Аватокъ вонзилъ еще одинъ гарпунъ въ бокъ звѣря, и онъ опять нырнулъ.

Битва была ужасная и исходъ ея еще надолгое время оставался сомнительнымъ. Мѣткіе выстрѣлы и удары гарпуновъ и копій слѣдовали одинъ за другимъ, но огромное животное казалось неуязвленнымъ. Его сила и бѣшенство не истощались, между тѣмъ какъ охотники — какъ моряки, такъ и эскимосы — почти выбились изъ силъ. Битва уже длилась цѣлыхъ три часа; люди запыхались отъ сильныхъ движеній; моржъ не переставалъ реветъ и цѣпляться за края льдинъ, которыя, на нѣсколько шаговъ вокругъ отверстія, были залиты кровью и пѣной.

— Вотъ звѣрекъ! — сказалъ Боззби, садясь на кусокъ льда и смотря на него съ отчаяніемъ.

— Мы бы давно уже порѣшили его, еслибъ я не замочилъ свое ружье, — проворчалъ Сондерсъ, осматривая съ досадой свое оружіе, которое совершенно замокло.

— Задѣнь-ка его еще разъ, Аватокъ,—сказалъ Эмосъ Парръ,—тебѣ должно быть лучше извѣстно, гдѣ у него сидитъ жизнь; я съ нимъ ничего не могу подѣлать.

Аватокъ ударилъ звѣря ниже лѣваго лапа; этотъ ударъ, казалось, досталъ сердца, потому что животное шлепнулось назадъ въ воду и сильно стало барахтаться. Въ то же время Дэви Соммерсъ взобрался на вершину ледянаго холма, одна сторона котораго нависла надъ водой, и оттуда бросилъ гарпунъ въ спину моржа. Этотъ ударъ, казалось, оживилъ ярость послѣдняго, потому что онъ возобновилъ свои неудавшіяся попытки вылѣзть на ледъ и бросилъ на Дэви презрительный взглядъ. Боззби между тѣмъ, который было приблизился, теперь попятился назадъ и упалъ навзничъ. Въ это время Сондерсъ, успѣвшій привести въ порядокъ свое ружье, выстрѣлилъ. Пуля попала въ глазъ и проникла въ мозгъ, отчего мгновенно послѣдовала смерть, — исходъ, который всѣ приветствовали восторженными криками.

Вытащить такое огромное животное изъ воды было бы дѣломъ далеко не легкимъ, еслибъ не было столько людей. Даже и при такихъ обстоятельствахъ употреблено было значительное время на то, чтобы его вытащить, порубить и положить на сани.

Во время этой битвы, другія двѣ партіи убили двухъ меньшихъ моржей, отчего эскимосы приш-

ли въ неописанный восторгъ, потому что до прибытія моряковъ они не имѣли удачи въ охотѣ и принуждены были питаться скудно. По возвращеніи домой, начались всеобщія пиршества и увеселенья, и Сондерсъ чувствовалъ, что они поѣдятъ не только всю свою часть, но и его, если онъ погостить у нихъ нѣкоторое время. Поэтому онъ рѣшилъ немедленно отправиться съ своей добычей на корабль, оставивъ часть своей партіи продолжать охоту, пока онъ возвратится назадъ съ санями.

Но онъ не могъ исполнить своего намѣренія по причинѣ урагана, который дулъ съ невѣроятной силой цѣлыхъ два дня и держалъ обитателей снѣжныхъ хижинъ въ заключеніи. Такого урагана еще не видѣлъ экипажъ «Дельфина» даже въ этихъ суровыхъ странахъ со времени своего прибытія. Вѣтеръ пронзительно вылъ вокругъ утесовъ, въ глубинѣ ущелій и надъ замерзшимъ моремъ, какъ будто цѣлый легіонъ злыхъ духовъ воплощался въ каждое его дуновеніе. Снѣжные сугробы поднимались плотными массами, кружились нѣсколько минутъ и потомъ сдувались вѣтромъ, какъ пламя, и ложились бѣлыми полосами. Термометръ стоялъ на 25° ниже нуля,—температура довольно умѣренная въ сравненіи съ холодомъ, какой былъ въ послѣднее время; но жестокой вѣтеръ отнималъ теплоту у всякаго тѣла такъ быстро, что ни человѣкъ, ни звѣрь не могли ни на минуту заглянуть ему въ глаза. Боззби отморозилъ себѣ часть подбородка,

высунувъ только голову изъ хижины, чтобы по-
смотрѣть, какова погода; а Дэви Соммерсъ слегка
отморозилъ себѣ пальцы, когда вносилъ ружье,
оставленное по ошибкѣ за хижиной.

Что касается до эскимосовъ, то имъ мало было
дѣла до погоды. Ихъ снѣжныя жилища были те-
плы, ихъ рты полны; поэтому они, какъ благора-
зумные люди, ожидали терпѣливо, пока вѣтеръ не
выдуется. Занятія этихъ несчастныхъ людей бы-
ли чрезвычайно любопытны. Они ѣли съ жад-
ностью и очевидно предпочитали сырое мясо. Но
когда они замѣтили, что моряки не могутъ безъ
отвращенія смотрѣть на это, то зажгли мохъ, смѣ-
шанный съ моржевымъ жиромъ, и надъ этимъ
огнемъ стали обжаривать свою пищу.

Любопытенъ ихъ способъ добывать огонь. Они
берутъ два камня, кусокъ бѣлаго кварца и кусокъ
желѣзной руды и сильно ударяютъ одинъ объ дру-
гой; происходящія отъ этого искры падаютъ на
бѣлый пухъ, добываемый изъ ивъ, подъ который
подкладывается немного сухаго мху. Обыкновенно
проходитъ значительное время пока наконецъ удаст-
ся поймать такимъ образомъ искру; но потомъ уже
эта искра безъ большаго затрудненія раздувается
въ пламя.

Они придумали также остроумный приборъ для
плавленія снѣга. Онъ состоитъ изъ плоскаго кам-
ня, поддерживаемаго двумя другими камнями и
нѣсколько наклоненнаго въ одну сторону; на этотъ

плоскій камень кладется кусокъ снѣга, а подъ нимъ горитъ немного мху, пропитаннаго моржевымъ жиромъ. Когда камень нагрѣвается, снѣгъ таетъ и стекаетъ по наклонной плоскости въ небольшую чашку изъ тюленьей кожи, подставляемую подъ струю воды.

Въ продолженіе бури моряки раздѣляли съ этимъ страннымъ народомъ пищу и жилище. Это были жирные, засаленные, гостепріимные, грязные люди, наперерывъ другъ предъ другомъ старавшіеся угодить тѣмъ, кому случилось быть заброшеннымъ въ ихъ общество. Дэви Соммерсъ выражался объ нихъ, что это настоящіе трусы; а по мнѣнію Боззби, это самая превосходная порода моржей съ человѣческимъ образомъ, какую когда-нибудь ему приходилось встрѣчать въ своихъ путешествіяхъ.

ГЛАВА XIX.

Партія, отправившаяся на сѣверъ.— Спасеніе отъ гибели и великое открытіе.— Опять эскимосы, и пріятная неожиданность.

Интересно иной разъ размышлять о различіи путей, которыми Провидѣніе водить людей въ ихъ дѣлахъ, даже при единствѣ цѣли и точки отправленія. Двѣ партіи, вышедшія изъ «Дельфина», имѣли одну и ту же цѣль—добыть свѣжаго мяса. Одна отправилась на югъ, другая на сѣверъ; поле ихъ дальнѣйшихъ дѣйствій было одно и то же,—поверхность замерзшаго моря и край одѣтаго льдомъ берега. Но до какой степени различны были ихъ походы и результаты ихъ, читатель увидитъ изъ слѣдующаго разсказа.

Какъ мы уже сказали выше, первая партія бы-

ла подъ начальствомъ Болтона и состояла изъ десяти человѣкъ, между которыми были нашъ герой Фредъ, Петръ Гримъ, О'Рилей, Митэкъ со всей стаей собакъ и большими саними.

Такъ какъ въ день ихъ отправленія погода была прекрасная, то они ѣхали по двѣнадцати миль въ часъ, насколько возможно приблизительно сосчитать, въ продолженіе первыхъ шести часовъ. Собаки тянули славно, люди слѣдовали за ними весело, подкрѣпляемые перспективой предстоящихъ приключеній и свѣжаго мяса. Въ концѣ втораго дня они зарыли часть своихъ запасовъ у подножья самага выдающагося утеса, съ тѣмъ, чтобы, на обратномъ пути, опять забрать ихъ на сани. Облегчившись такимъ образомъ, они поѣхали быстрѣе и повернули въ сторону моря, въ надеждѣ встрѣтить моржей и тюленей.

Ихъ надеждамъ, однако, не суждено было сбыться. Они убили только одного тюленя, и то небольшого, такъ что его едва хватило на два раза накормить собакъ.

Они были «совершенно несчастны», какъ замѣтилъ О'Рилей, и еще къ большему ихъ несчастью льдины, по которымъ имъ приходилось ѣхать, были такъ неровны, что они едва могли подвигаться впередъ.

— Дѣло становится все хуже и хуже, — замѣтилъ Гримъ, когда сани, уже двадцатый разъ въ этотъ день, попали въ трещину, изъ которой вы-

тащить ихъ нельзя было иначе, какъ разгрузивъ. — Сани такихъ толчковъ много не выдержатъ, а когда они поломаются, — тогда прощай; починить ихъ безъ дерева невозможно будетъ, а деревомъ здѣсь не разживешься.

— Не безпокойся объ этомъ, — сказалъ Болтонъ ободряя; — они сдѣланы изъ такого крѣпкаго матеріала, какъ твои жилы, Гримъ, и стало быть не легко подадутся; они уже выдержали пробу. Не поразило ли васъ когда-нибудь, Фредъ, — продолжалъ онъ, обращаясь къ нашему герою, который упорно молчалъ, — не поразило ли васъ когда-нибудь то обстоятельство, что, когда дѣла очень плохи и мы уже начинаемъ падать духомъ, онѣ какими-нибудь судьбами вдругъ начинаютъ поправляться.

— Какъ же, я это замѣтилъ; но въ настоящее время мнѣ какъ-то трудно вѣрится, что дѣло идетъ къ лучшему. Не знаю, приписать ли это продолжительному отсутствію свѣта или недостатку пищи, но я чувствую, что я падаю духомъ, какъ еще никогда въ жизни не падалъ.

Замѣчаніе Болтона имѣло цѣлью развеселить, но отвѣтъ Фреда доказалъ, что ободрительные вопросы не всегда дѣйствуютъ хорошо на тѣхъ, которые уже сильно упали духомъ; поэтому онъ перемѣнилъ предметъ разговора.

Къ счастью, въ это время случилось обстоятельство, которое осуществило желаніе лейтенанта луч-

ше, чѣмъ оно могло быть осуществлено человѣческими усиліями. Часто случалось, что когда арктическіе путешественники, вслѣдствіе болѣзни или долгаго заключенія, въ продолженіе однообразной зимы, такъ падали духомъ, что никакія игры и увеселенія не въ состояніи были разсѣять ихъ унынія,—внезапная опасность давала ихъ мыслямъ необходимый толчекъ и производила, по крайней мѣрѣ навремя, благотворную перемѣну въ ихъ расположеніи духа. Тоже произошло и въ настоящемъ случаѣ. Люди такъ были изнурены тяжелыми трудами и недостаткомъ свѣжей пищи и такъ убиты неудачами и продолжительной темнотой, что не въ состояніи были развеселить другъ друга и, наконецъ, погрузились въ угрюмое молчаніе. Мысли Фреда постоянно обращались къ отцу, и онъ пересталъ дѣлать, по своему обыкновению, забавныя замѣчанія о предметахъ, мимо которыхъ они проѣзжали. О'Рилей также шутилъ все рѣже и рѣже и, наконецъ, совсѣмъ замолкъ. Больтонъ одинъ не падалъ духомъ и старался развеселить своихъ товарищей; должно быть сознаніе отвѣтственности было причиной его превосходства надъ другими въ этомъ отношеніи. Но, наконецъ, и Больтонъ сталъ падать духомъ.

Пробираясь, въ такомъ уныломъ настроеніи, между ледяными холмами, они замѣтили, что отъ горы отдѣлился огромный осколокъ льда и угрожаетъ упасть имъ на головы.

— Берегись! за мной, живѣй!—закричалъ старшій лейтенантъ громкимъ, пронзительнымъ голосомъ тревоги и побѣждалъ къ горѣ.

Испуганные моряки исполнили приказаніе какъ разъ во время, потому что едва только они пробѣжали съ боку горы, огромная глыба льда упала на то самое мѣсто, съ котораго они сошли. Вслѣдствіе волненія кровь прилила къ головѣ Фреда, и, когда опасность прошла, онъ поблагодарилъ Всемогущаго за спасеніе свое и своихъ товарищей. Послѣ этого случая они удалились отъ опаснаго сосѣдства горъ и стали держаться берега.

— Что эта за куча, вонъ тамъ,—сказалъ Фредъ, указывая на едва виднѣвшійся на берегу предметъ, не въ далекомъ разстояніи.

— Должно быть эскимосская хижина,—отвѣтилъ Гримъ.—Какъ ты думаешь, Митэкъ?

Митэкъ печально покачалъ головой, но не далъ никакого отвѣта.

— Отчего ты не отвѣчаешь?—сказалъ Больтонъ; —однако подойдемъ къ нему посмотрѣть.

Митэкъ напрасно всеми средствами старался убѣдить моряковъ не разрывать заинтересовавшаго ихъ предмета, который, какъ оказалось, состоялъ изъ груды камней, наваленныхъ одинъ на другой. Всего запаса англійскихъ словъ, которымъ онъ обладалъ, не хватило ему на то, чтобы объяснить своимъ сотоварищамъ, что означала эта груда камней. Они тотчасъ принялись разрывать ее, чтобы

проникнуть внутрь, въ надеждѣ найти тамъ складъ свѣжаго мяса, такъ какъ эскимосы имѣютъ обыкновеніе сохранять такимъ образомъ излишекъ своей пищи отъ медвѣдей и волковъ. Черезъ полчаса было продѣлано отверстіе достаточной ширины, для того, чтобы можно было влѣзть человѣку, и Фредъ поползъ въ него, — но вдругъ попятился назадъ съ крикомъ ужаса, увидѣвъ предъ собой человѣческій трупъ, сидѣвшій на землѣ посрединѣ этой странной могилы, съ пригнутой къ колѣнамъ головой.

— Это должно быть эскимосская могила, — сказалъ Фредъ, поспѣшно возвратившись; — это обстоятельство должно быть и было причиной, почему Митэкъ старался отклонить насъ отъ намѣренія разрыть груду камней.

— Мнѣ бы очень хотѣлось осмотрѣть ее, — сказалъ Гримъ, и всунулъ свою голову и плечи въ отверстіе.

— Что это ты вытащилъ? — спросилъ Боззби, когда Гримъ возвратился и сталъ осматривать какой-то предметъ, который онъ вытащилъ изъ могилы.

— Не знаю навѣрно. Что-то похожее на кусокъ сукна. Послѣ ближайшаго разсмотрѣнія оказалось, что это былъ кусокъ грубаго холста, синяго или чорнаго цвѣта. Такъ какъ это было такое вещество, встрѣтить которое въ этой странѣ было крайней неожиданностью, то Больтонъ обратился къ

Митэку въ надеждѣ получить отъ него какое-нибудь объясненіе этого страннаго открытія. Но Митэкъ ушелъ. Пока моряки прорывали себѣ доступъ къ могилѣ, Митэкъ стоялъ въ отдаленіи съ довольнымъ выраженіемъ лица, какъ будто негодуя на грубое оскверненіе могилы его соотечественника. Но лишь только онъ увидѣлъ кусокъ сукна, на лицѣ его выразились удивленіе и любопытство, и, не говоря ни слова, онъ поползъ въ могилу и оттуда почти тотчасъ вытащилъ нѣсколько предметовъ. Посмотрѣвъ на нихъ нѣкоторое время, онъ, съ одушевленіемъ, словами и знаками, принялся объяснять, что это могила не туземца, а бѣлаго человѣка.

Вещи, которыя онъ досталъ изъ могилы, были оловянное блюдо и серебряная столовая ложка.

— Здѣсь написано какое-то имя, — сказалъ Болтонъ, тщательно разсмотрѣвъ ложку. — Посмотрите-ка, Фредъ, у васъ глаза лучше моихъ, не разберете ли вы этой надписи?

Фредъ взялъ ложку. Рука его дрожала, потому что его сердцемъ овладѣло какое-то непонятное чувство страха, такъ что онъ едва могъ собраться съ духомъ взглянуть на ложку. Вооружившись, однако, мужествомъ, онъ поднесъ ложку къ глазамъ, но, при первомъ взглядѣ на надпись, руки его опустились и глаза потемнѣли: — на ложкѣ было вырѣзано: «Полярная Звѣзда». Онъ упалъ бы на землю, еслибъ Болтонъ не поддержалъ его.

— Не печалься, мой другъ, корабль могъ и не погибнуть. Можетъ быть это трупъ одного изъ экипажа.

Фредъ ничего не отвѣтилъ, но, собравшись съ духомъ, съ большимъ усиліемъ сказалъ:—«Раскопайте камни».

Матросы молча исполнили, а бѣдный юноша сѣлъ на камень и съ трепетомъ ожидалъ результата. Нѣсколько минутъ достаточно было на то, чтобы вырыть трупъ, потому что матросы любили своего молодого товарища и работали изо всѣхъ силъ.

— Развеселитесь, Фредъ, — сказалъ Больтонъ, подошедъ къ юношѣ и кладя руку на его плечо; — это не вашъ отецъ. На черепѣ трупа остался клочокъ черныхъ волосъ.

Выразивъ горячую благодарность лейтенанту, Фредъ всталъ и сталъ разсматривать трупъ; онъ былъ помѣщенъ въ кожаномъ мѣшкѣ, но одежды на немъ не было. Онъ былъ совершенно сухъ, и можно было думать, что онъ уже давно умеръ. Больше ничего не было найдено; по наружному виду черепа, по блюду и ложкѣ, можно было заключить что это былъ трупъ одного изъ экипажа «Полярной Звѣзды». Теперь рѣшено было ѣхать вдоль берега и изслѣдовать всякій заливъ и бухту, нѣтъ ли гдѣ-либо слѣдовъ погибшаго корабля.

— О Больтонъ! сердце мое не предчувствуетъ

ничего хорошаго,—сказалъ Фредъ во время пути, —я боюсь, что они всѣ погибли.

— Нисколько, сэръ, — сказалъ О'Рилей сострадательнымъ тономъ. — Того человѣка они должно быть похоронили здѣсь мимоходомъ.

— Ты забываешь, что моряки не хоронятъ людей подъ грудой камней и не кладутъ при нихъ блюдъ и ложекъ.

О'Рилей замолчалъ, потому что нельзя было ничего отвѣтить на это замѣчаніе Фреда.

— Онъ могъ остаться на берегу и встрѣтиться съ эскимосами,—сказалъ Петръ Гримъ.

— Не другая ли это могила?—спросилъ одинъ изъ матросовъ, указывая на предметъ, находившійся на краю мыса или косы, къ которой они приближались.

Прежде, чѣмъ кто-нибудь успѣлъ отвѣтить, ихъ привѣтствовалъ хорошо знакомый лай стаи эскимосскихъ собакъ. Черезъ нѣсколько минутъ они были уже среди снѣжной деревни и восторженные туземцы тотчасъ окружили ихъ. Нѣкоторое время отъ переводчика нельзя было добиться никакого объясненія, онъ былъ слишкомъ взволнованъ, чтобы употребить въ дѣло свой скудный запасъ английскихъ словъ. Они сами, однако, замѣтили, что хотя ихъ приходъ произвелъ на туземцевъ сильное впечатлѣніе, но они не были такъ поражены появленіемъ среди ихъ бѣлыхъ людей, какъ тѣ ихъ соотечественники, которыхъ экипажъ встрѣ-

тилъ въ первый разъ недалеко отъ корабля. Въ короткое время Митэкъ, повидимому, истощилъ все, что имѣлъ сказать своимъ землякамъ и обратился къ Болтону съ объясненіемъ. Онъ говорилъ много съ большимъ одушевленіемъ, но изъ его словъ можно было только догадаться, что его рассказъ касается бѣлыхъ людей. Наконецъ, въ отчаяніи, онъ указалъ на большую хижину, которая, повидимому, была главной въ деревнѣ, и притащилъ лейтенанта къ ней, сдѣлавъ знакъ, чтобы онъ вошелъ.

Болтонъ нѣсколько мгновений колебался.

— Онъ хочетъ, чтобы вы увидѣлись съ главой поселенія, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, — сказалъ Фредъ, — вамъ бы лучше войти.

Громкій голосъ слышался изъ хижины и сказалъ что-то на эскимосскомъ языкѣ.

При первомъ звукѣ этого голоса сердце Фреда сильно забилося, и, забѣжавъ впередъ мимо лейтенанта, онъ поползъ по трубчатому входу и въ одинъ мигъ очутился въ хижинѣ. Въ этомъ грубомъ жилищѣ было мало утвари. Съ потолка висѣла каменная лампа и слабымъ свѣтомъ освѣщала фигуру большого эскимоса, полулежавшаго на ложѣ изъ шкуръ посрединѣ хижины.

Когда Фредъ вошелъ, этотъ человекъ быстро взглянулъ на него и произнесъ нѣсколько непонятныхъ словъ.

— Батюшка,—закричалъ Фредъ, задыхаясь отъ волненія, и бросился къ отцу.

Капитанъ Эллисъ — это былъ въ самомъ дѣлѣ онъ — поднялся съ большимъ трудомъ и страданіемъ и принялъ сидячее положеніе, и, отбросивъ капюшонъ, открылъ лицо, котораго открытое, задушевное, ласковое выраженіе сіяло сквозь темную окраску, которую наложили на него многіе мѣсяцы трудовъ и опасностей. Оно было худое и измученное и выражало продолжительное страданіе.

— Батюшка! — произнесъ онъ серьезнымъ тономъ;—кто называетъ меня батюшкой?

— Ты не узнаешь меня, батюшка? ты не помнишь твоего Фреда? посмотри на него.

Фредъ остановился, потому что дикій взглядъ отца испугалъ его.

— Ахъ, эти сны,—бормоталъ старикъ,—не приходили бы уже они.

Взявшись рукой за голову, онъ упалъ назадъ на руки своего сына.

ГЛАВА XX.

Продолженіе.—Взаимныя объясненія.—Истинный утѣшитель.—
Новый годъ.

Едвали нужно говорить, что морякамъ, оставшимся за хижиной, не долго оставалось неизвѣстнымъ неожиданное счастливое открытіе, о которомъ рассказано въ послѣдней главѣ. Больтонъ, который вползъ въ хижину вслѣдъ за Фредомъ, лишь только замѣтилъ, въ чемъ дѣло, тотчасъ удалился и оставилъ отца и сына наединѣ изливать другъ предъ другомъ тѣ чувства и душевныя движенія, которыя легче себѣ представить, чѣмъ описать.

Первымъ побужденіемъ матросовъ было прокричать трижды ура; но Больтонъ удержалъ ихъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, ребята, — сказалъ онъ. — Безъ сомнѣнія, намъ пріятно выразить свои чувства

радостнымъ ура, но это потревожило бы старика. Пойдемъ-ка лучше приготовимъ хорошій ужинъ.

— О разбойники!—сказалъ О'Рилей, держась за бока, какъ будто вѣря своимъ словамъ, — у меня желчь разольется оттого, что вы не даете мнѣ кричать.

— Ну закрой ее надежнымъ клапаномъ,—сказалъ Больтонъ, когда они шли въ сопровожденіи всего населенія на край деревни.—Ну, теперь начинай, они не услышатъ васъ,—Ур-ра!

За продолжительнымъ восторженнымъ ура моряковъ послѣдовалъ радостный вой эскимосовъ, которые прыгали вокругъ своихъ гостей съ отчаянными тѣлодвиженіями и смѣющимися лицами.

Моряки вошли въ одну изъ большихъ хижинъ и принялись готовить ужинъ. У эскимосовъ оказался большой запасъ моржеваго мяса; поэтому лампы наполнились, и скоро шипѣнье жарившагося мяса и капавшаго жира заглушило всѣ другіе звуки.

Между тѣмъ Фредъ и его отецъ, успокоившись нѣсколько, начали рассказывать другъ другу о своихъ походахъ со дня разлуки, а первый сталъ готовить кофе для подкрѣпленія силъ ихъ обоихъ.

— Вы, батюшка, не рассказали мнѣ еще,—сказалъ Фредъ, возясь около лампы,—о томъ, какъ вы попали сюда, что случилось съ «Полярною звѣздой», по какому поводу вы похоронили одного изъ ва-

шихъ матросовъ по эскимосскому обычаю и какъ вы сломали себѣ ногу.

— Правда, Фредъ, я тебѣ не разсказалъ ничего объ этомъ; подробный разсказъ обо всемъ этомъ займетъ у насъ много времени впослѣдствіи, если угодно будетъ Богу, котораго благость и отеческое попеченіе никогда меня не оставляли. Но теперь я тебѣ разскажу объ этомъ въ короткихъ словахъ.

Въ первый годъ я заплылъ въ Бафиновъ Заливъ, и тамъ успѣшно занимался ловлей китовъ; но корабль затерло льдомъ и я принужденъ былъ провести зиму въ тѣхъ странахъ. На третій годъ мы освободились, и благополучно плыли домой; какъ вдругъ поднялась сильная буря, которая понесла насъ къ сѣверу, и загнала сюда. Потомъ нашъ добрый брикъ былъ сдавленъ льдинами и пошелъ ко дну, весь экипажъ при этомъ погибъ, за исключеніемъ меня и еще одного матроса. Перескакивая съ одной пловучей льдины на другую, мы успѣли добраться до плотнаго ледянаго поля и по нему дошли до твердой земли, гдѣ ласково были приняты эскимосами. Но бѣдный Уильсонъ не долго прожилъ послѣ этого. Онъ никогда не былъ крѣпкаго сложенія, и умеръ отъ чахотки чрезъ недѣлю послѣ того, какъ мы вышли на твердую землю. Эскимосы похоронили его по своему обычаю и, какъ я замѣтилъ впослѣдствіи, положили при немъ въ могилу блюдо и ложку. Эти и нѣкоторыя

другія вещи мы вынесли на берегъ послѣ кораблекрушенія, Послѣ его кончины я жилъ вмѣстѣ съ эскимосами по ихъ обычаю, ожидая удобнаго случая доѣхать на родину, или на корабль, который какъ-нибудь случайно могло занести сюда, или же съ поколѣніемъ эскимосовъ, переходящихъ къ югу. Я скоро научился ихъ языку и жилъ съ сравнительнымъ удобствомъ; но въ жестокомъ бою, который мнѣ случилось имѣть съ полярнымъ медвѣдемъ, я упалъ и сломилъ себѣ ногу. Я лежалъ здѣсь много мѣсяцевъ и много вытерпѣлъ, Фредъ; но теперь, благодаря Бога, я почти поправился, и могу нѣсколько ходить, хотя еще не безъ боли.

— Милый батюшка, какъ вы ужасно должны были чувствовать недостатокъ любящаго существа, которое ухаживало бы за вами въ тѣ мучительные мѣсяцы, и какъ вы должны были чувствовать свое одиночество.

— Нѣтъ, дитя мое, я не былъ такъ одинокъ, какъ тебѣ кажется. Я понялъ истину словъ: «Я икогда не оставлю тебя, икогда не покину тебя.» «Зови меня во время печали, и я облегчу тебя.» Эта книга, Фредъ, была моимъ главнымъ утѣшеніемъ въ длинные часы болѣзни.

Говоря это, капитанъ Эллисъ вытащилъ замаранную карманную Библию, лежавшую у него на груди.

— Эта книга принадлежала твоей матери, Фредъ, она была единственной вещью, которую я самъ

вынесъ изъ кораблекрушенія; но она была единственной вещью на всемъ брикѣ, которую я не промѣнялъ бы ни на что въ свѣтѣ. Благословенная книга! Она говоритъ о Томѣ, котораго доброту я однажды понялъ, какъ я думалъ по своему невѣжеству, но котораго любовь, какъ я впоследствии узналъ, непостижима для человѣческаго разума. Она была моимъ свѣтлымъ солнцемъ, которое никогда не заходило для меня, въ продолженіе этой длинной Арктической ночи. Она была моимъ собесѣдникомъ въ одиночествѣ, утѣшитель въ моей печали, и даже теперь увеличиваетъ мою радость; ибо она говоритъ мнѣ, что когда я совершу свой путь къ Господу, онъ исполнитъ меня радости, и я уже вижу приближающійся конецъ моего земнаго странствованія.

На глазахъ Фреда навернулись слезы, когда говорилъ его отецъ; но онъ не говорилъ ни слова.

Здѣсь было бы невозможно разсказать подробно обо всемъ томъ, что капитанъ Эллисъ разсказывалъ Фреду въ продолженіе тѣхъ нѣсколькихъ дней, когда они оставались вмѣстѣ въ эскимосской деревнѣ. Для того, чтобы разсказать подробно оприключеніяхъ, опасностяхъ, которымъ подвергался экипажъ «Полярной Звѣзды», жизнь котораго не разъ висѣла на волоскѣ, потребовалась бы цѣлая книга. Поэтому мы обойдемъ это; не станемъ также разсказывать и о томъ, что происходило въ послѣдующіе нѣсколько дней, въ продол-

женіе которыхъ было поймано нѣсколько моржей и отвезено на «Дельфинъ», куда былъ отвезенъ на саняхъ и капитанъ Эллисъ, тщательно закутанный въ оленьи кожи не отступавшимъ отъ него Фредомъ.

Ихъ сопровождала партія эскимосовъ; а такъ какъ и Сондерсъ возвратился въ сопровожденіи толпы эскимосовъ изъ другой деревни, то корабль представлялъ въ это время чрезвычайно любопытную и оживленную картину.

Эскимосы скоро построили вокругъ «Дельфина» настоящій маленькій городокъ, съ снѣжными домиками, и шумъ торговли и сношеній ласкалъ особенно пріятно слухъ тѣхъ, которые долгое время привыкли видѣть вокругъ себя мертвую тишину арктической зимы. Этотъ шумъ почти мгновенно произвелъ благотворное вліяніе на людей и собакъ. Они сразу пободрились, и это обстоятельство, вмѣстѣ съ обильной свѣжей пищей, которой они пріобрѣли большой запасъ, скоро стали прогонять скорбуть.

Было, однако, одно печальное мѣсто въ этой, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ веселой, сценѣ,—одно печальное событіе, которое угрожало наступить, помрачало все. На своей узкой постели, въ каютѣ, лежалъ умирающій Джозефъ Уэстъ. Скорбуть дѣйствовалъ быстрее на его слабое тѣло, чѣмъ можно было ожидать. Несмотря на чрезвычайныя усилія и искусство Тома Синглетона, болѣзнь не поддава-

лась леченію и скоро стало очевиднымъ, что этотъ превосходный человѣкъ покинетъ своихъ товарищей.

Въ послѣдніе дни его болѣзни капитанъ Эллисъ не отходилъ отъ него и былъ для него лучшимъ утѣшителемъ. Онъ читалъ ему Библию, указывалъ ему на Иисуса Христа и говорилъ о той любви, которой ничто не можетъ лишить его.

Джозефъ Уэстъ умеръ въ день Рождества Христова.

— О, сэръ, — сказалъ онъ капитану Эллису за часъ предъ послѣднимъ вздохомъ. — Какъ я сожалею о времени, которое я потерялъ! Какъ я жалю теперь, что не посвящалъ больше драгоценнаго времени изученію слова Божія и молитвамъ! Сколько разъ я пропускалъ удобный случай прославлять Спасителя! Когда-то все мнѣ казалось важнымъ. Теперь только одно я считаю стоящимъ того, чтобы о немъ думать.

— Да, отвѣтилъ капитанъ, — только одно нужно. Странно, что мы едва позволяемъ себѣ думать объ этомъ одномъ, пока не чувствуемъ приближенія смерти.

— Да, отвѣтилъ Уэстъ слабымъ голосомъ, — Моя надежда — Богъ. То, чѣмъ я былъ, или чѣмъ могъ бы быть, ничего не значить. Я знаю только одно — что я грѣшникъ; и знаю также то, что Иисусъ Христосъ родился на свѣтъ для того, чтобы спасти грѣшниковъ!

Это были послѣднія слова умирающаго. Скоро послѣ этихъ словъ онъ заснулъ.

На слѣдующій день тѣло Джозефа Уэста положили въ простой, сосновый гробъ, отнесли на Складочный Островъ и поставили на землѣ. На кораблѣ не было инструментовъ, чтобы вырубить ему могилу въ твердомъ гранитѣ, поэтому пришлось построить гробницу изъ камней, по образцу эскимосскихъ; подъ этой грудой камней моряки поставили гробъ своего товарища и оставили его въ одиночествѣ.

Приближался Новый Годъ и на «Дельфинѣ» дѣлались приготовленія, чтобы отпраздновать его съ обычной веселостью. Но недавняя потеря слишкомъ глубоко подѣйствовала на экипажъ, чтобы онъ могъ предаться беззаботной веселости. Утромъ читались молитвы, и капитаны Гай и Эллисъ обратились къ экипажу съ рѣчами, въ которыхъ говорили о недавней потерѣ товарища и о настоящемъ ихъ положеніи. Былъ приготовленъ также хорошій обѣдъ, за которымъ подавались нѣкоторыя лакомства и, между прочимъ, большой пуддингъ съ изюмомъ. Но грогу не подавалось и они не чувствовали въ немъ надобности. Послѣ обѣда разсказывались разныя исторіи, даже пѣлись пѣсни, но эти пѣсни были невеселыя, потому что матросы выбирали такія, которыя согласовались съ ихъ печальнымъ настроеніемъ. Вспоминали старыхъ друзей и описывали домашнія сцены. О домашнемъ

очагѣмъ разсказывали съ глубокимъ чувствомъ, которое показывало, какъ сильно они желали бы опять когда-нибудь сидѣть возлѣ него. Новый Годъ пришелъ и прошелъ, и когда онъ прошелъ, экипажъ «Дельфина» не говорилъ о немъ: «какой веселый день». Они говорили о немъ мало или ничего, но въ послѣдствіи воспоминами о немъ, какъ о свѣтломъ пятнышкѣ на фонѣ скучной зимы, проведенной въ Заливѣ Милосердія,—какъ о днѣ, въ который они наслаждались серьезнымъ, пріятнымъ, трезвымъ и задушевымъ обмѣномъ мыслей и чувствъ.

ГЛАВА XXI.

Первый лучъ свѣта.—Поѣздка, съ цѣлью привѣтствовать солнце.—Медвѣди и странное открытіе.—Безстрашіе О'Рилея.—Первый видъ солнца.

Мудрѣйшій изъ людей сказалъ, что для глазъ пріятно смотрѣть на солнце; но только тѣ, которые провели зиму въ арктическомъ поясѣ, могутъ вполне оцѣнить достоинство этого мудраго изрѣченія.

Для существованія какъ животныхъ, такъ и растеній безусловно необходимо, чтобы на нихъ падали свѣтлые лучи великаго свѣтила. Большая часть собакъ умерла отъ недостатка этого жизненнаго свѣта, и еслибъ онъ еще дольше отсутствовалъ, то и наши мореплаватели погибли бы.

Около 20 января слабые лучи свѣта, показавшіеся на горизонтѣ, возвѣстили приближеніе дня. Ихъ привѣтствовали съ восторгомъ, и задолго до появленія самого свѣтлаго солнца на южной сторонѣ горизонта большая часть моряковъ стали дѣлать ежедневныя путешествія на вершины сосѣднихъ холмовъ, чтобы видѣть какъ можно больше его слабыхъ лучей. День за днемъ эти лучи становились свѣтлѣе и, наконецъ, родъ сумерокъ освѣтилъ обширное пространство земли. Какъ ни темны были эти сумерки, но для глазъ нашихъ мореплавателей они казались свѣтлымъ днемъ. Но пришло время и появился настоящій день! Красное солнце взошло во всемъ своемъ величіи, — показало край своего свѣтлаго круга надъ замерзшимъ моремъ и скрылось, оставивъ послѣ себя веселую улыбку въ продолжительныхъ сумеркахъ. Это великое событіе случилось 19 февраля, и случилось бы раньше, еслибы не было на югѣ высокихъ клифовъ, которые заслоняли горизонтъ.

Въ день, о которомъ рѣчь, составила большую прогулку на вершины клифовъ, въ Долину Краснаго Снѣга, чтобы полюбоваться солнцемъ.

— На кораблѣ кажется не осталось ни одного человѣка, — сказалъ капитанъ Гай, когда они отправлялись на эту, истинно веселую, прогулку.

— Одинъ Миззль, сэръ, — сказалъ Боззби, хлопая руку объ руку, потому что холодъ былъ очень сильный; — онъ сказалъ, что онъ останется, чтобы

приготовить другой обѣдъ къ нашему возвращенію.

Всѣ при этомъ захохотали, потому что всякій зналъ, что почтенный поваръ имѣлъ другія причины не идти, именно его удерживала одышка и его закоренѣлое отвращеніе отъ путешествій на высокіе холмы.

— Подойди ко мнѣ, Фредъ,—сказалъ капитанъ Эллисъ,—я стану ревновать тебя къ твоему другу, Синглетону, если ты будешь проводить съ нимъ такъ много времени. Иди со мной, плутишка, объявляю тебѣ, что я хочу покалѣкать.

— Вы не справедливы въ отношеніи меня, — отвѣтилъ Фредъ, взявъ отца подъ руку и отставая вмѣстѣ съ нимъ отъ остальной компаніи; — Томъ жалуется, что я совсѣмъ его бросилъ въ послѣднее время.

— Не милая ли эта картина,—сказалъ О'Рилей Мивинсу, — дюжіе парни, точно маленькіе рабятишки, идутъ смотрѣть на восхожденіе солнца въ такое прекрасное утро?

— Да, очень милая картина,—отвѣтилъ Мивинсъ, —но я желалъ бы, чтобъ не такой былъ холодъ.

Въ самомъ дѣлѣ было очень холодно,—такъ холодно, что люди принуждены были бить руку объ руку, перескакивать съ ноги на ногу и бѣгать въ запуски, какъ настоящіе дѣти, чтобы согрѣться. Въ февралѣ были такіе холода, какихъ до сихъ поръ они еще не испытывали. Нѣсколько разъ

термометръ падалъ неслыханно — до 75° ниже нуля, или до 107 ниже точки замерзанія воды. Если мы припомнимъ нашимъ молодымъ читателямъ, что въ Англіи термометръ рѣдко понижается до нуля и что, если онъ падаетъ нѣсколько ниже, мы называемъ такую температуру страшнымъ холодомъ, — то они могутъ себѣ представить — или, вѣрнѣе, попытаться представить, — что значитъ 75° ниже нуля.

На этотъ разъ такого холода не было, иначе люди не могли бы показаться на воздухъ.

— Давайте играть въ чехарду, — отозвался Дэви; — мы можемъ такъ же точно совершить наше путешествіе прыжками, какъ и шагомъ. Ура! гопъ!

Восклицаніе «гопъ» вырвалось у него болѣе по необходимости, чѣмъ вслѣдствіе веселости, потому что оно вызвано было тѣмъ печальнымъ обстоятельствомъ, что Дэви внезапно упалъ и растянулся во всю длину на льду, послѣ неудачной попытки перепрыгнуть чрезъ голову Мивинса.

— Тебѣ всегда такая участь, — сказалъ Эмосъ Парръ; — нагибайся, Боззби.

Боззби повиновался, и Эмосъ, человѣкъ тяжелый и пережившій уже время гибкости членовъ, вмѣсто того, чтобы перепрыгнуть чрезъ его голову, вспрыгнулъ ему на плечи и задержался на нихъ.

— Не такъ высоко, ребята, — кричалъ капитанъ

Гай. — Ну те-ка, мистеръ Сондерсъ, подставьте намъ спину.

— Ему бы лучше стать на четверенькахъ.

— Вотъ такъ! прыгаете знатно; ура! ребята.

Чрезъ пять минутъ всѣ запыхались, одни отъ сильнаго движенія, а другіе, которые не принимали, или не могли принять участія въ игрѣ, отъ сильнаго смѣха. Желанный результатъ, однако, скоро былъ достигнутъ. Всѣ вполне согрѣлись и знать не хотѣли мороза.

Цѣлый часъ компанія карабкалась на крутую скалу, пока наконецъ достигла ея вершины, съ которой она надѣялась увидѣть восхожденіе солнца въ первый разъ послѣ его пятимѣсячнаго отсутствія. Только-что люди собирались перелѣзть чрезъ верхушку скалы, капитанъ Гай и Томъ Синглетонъ, лѣзшіе впереди всѣхъ, внезапно остановились и дали знакъ остальнымъ, чтобы они осторожно подвигались впередъ. Ясно было, что они увидѣли что-то необыкновенное, потому что притаились за скалой и стали пристально присматриваться изъ-за нея. Они увидѣли нѣсколько полярныхъ медвѣдей, игравшихъ по другую сторону клифовъ, на разстояніи далекаго выстрѣла. Къ несчастью, никто изъ компаніи не взялъ съ собою огнестрѣльнаго оружія. Выходя только для того, чтобы посмотрѣть на восхожденіе солнца, они совершенно упустили изъ виду, что могутъ увидѣть и что-нибудь другое. При нихъ не было даже

копья, а нѣсколькими дубинами, взятыми нѣкоторыми, нельзя было надѣяться что-нибудь сдѣлать.

Медвѣди, четыре большихъ и одинъ молодой, рѣзвились и прыгали очень забавно. Но особенно заинтересовало и удивило экипажъ то обстоятельство, что они забавлялись боченками, палаточными древками и парусами! Они шалили съ этими вещами, подбрасывали ихъ вверхъ, катали по землѣ и прыгали чрезъ нихъ, какъ котята. Въ этихъ упражненіяхъ они иногда показывали страшную силу. Ихъ прыжки, которые они дѣлали безъ всякаго усилія, были такъ велики, что нужно было удивляться силѣ ихъ желѣзныхъ мышцъ. Тяжелыя бочки они швыряли вверхъ, какъ мячики, и разбивали въ куски слабымъ ударомъ лапъ. Крепкую парусину они рвали, какъ листы бумаги.

— Крайне удивительно!—сказалъ капитанъ Гай, молча наблюдавшій нѣкоторое время за этой игрой. —Я не могу себѣ представить, откуда эти творенія могли достать такія вещи. Мистеръ Болтонъ, на Складочномъ Островѣ все было въ порядкѣ сегодня утромъ?

— Да, сэръ.

— Съ корабля ничего не пропало?

— Ничего, сэръ.

— Это непостижимо.

— Капитанъ Гай,—почтительно обратился О'Рилей къ своему командиру, —вы мнѣ рассказывали

о странной вещи, которую иногда можно видѣть въ степяхъ и которая называется миражемъ?

— Да, я говорилъ,—отвѣтилъ капитанъ, съ выраженіемъ недоумѣнія.

— Вы говорили мнѣ также, что нѣчто подобное бываетъ и въ полярныхъ моряхъ, гдѣ иногда видишь корабли, паруса и другія подобныя вещи, когда ихъ на самомъ дѣлѣ совсѣмъ нѣтъ?

— Правда, О'Рилей, говорилъ и это.

— Стало быть надо полагать, что тѣ медвѣди — миражъ, и я думаю, что чѣмъ скорѣе мы уберемся отъ этого миража, тѣмъ лучше.

— Громкій хохотъ привѣтствовалъ это разрѣшеніе трудной загадки.

— Я думаю, что я могу объяснить это лучше, прошу васъ извинить меня О'Рилей,—сказалъ капитанъ Эллисъ, который до сихъ поръ слушалъ съ скрытой улыбкой.— Больше года тому назадъ, когда я плылъ мимо этого мѣста на сѣверъ, я воспользовался штилемъ, чтобы сложить здѣсь запасъ пищи и лекарствъ, чтобы потомъ имѣть подспорье на случай кораблекрушенія гдѣ-нибудь на сѣверѣ. Съ того времени, какъ я дѣйствительно потерпѣлъ кораблекрушеніе, я рассчитывалъ на этотъ складъ припасовъ, какъ на прибѣжище, если случится предпринять путешествіе на югъ. Какъ я вамъ уже говорилъ, я не имѣлъ удобнаго случая предпринять это путешествіе, а теперь я не нуждаюсь

въ этихъ вещахъ—и къ моему счастью, потому что медвѣди, кажется, совершенно завладѣли ими.

— Еслибъ я зналъ объ этомъ складѣ раньше, то медвѣдямъ не удалось бы завладѣть имъ, — сказалъ капитанъ Гай.

— Этимъ можно объяснить и появленіе въ желудкѣ убитой нами медвѣдицы комковъ табаку и липкаго пластыря, — замѣтилъ Фредъ смѣясь.

— Это такъ, мой другъ; но меня крайне удивляетъ, какимъ образомъ они успѣли вломиться въ этотъ складъ, онъ былъ сдѣланъ изъ тяжелыхъ камней, изъ которыхъ многіе были такіе, которые два или три человѣка едва могли поднять даже при помощи рычаговъ.

— Что за приключеніе съ О'Рилеемъ?—сказалъ Фредъ, указывая на этого чудака, который съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за игрой медвѣдей, бормоча что-то сквозь зубы и судорожно сжимая въ рукѣ кеглю.

— Намъ будетъ стыдъ и срамъ, — говорилъ онъ про себя, не замѣчая, что за нимъ наблюдаютъ, — если мы позволимъ вамъ уйти. О, еслибъ у меня было ружье! Но у меня нѣтъ его. Хоть бы пика на этотъ разъ. Эхъ, чортъ возьми! Неужто я этой кеглей не проломлю черепа хоть медвѣженку? А ну, попробовать!

При послѣднемъ словѣ, прежде чѣмъ кто-нибудь успѣлъ догадаться о его намѣреніи, этотъ сынъ Зеленой Земли, въ которомъ была горячая кровь, со

скочилъ съ клифовъ и бросился къ медвѣдямъ, крича и махая палкой. Медвѣди тотчасъ пріостановили свою забаву, но не обнаружили никакого расположенія къ отступленію.

— Съумасшедшій ты, назадъ!—закричалъ капитанъ; но капитанъ кричалъ напрасно.

— Остановись! стой! назадъ!—кричалъ экипажъ хоромъ.

Но О'Рилей былъ глухъ; онъ подбѣжалъ къ медвѣдямъ на разстояніе нѣсколькихъ шаговъ и рѣшительно подвигался впередъ, чтобы напасть на медвѣженка.

— Они его разорвутъ, — кричалъ Фредъ въ отчаяніи.

— За мной, ребята,—крикнулъ капитанъ, прыгая съ вершины скалы; шумите всѣ, что есть мочи.

Съ громкими криками и неистовымъ визгомъ моряки тотчасъ сбѣжали со скалы и, какъ потокъ съумасшедшихъ, понеслись на медвѣдей!

Какъ они ни были смѣлы, на этотъ разъ не устояли, — завернули хвосты и убѣжали, преслѣдуемые крикомъ обманутаго въ надеждѣ О'Рилея и его кеглей, которую онъ со всей силы пустилъ вслѣдъ за ними.

Обративъ такимъ образомъ непріятеля въ бѣгство, торжествующіе побѣдители опять стали взбираться на скалу и скоро достигли ея вершины.

— Наша взяла! — кричалъ Фредъ, поднявъ

вверхъ руки, перелѣзши прежде всѣхъ вмѣстѣ съ Мивинсомъ чрезъ верхушку скалы.

Матросы громко кричали отъ радости, вынырвая изъ-за скалы и окунываясь въ красные лучи солнца. Ихъ нельзя было назвать теплыми, потому что они были совершенно безсильны въ этой морозной атмосферѣ, и такъ какъ только небольшая часть солнечнаго круга видна была надъ горизонтомъ; но его свѣтъ озарилъ всѣ окрестные утесы. Матросы, однако, которые усѣлись группами на скалѣ и, такъ сказать, купались въ солнечныхъ лучахъ и любовались свѣтиломъ, смотря на его кругъ полужакрытыми глазами, единогласно объявили, что они ощущаютъ его теплоту и слышать не хотѣли, если кто утверждалъ противное. Напрасно Сондерсъ старался доказать имъ, что безконечно малую степень теплоты, сообщаемой такими слабыми лучами, можно ощущать развѣ только въ воображеніи. Сондерсъ былъ побѣжденъ большинствомъ голосовъ. Въ самомъ дѣлѣ, при настоящихъ обстоятельствахъ, ему никакъ не могло удался доказать эту мысль; потому что чѣмъ жарче становился споръ, тѣмъ больше развивалось въ спорящихъ животной теплоты, которую они ложно приписывали солнцу.

Но терпѣніе есть добродѣтель, которая въ концѣ концовъ всегда торжествуетъ. Мысль, которую Сондерсъ не успѣлъ доказать словомъ, вполне была доказана (хотя и не была принята) дѣломъ —

морозомъ. Это замѣчательно злое твореніе расположилось между моряками, грѣвшимися на солнышкѣ, и скоро заставило ихъ повскакивать со своихъ мѣстъ и прибѣгнуть къ другимъ источникамъ теплоты. Они стали плясать и снова принялись за чехарду. Сильныя движенія развили въ нихъ въ значительной степени теплоту, а всеобщіе запуски согрѣли ихъ до лѣтней температуры и въ тоже время дали случай поймать кролика. Это маленькое животное, какихъ имъ до сихъ поръ немного удалось поймать, выскользнуло изъ-подъ камня предъ самымъ носомъ матросовъ, которые, начавъ бѣгать въ запуски для забавы, кончили съ пользой. Дюжина палокъ полетѣла на злосчастнаго кролика и одна изъ нихъ повалила его на землю.

Послѣ этой охоты, они съ торжествомъ возвратились домой, и въ продолженіе всего пути вели оживленный диспутъ о количествѣ теплоты, заключавшейся въ солнечныхъ лучахъ, и о неразрѣшимомъ вопросѣ—«кто убилъ кролика?»

Они пришли на корабль, не успѣвъ разрѣшить ни одного изъ этихъ вопросовъ, и мы прибавимъ отъ себя на случай, если читатели полюбопытствуютъ узнать,—что и до сихъ поръ эти вопросы еще остаются неразрѣшенными.

ГЛАВА XXII.

«Арктическое Солнце». — Крысы, крысы и крысы. — Охота. — На
льдинахъ. — Лишенія.

Въ числѣ многихъ предпріятій для развлеченія экипажа во время его продолжительнаго заключенія въ деревянномъ домѣ въ арктическихъ странахъ, было изданіе газеты, предпринятое Фредомъ, подъ названіемъ «Арктическое Солнце», какъ мы уже упоминали.

Такое названіе дано было ей потому, какъ объявилъ Фредъ въ своей первой передовой статьѣ, что цѣлью ея было бросить свѣтъ на многіе предметы въ такое время, когда другое солнце не освѣщало ихъ. Мы не можемъ не пожалѣть, что не имѣемъ въ своемъ распоряженіи ни одного номера этого, испачканнаго пальцами, періодическаго изда-

нія, чтобы представить нашимъ читателямъ копію съ него; но, держась того мнѣнія, что лучше что-нибудь, чѣмъ ничего, мы переписываемъ слѣдующій отрывокъ, какъ образчикъ статей, доставлявшихся Фреду изъ Форкастеля. Онъ озаглавленъ былъ такъ:

«Мнѣнія Джона Боззби о вещахъ вообще.»

Господинъ Издатель,—такъ какъ вы были столь добры, просили меня написать статейку для вашей почтенной газеты, то позвольте мнѣ заявить вамъ, что эта статья имѣетъ цѣлью представить общій обзоръ событій, которыя теперь происходятъ. Вашимъ читателямъ пріятно будетъ узнать, что въ послѣднее время стало холоднѣть, но имъ будетъ еще пріятнѣе узнать, что до половины слѣдующаго лѣта все будетъ становиться теплѣе и теплѣе. Всѣ жалуются на Мивинса, что онъ все ѣстъ сахаръ въ кладовой и что по этой причинѣ мы принуждены ограничиваться малыми порціями. Дэви Соммерсъ говорилъ, что онъ видѣлъ его за этимъ дѣломъ, и правительство обязано предъ публикой разслѣдовать это дѣло. Въ послѣднее время на кораблѣ расплодилось необыкновенное множество крысъ и Дэви Соммерсъ регулярно каждый день охотится на нихъ. Этотъ малый пріобрѣлъ необыкновенное искусство стрѣлять изъ лука, потому что онъ теперь никогда не дѣлаетъ промаховъ, за

исключеніемъ, конечно, тѣхъ случаевъ, когда не попадаетъ, — и большей частью попадаетъ въ кончикъ носа. Весь экипажъ желаетъ знать, есть ли сѣверный полюсъ-коль *) или точка. Миззль говорить, что онъ есть точка, а О'Рилей клянется (нѣтъ, онъ не клянется, потому что мы зареклись клясться, а говорить), что это есть настоящій коль, почти такой же толщины, какъ главная мачта, только въ девять разъ выше ея. Гримъ говорить, что сѣверный полюсъ ни то, ни другое, — но такъ или иначе — этотъ предметъ есть, хотя не существуетъ совсѣмъ. Мы теперь на морѣ и постоянно заняты; а такъ какъ докторъ Синглетонъ ученый человѣкъ, то онъ можетъ быть напишетъ намъ статейку объ этомъ предметѣ въ слѣдующемъ номерѣ вашей газеты. Итакъ, мнѣ теперь больше не о чемъ говорить.

Готовый къ вашимъ услугамъ,

Джонъ Боззби.

Къ этой статейкѣ приложенъ былъ рисунокъ. На этомъ рисункѣ была изображена кладовая, въ которой сидѣлъ Мивинсъ и ѣлъ сахаръ ложкой, а Дэви Соммерсъ заглядывалъ въ щелочку, — оба портрета были сдѣланы превосходно.

*) Pole означаетъ по-англійски полюсъ и коль. Пер.

Нѣкоторыя статьи въ «Арктическомъ Солнцѣ» были серьёзнаго содержанія, а остальные шутиваго, но всё были очень полезны; потому что Фредъ заботился о томъ, чтобы наполнять свой журналъ или интересными статьями, или такими, надъ которыми можно бы было посмѣяться. Можно навѣрно сказать, что ни одна газета подобнаго рода не ожидалась своими читателями съ такимъ нетерпѣніемъ и не перечитывалась съ такой жадностью, какъ эта. Она была средствомъ, дѣйствовавшимъ дольше всякихъ другихъ средствъ на расположеніе духа экипажа, не давая ему унывать.

Охота на мышей, о которой говорилось въ приведенномъ выше «обозрѣніи», не была выдумкой воображенія Боззби. Она дѣйствительно происходила. Несмотря на чрезвычайный холодъ негостепріимнаго климата, крысы расплодились на кораблѣ до такой степени, что стали дѣлать настоящій вредъ. Онѣ ничему не давали спуска; все-равно, было ли вещество съѣдомое или несъѣдомое, онѣ изгрызали его и разрушали. Ихъ безстыдство, возраста съ ихъ числомъ, превзошло наконецъ всякое вѣроятіе. Ихъ было вездѣ полно: въ кладовой, около кроватей, въ ящикахъ, на диванахъ подъ подушками, между мхомъ около стѣнъ, въ сапогахъ и рукавицахъ матросовъ (когда они не были надѣты). И они такъ привыкли къ тому, что въ нихъ бросали разныя вещи, что совершенно усво-

или себѣ искусство, называемое Боззби «имѣть одинъ глазъ насторожѣ».

Попасть въ крысъ нельзя было никакимъ образомъ. Если вы замахнетесь на нее какимъ-нибудь предметомъ, которымъ вы намѣрены тотчасъ уничтожить ее, она остановится и выпучить на васъ глаза, какъ будто желая сказать: «что опять хочешь испытать свою ловкость? прекрасно, вотъ тебѣ и цѣль.» Но если вы бросите, то, при самомъ мѣткомъ ударѣ, попадете только въ то мѣсто, съ котораго сбѣжала ваша дичь. Или, если вы схватите палку и съ гнѣвомъ броситесь на врага, онъ выскалить свои бѣлые зубы и исчезнетъ, сдѣлавъ хвостомъ такое движеніе, которымъ не выражается ничего иного, кромѣ презрѣнія.

Наконецъ было придумано оружіе для уничтоженія этихъ непріятныхъ сожителей. Матросы подѣлали себѣ маленькіе луки и стрѣлы съ тяжелыми тупыми, наконечниками, и этимъ оружіемъ убивали сотни. Кому приходилось устроить маленькую охоту, тотъ бралъ лукъ и стрѣлы и, забравшись въ темный уголъ, выжидалъ враговъ. Дэви Соммерсъ заслужилъ титулъ Нимврода за свои подвиги на этомъ полѣ.

Сперва крысы служили превосходнымъ добавочнымъ блюдомъ къ столу собакъ, но наконецъ и нѣкоторые матросы стали ѣсть ихъ съ охотой, въ особенности, когда свѣжее мясо совершенно вышло и началъ появляться скорбутъ. Къ кораблю

подходило множество бѣлыхъ лисицъ, которыя также служили пріятной свѣжей пищей. Но одно время всѣ эти источники исчезли и экипажу пришлось терпѣть крайнія лишения, — кромѣ соленого мяса нечего было больше ѣсть. Несмотря на оживляющее вліяніе солнца, матросы, съ упадкомъ физическихъ силъ, начали падать и духомъ. Около двухъ третей экипажа лежало въ постеляхъ. Офицеры сохраняли свои силы и здоровье, безъ сомнѣнія, вслѣдствіе своихъ заботъ о другихъ. Они заступили мѣсто матросовъ во всемъ, — прислуживали имъ, таскали воду, ходили за топливомъ, готовили пищу, — словомъ исполняли божескую заповѣдь: «любя служите другъ другу.»

Въ самое печальное для нихъ время была составлена партія и послана на охоту за моржами.

— Если эта охота не удастся, — сказалъ капитанъ Гай Тому Синглетону, — то нѣкоторымъ изъ насъ не выжить. Я въ этомъ убѣжденъ. Бѣдный Боззби чуть волочитьъ ноги, а отъ Мивинса осталась одна тѣнь.

Докторъ молчалъ, потому что капитанъ говорилъ истину.

— Набирайте себѣ людей, мистеръ Больтонъ, и послѣ завтрака отправляйтесь въ путь съ вашей партіей, — прибавилъ капитанъ, обращаясь къ старшему лейтенанту. — Кто можетъ отправиться съ вами?

— Петръ Гримъ можетъ, сэръ; онъ еще крѣ-

покъ и не сильно страдаетъ скорбутомъ; я думаю, что и мистеръ Сондерсъ также можетъ.

Нѣтъ прервалъ докторъ, Сондерсъ долженъ остаться. Онъ на видъ не очень боленъ, и я полагаю, что и въ самомъ дѣлѣ здоровье его вообще не дурно; но мнѣ не нравятся нѣкоторые симптомы.

Въ такомъ случаѣ, докторъ, мы можемъ обойтись и безъ него. Можетъ отправиться Томъ Гримъ и О'Рилей. Кажется ничто не можетъ сломить О'Рилея. Потомъ можетъ отправиться. —

— Можетъ отправиться, Фредъ Эллисъ, закричалъ Фредъ самъ, присоединяясь къ группѣ разговаривающихъ; я отправлюсь съ вами, если вамъ угодно будетъ взять меня съ собой.

— Мы почтемъ за счастье, если вы присоединитесь къ намъ; здоровыхъ рукъ у насъ очень мало, но, какъ видно, можно еще набрать ихъ достаточно.

Капитанъ указалъ на Эмоса Парра и еще на двухъ или трехъ человѣкъ, и отпустилъ своего старшаго помощника приготовляться къ немедленному выступленію въ путь.

— Мнѣ не совсѣмъ пріятно, Фредъ, что ты отправляешься, — сказалъ капитанъ Эллисъ. Въ послѣднее время ты не особенно былъ здоровъ, а охота на льдинахъ, я по собственному опыту знаю, очень не легкое дѣло.

— Не бойтесь за меня, батюшка, я совершен-

но оправился отъ недавней болѣзни, которая вовсе не была тяжкая, и знаю очень хорошо, что, при настоящихъ обстоятельствахъ, тотъ, кто здоровъ, долженъ работать пока у него хватитъ силъ.

— Эй, ребята, шевелись; готовы ли вы?—закричалъ старшій лейтенантъ изъ люка.

Готовы, сэръ, отвѣтилъ Гримъ, и—черезъ нѣсколько минутъ охотники уже стояли возлѣ саней, съ перетянутыми чрезъ плечо ремнями, готовые тронуться. Они принуждены были сами тащить сани, потому что большая часть собакъ или уже поумирали или умирали отъ той странной болѣзни, о которой мы говорили въ одной изъ предыдущихъ главъ.

Они молча выступили въ путь; но не успѣли еще отойти и двухъ десятковъ шаговъ, какъ капитанъ Гай почувствовалъ, что выправлять ихъ такъ не годится.

— На верхъ ребята, три сердечныхъ ура товарищамъ, закричалъ онъ и, вскочивъ на палубу, первый подалъ примѣръ.

Нѣсколько моряковъ, которые могли выйти на палубу и одинъ или два больныхъ, которымъ удалось высунуть голову изъ люка, подняли вверхъ рукавицы — за неимѣніемъ шапокъ и прокричали три искреннихъ Британскихъ ура. Это братское прощаніе товарищей какъ электрическая искра подействовало на унылыхъ охотниковъ. Они вздохнули какъ конь почувствовавшій шпоры, поворо-

тились назадъ и возвратили ура съ такой же искренностью. Обстоятельство это повидимому пустое, но оно облегчило имъ путь и сдѣлало его для нихъ менѣе утомительнымъ на много миль.

— Я совсѣмъ измучился,—сказалъ О'Рилей, садясь на ледяной холмъ вечеромъ на другой день путешествія; вотъ мы уже два дня въ дорогѣ—и ни малѣйшаго слѣда жизни.

— Ну, не подавайся, О'Рилей,—сказалъ Болтонъ ободряя, — я увѣренъ, что мы сегодня на нападѣмъ моржа.

— И я такъ думаю,—сказалъ Фредъ;—мы такъ далеко зашли по льдинамъ, что открытая вода должна быть близко.

— Ну, идемъ же,—сказалъ Петръ Гримъ,—зачѣмъ терять время на разговоры.

О'Рилей всталъ, перетянулъ ремень чрезъ плечо и медленно поплелся съ остальными.

Ихъ съѣстные припасы были уже на исходѣ. и они хорошо знали, что, если не встрѣтятъ скоро моржа или медвѣдя, то должны будутъ возвратиться домой какъ можно поспѣшнѣе, чтобы не умереть съ голоду. Поэтому они не мало обрадовались, когда, обогнувъ ледяную гору, увидѣли большаго медвѣдя, беззаботно шагавшаго къ нимъ навстрѣчу. Въ одинъ мигъ они сняли съ себя ремни и схватили ружья. Но, къ несчастью, въ стволы набилось снѣгу, такъ что потребовалось бы нѣкоторое время, чтобы вычистить ихъ. Въ

такомъ затрудненіи, Петръ Гримъ схватилъ топоръ и побѣжалъ на медвѣдя, а О'Рилей напалъ на него съ гарпуномъ. Гримъ отвѣсилъ ужасный ударъ своимъ оружіемъ, которымъ думалъ раздвоить голову звѣрю; но его намѣреніе было лучше выполненія, потому что его ударъ, не попавъ въ медвѣдя, разразился надъ краемъ ледяного холма и отвалилъ огромный кусокъ льда. О'Рилей имѣлъ большій успѣхъ. Онъ бросилъ гарпунъ въ плечо животному, но остріе его оружія согнулось о плечную лопатку и заѣхало покрайней мѣрѣ на три фута подъ кожу. Эта рана, хотя не смертельная, причинила мишенькѣ такую боль, что онъ поднялъ ужасный ревъ въ знакъ неодобренія, поворотился на лѣво кругомъ и убѣжалъ!—трусость такъ не свойственная полярнымъ медвѣдямъ, что охотники были поражены ею. Вслѣдъ ему и было послано нѣсколько выстрѣловъ, но онъ скоро исчезъ между ледяными холмами, отдѣлавшись отъ гарпуна О'Рилея.

Эта неудача очень смущала охотниковъ; но они не имѣли времени думать о ней, потому что скоро поднялся вѣтеръ, побудившій ихъ искать защиты за ледяными горами, среди которыхъ они построили себѣ снѣжную хижину. Ночью свирѣпствовала ужасная буря, и термометръ показывалъ 40° ниже нуля. Небо сдѣлалось чернымъ какъ чернила, вихрь съ страшнымъ завываньемъ кружилъ вокругъ хижины; дикій вѣтеръ дулъ прямо

съ сѣвера, какъ бѣшеный звѣрь ревя и завывая надъ замерзшимъ моремъ. Онъ продолжался всю эту ночь и слѣдующій день. Потомъ прекратился и въ первый разъ въ продолженіе этой зимы упала гололедица, такъ что передъ утромъ ихъ спальныя мѣшки и обувь насквозь промокли. Это, однако, не долго продолжалось. Черезъ нѣсколько часовъ опять появился морозъ, такой же какъ и всегда и превратилъ ихъ замокшую одежду и постель въ твердыя ледяныя дощечки. Къ этому несчастію присоединилось еще и то, что провизія у нихъ вышла, и они принуждены были оставить хижину и поспѣшить на корабль. Они медленно плелись по глубокимъ сугробамъ, нанесенныхъ вѣтромъ, и къ ночи съ величайшимъ ужасомъ замѣтили, что они сбились съ пути и находятся не въ далекомъ разстояніи отъ хижины. Въ отчаяніи они возвратились вѣнее назадъ, чтобы провести ночь, и, скрѣпя сердце, разостлавъ на спѣгу свои оледяныя спальныя мѣшки, молча, безъ ужина легли отдохнуть до утра.

ГЛАВА XXIII.

Неожиданные пришельцы.—Экспедиція для отысканія пропавшихъ Успѣхъ ея и возвращеніе на корабль.

На шестую ночь послѣ того какъ партія охотниковъ оставила корабль, Гримъ и Фредъ внезапно появились на кораблѣ. Было совершенно темно, и нѣсколько человѣкъ моряковъ, которые могли вѣдать съ постелей, сидѣли въ каютѣ за скуднымъ ужиномъ.

— Ахъ! Фредъ,—закричалъ капитанъ Эллисъ, когда его сынъ шатаясь вошелъ въ каюту и опустился на диванъ.—Что случилось, мой другъ? гдѣ же остальные?

Фредъ не могъ отвѣчать; ни онъ, ни Гримъ не могли слова сказать сначала. Очевидно было то что они крайне изнурены и голодны. Но глотокъ супа поданный Томомъ Синглетономъ, нѣсколько подкрѣпилъ ихъ.

— Я боюсь, что наши товарищи погибли.

— Погибли!—воскликнулъ капитанъ Гай?—Какъ погибли? Говори, мой другъ, но погоди, проглоти сперва еще ложку супу. Гдѣ вы ихъ оставили?

Фредъ безсмысленно смотрѣлъ на капитана.—На льду къ сѣверу; вотъ я вамъ скажу, что за умирительный сонъ мнѣ снился! при этомъ онъ громко захохоталъ. Очевидно, что голова бѣднаго Фреда была повреждена, поэтому отецъ съ Томомъ Синглетономъ отнесли его въ постель.

Все это время Гримъ сидѣлъ на диванѣ, покачиваясь то въ ту, то въ другую сторону, какъ пьяный и не обращая никакого вниманія на безчисленные вопросы, которыми засыпали его Сондерсъ и товарищи.

— Это плохо!—сказалъ капитанъ Гай, потирая лобъ.

— Нужно отправиться на поиски,—сказалъ капитанъ Эллисъ.—Нѣтъ сомнѣній, что они, выбившись изъ силъ, остались на льду и послали Фреда съ Гримомъ извѣстить насъ объ этомъ.

— Я знаю,—отвѣтилъ капитанъ Гай,—что нужно отправиться на поиски, и притомъ немедленно, чтобы изъ этого могло что-нибудь выйти. Но въ какомъ направленіи итти, вотъ вопросъ. Отъ этихъ несчастныхъ ничего не добьешься. «На льду къ сѣверу», — это очень неопредѣленное свѣдѣніе. Фредъ, Фредъ, не можете ли вы сказать намъ, въ какую сторону нужно итти, чтобы отыскать ихъ?

— Да, далеко, на льду между ледяными холмами, далеко,—пробормоталъ Фредъ почти безсознательно.

— Нужно удовлетвориться этимъ свѣдѣніемъ. Ну, мистеръ Сондерсъ, помогите мнѣ прибрать малыя сани. Я самъ пойду искать ихъ.

— И я иду съ вами, сэръ,—поспѣшилъ сказать младшій лейтенантъ.

— Я боюсь, что вы не въ состояніи будете итти.

— Не беспокойтесь обо мнѣ, сэръ. Я здоровѣе чѣмъ вы думаете.

— И я также долженъ итти,—сказалъ капитанъ Эллисъ; я вижу, что поиски безъ меня не могутъ состояться.

— Это невозможно,—прервалъ докторъ.—Ваша нога еще не достаточно окрѣпла для такого путешествія. Кромѣ того, любезный капитанъ, вы должны остаться на кораблѣ, чтобы исполнять мои обязанности, такъ какъ корабль не можетъ оставаться безъ доктора, а я иду съ капитаномъ Гай, если онъ мнѣ позволитъ.

— Онъ вамъ этого не позволитъ,—сказалъ капитанъ.—Вы правду говорите, что корабль не можетъ оставаться безъ доктора. Ни вамъ, ни моему другу Эллису я не позволяю оставлять корабль. Но зачѣмъ тратить время на разговоры. Пойдемъ, Соммерсъ и Миззль,—вы достаточно здоровы чтобы присоединиться къ намъ, и ты, Митэкъ, ты будешь

показывать намъ дорогу. Живѣй готовься да и въ путь.

Меньше какъ чрезъ полчаса все было готово, и наши сыщики отправились по льду по направленію къ сѣверу. Ихъ было всего шесть человѣкъ, такъ какъ къ упомянутымъ выше добровольно изъявилъ желаніе присоединиться еще одинъ изъ менѣе изнуренныхъ матросовъ.

Ночь была очень темная и холодная; но они не взяли съ собой ничего кромѣ платья, которое было на нихъ, и сѣсныхъ припасовъ для потерянныхъ товарищей, да еще спальныхъ мѣшковъ, и небольшой кожанной палатки. Капитанъ также позаботился захватить съ собой бутылку водки.

Колоссальныя горы, тянувшіяся вдоль берега, показывали имъ путь; но послѣ десяти часовъ безостановочной ходьбы они минули большую часть тѣхъ горъ, съ которыми они были знакомы, и вышли въ незнакомыя мѣста.

Тутъ нужно было подвигаться впередъ съ большою осмотрительностью. Они узнали, что потерянные товарищи должны были находиться отъ нихъ на разстояніи двадцати миль; но они не имѣли никакихъ средствъ точноузнать мѣсто, гдѣ они находятся, потому что слѣды не могли сохраниться такъ долго. При такихъ обстоятельствахъ, капитану Гаю оставалось положиться только на свою смѣтливость.

Влѣзши на ледяной холмъ, онъ осмотрѣлъ боль-

шое пространство ровнаго ледянаго поля, тянува-
шагося къ сѣверу.

— Мнѣ кажется очень вѣроятнымъ, — сказалъ онъ
сопутствовавшему ему Сондерсу, — что они пошли
въ эту сторону. Между хаосомъ ледяныхъ холмовъ
есть дорога, которая должна была привлечь ихъ.

— Я не увѣренъ въ этомъ — возразилъ Сондерсъ;
вонъ тамъ на западъ идетъ довольно чистая до-
рога, можетъ быть они по ней пошли.

— Можетъ быть; но такъ какъ Фредъ сказалъ,
что они зашли по льду далеко на сѣверъ, то мнѣ
кажется болѣе вѣроятнымъ, что они пошли имен-
но въ ту сторону.

— Можетъ быть вы правы, сэръ, а можетъ
быть и не правы, — отвѣтилъ Сондерсъ, когда они
возвратились къ товарищамъ. Такъ какъ младшій
лейтенантъ имѣлъ обыкновеніе всегда такъ выра-
жаться, когда чувствовалъ, что онъ долженъ со-
гласиться (онъ никогда безусловно не соглашался),
то капитанъ только больше утвердился въ своемъ
мнѣніи.

— Теперь, Митэкъ, смотри въ оба, — сказалъ онъ,
когда они возобновили свой быстрый маршъ.

Прошедши значительное пространство, капитанъ
Гай велѣлъ людямъ разойтись въ разныя стороны
для большей вѣроятности напасть на слѣды; но
они постоянно сходились, какъ будто ихъ притя-
гивала другъ съ друга какая-то неодолимая сила,
несмотря на ихъ искреннее желаніе не сходиться.

Въ самомъ дѣлѣ, они ослабѣли отъ продолжительной ходьбы и чрезвычайнаго холода.

Послѣдній былъ такъ жестокъ, что необходимо было непрерывно двигаться, чтобы не замерзнуть. Отдыхать было нѣкогда,—жизнь и смерть были положены на вѣсы. Ихъ единственная надежда заключалась въ постоянномъ и быстромъ движеніи впередъ; только такимъ образомъ они могли отыскать пропавшихъ товарищей, прежде чѣмъ они замерзнутъ или умрутъ съ голоду.

Гей! смотрите здѣсь!—отозвался Митэкъ, остановившись и присѣвши на колѣна, чтобы разсмотрѣть замѣченные имъ знаки на снѣгу.

— Это слѣды, слѣды, — закричалъ капитанъ Гай; — какъ вы полагаете, Сондерсъ?

— Да, кажется слѣды.

— Иди по нимъ Митэкъ, а остальные разойдитесь попрежнему.

Черезъ нѣсколько минутъ послышался крикъ, и когда поспѣшили къ мѣсту, откуда онъ былъ слышенъ, то увидѣли Дэви Соммерса, тоторый указывалъ на маленькую снѣжную хижину посреди группы ледяныхъ горъ.

Они поспѣшили къ этой хижинѣ, и капитанъ Гай съ страшнымъ предчувствіемъ поползъ въ нее.

Ахъ! вы самиздѣсь, добрый капитанъ?—привѣтствовали его несчастные.

— Громкій радостный крикъ оставшихся снаружи свидѣтельствовалъ, что и они слышали это привѣтствіе.

Тотчасъ двое изъ нихъ вползли въ хижину, вырубилъ огонь и зажгли лампу, которая освѣтила изнуренныя лица ихъ товарищей, которые лежали на полу въ спальныхъ мѣшкахъ. Они извелись голодомъ, но во всѣхъ другихъ отношеніяхъ были безукоризненны.

Послѣ первыхъ привѣтствій, сыщики тотчасъ занялись приготовленіемъ къ ночлегу. Они сами выглядѣли немного лучше тѣхъ, которыхъ пришли спасать, прошедши осьмнадцать часовъ не отдыхая, безъ пищи и питья.

Трогательно было видѣть слезы радости и благодарности, навернувшіяся на глаза этихъ несчастныхъ, считавшихъ себя погибшими: слезы, съ которыми они слѣдили за движеніями своихъ товарищей, приготовлявшихъ для нихъ пищу. Въ ихъ прерывистомъ разговорѣ странно чередовались шутки и глубокія чувства, свидѣтельствовавшія о борьбѣ, различныхъ ощущеній, происходившей въ ихъ груди.

— Я былъ увѣренъ,—что вы придете, капитанъ; благодаримъ васъ, сэръ,—сказалъ Эмосъ Парръ слабымъ голосомъ.

Стало быть ты былъ увѣренъ, замѣтилъ О'Рилей энергически.—Ну, да полно вамъ рассказывать съ лейтенантомъ; у меня животъ совсѣмъ подвело.

— Я боюсь, что всѣ мы не помѣстимся здѣсь,—замѣтилъ Болтонъ.

Въ самомъ дѣлѣ помѣститься было негдѣ. Хижина была построена для шестерыхъ человѣкъ, и десятерымъ не возможно было спать въ ней, хотя новоприбывшіе и ухитрились протиснуться въ нее.

— Не безпокойтесь объ этомъ. Вотъ съѣшьте немножко супу; полегче, не сразу.

— Ахъ, это жестоко съ вашей стороны заставлять меня довольствоваться такимъ незначительнымъ пріемомъ,—сказалъ О'Рилей.

Однако необходимо было давать людямъ, находящимся въ такомъ положеніи, «незначительный пріемъ», и потому О'Рилею приходилось удовольствоваться такой дозой. Между тѣмъ сыщики поужинали отлично; и, давъ полуумирающимъ съ голоду еще немного супу, занялись приготовленіями къ ночлегу. Они распростерли палатку и разостлали на снѣгу спальные мѣшки; потомъ капитанъ воздалъ горячее благодареніе Богу за его покровительство и прочелъ короткую, но сильную молитву объ избавленіи ихъ изъ ихъ опаснаго положенія. Послѣ молитвы всѣ легли и крѣпко проспали до утра, но крайней мѣрѣ настолько крѣпко, насколько это было возможно при температурѣ въ 55° ниже нуля.

На слѣдующее утро они стали приготовляться въ обратный путь. Но это было не легкимъ дѣломъ. Истощенныхъ людей нужно было тщательно закутать; ихъ плотно обшили толстымъ сук-

номъ, запаковали въ спальные мѣшки и совершенно закрыли, оставивъ только небольшое отверстіе противъ рта для дыханія; въ такомъ видѣ ихъ положили одного возлѣ другаго на меньшія сани. Большія сани съ ружьями, аммуниціей и запасными спальными мѣшками пришлось оставить. Потомъ сыщики перетянули чрезъ плечи ремни отъ саней и пошли по ледяному полю.

Но тянуть было страшно тяжело для людей, прошедшихъ такое пространство наканунѣ и ослабѣвшихъ отъ болѣзни. Кромѣ того, дорога по льду была такая неровная, что имъ часто приходилось переносить тяжелыя сани съ ихъ живой кладью чрезъ глубокія трещины, на что они, при менѣе отчаянныхъ обстоятельствахъ, навѣрно не рѣшились бы. Несмотря на крайнія усилія, они не могли проходить больше мили въ часъ, и ихъ застигла ночь прежде, чѣмъ они успѣли добраться до гладкаго льда. Но имъ чрезвычайно важно было продолжать путь; итакъ они все шли впередъ, пока не поднялся вѣтеръ, который пронизывалъ ихъ до костей. Къ счастью, имъ свѣтила луна, такъ что они могли отыскивать себѣ дорогу между ледяными холмами. Внезапно, безъ постепеннаго къ тому приближенія, вся партія почувствовала печальный упадокъ энергіи. Капитанъ Гай, которому извѣстно было, какая опасность угрожаетъ имъ, если они поддадутся этому чувству, словами и голосомъ поощрялъ людей къ большимъ усиліямъ;

но не успѣлъ поднять ихъ духъ. Они похожи были на людей, блуждающихъ во снѣ.

— Ну, Сондерсъ, ободритесь, — кричалъ капитанъ, потрясая лейтенанта за руку; но Сондерсъ не трогался съ мѣста; онъ стоялъ покачиваясь то въ ту, то въ другую сторону, какъ опьянѣлый. Миззль умолялъ, чтобъ ему позволили заснуть хоть на двѣ минуты, а бѣдный Дэви Соммерсъ рѣшительно повалился на снѣгъ, съ котораго онъ никогда бы не поднялся больше, еслибъ его оставили.

Положеніе было отчаянное. Напрасно капитанъ толкалъ и тресъ полусонныхъ. Они объявили, что не чувствуютъ холода, что имъ совершенно тепло и только хочется немножко соснуть. Онъ увидѣлъ, что спорить съ ними бесполезно; итакъ ничего больше не оставалось, какъ раскинуть палатку.

Это было исполнено насколько было возможно скоро; и затѣмъ разгрузили сани и ихъ живую кладь поносили въ палатку. Потомъ и остальные столпились въ ней, попадали другъ возлѣ друга и въ тоже мгновеніе заснули. Чрезмѣрная давка въ маленькой палаткѣ была очень выгодна въ это время, потому что способствовала увеличенію животной теплоты. Капитанъ Гай позволилъ имъ заснуть всего два часа и потомъ разбудилъ, чтобы продолжать путь. Какъ ни коротокъ былъ этотъ отдыхъ, однако онъ былъ достаточнымъ для того, чтобы люди могли продолжать путь съ большей

бодростью. Но все-таки эта работа далеко превосходила ихъ силы, потому что, когда они приблизились къ кораблю, Томъ Синглетонъ, который увидѣлъ ихъ изъ люка и подошелъ навстрѣчу, нашелъ, что они были почти въ состояніи остолебенія и говорили несвязно, иногда самыя безтолковыя мысли высказывали совершенно серьезно.

Между тѣмъ съ корабля были принесены къ нимъ пріятныя извѣстія. Въ ихъ отсутствіе было куплено у эскимосовъ два медвѣдя и моржъ. Отрядъ этихъ гладкихъ, жирныхъ, добродушныхъ и косматыхъ людей расположился лагеремъ возлѣ «Дельфина» и занимался своимъ главнымъ и любимымъ дѣломъ—ѣдой.

ГЛАВА XXIV.

Конецъ зимы.—Первое насѣкомое.—Приготовленія къ отплытію.
—Опасность и спасеніе.—Прорубливаніе прохода.—Корабль снова на ходу.—Пожаръ на кораблѣ.—Экипажъ садится на шлюпки.

Зима, съ ея теплотой и морозами и, къ счастью, съ ея непріятностями, кончилась; лѣто — свѣтлое, теплое лѣто — наконецъ наступило, на радость людямъ и животнымъ полярныхъ странъ.

Мы съ намѣреніемъ не упомянули о веснѣ, потому что, собственно говоря, въ арктическомъ поясѣ нѣтъ такого времени года. Зима кончается оттепелью, а лѣто начинается дыханіемъ теплоты. Эту теплоту по настоящему не должно называть теплотой; если ее сравнивать съ тѣмъ, что мы называемъ теплотой въ широтахъ болѣе южныхъ. Но контрастъ между зимними морозами и этой

Балантайнь.

теплотой лѣта такъ рѣзокъ, что вамъ кажется будто жаркій поясъ подвинулся къ полюсу.

Около начала іюня показались признаки приближенія теплыхъ дней. Съ камней стала капать вода и по ледянымъ горамъ начали струиться потоки. Скоро всѣ предметы сдѣлались мокрыми и ледяной поясъ подвергся замѣтному измѣненію; на вершинѣ его появились пруды, съ которыхъ вода вытекала чрезъ края и падала по скатамъ возвышенности.

Тюленей въ окрестности появилось больше, и ихъ часто убивали возлѣ прогалинъ; такъ что свѣжаго мяса было изобильно и скорбуту нанесенъ былъ рѣшительный ударъ. Сѣверные олени, кролики и нѣкоторыя птицы начали часто посѣщать заливъ, такъ что кладовая была всегда полна и столъ экипажа представлялъ пріятное разнообразіе, крысы перестали уже быть единственнымъ свѣжимъ блюдомъ за каждымъ столомъ. Съ юга прилетѣло нѣсколько малыхъ птицъ, которыхъ экипажъ привѣтствовалъ какъ предвѣстниковъ приближающаго лѣта.

Однажды О'Рилей сидѣлъ на солнышкѣ и радостно упивался его лучами. Онъ былъ болѣнъ и теперь выздоравливалъ. Возлѣ него стоялъ Боззби.

— Я думаю,—сказалъ Боззби,— что мы и наполовину не знали радостей, какія насъ ожидали въ этомъ ледяномъ мірѣ, пока не пришлось испытать ихъ. Посмотри-ка, какъ мы радуемся солнцу и теплотѣ, какъ будто грудомъ золота.

— Золото!—отозвался О'Рилей презрительнымъ тономъ;— я никогда прежде не цѣнилъ такъ мало золота, увѣряю тебя. За золото можно купить многое, это правда; но солнечнаго свѣта не купить за золото. Ей! что это такое?

О'Рилей при этомъ вопросѣ махнулъ рѣкой.

— Посмотри, Боззби! Осторожно! загляни въ отверстіе моего кулака.

— Что тамъ такое?—спросилъ Боззби, приблизившись и пристально разсматривая сжатую руку своего товарища съ нѣкоторымъ любопытствомъ.

— Вонъ, выползла! видишь? не такъ скоро, дружочекъ.

Когда онъ говорилъ это, маленькая муха, пойманная имъ, выползла изъ его кулака и собиралась улетѣть. Это было первое насѣкомое, посѣтившее эти морозныя страны послѣ многихъ, многихъ мѣсяцевъ, и весь экипажъ сбѣжался, чтобы привѣтствовать эту муху, какъ будто это былъ его старей, дорогой другъ.

Пусти эту бѣдняжку! закричало полъ дюжины матросовъ, смотря на маленькую плѣнницу съ такимъ интересомъ, который не въ состояніи понять тотъ, кто не прошелъ чрезъ такія испытанія, какъ наши Арактическіе путешественники.

Ай, не тисни ее, бѣдняжку. Ты слишкомъ крѣпко ее сдавилъ! закричалъ Эмосъ Парръ.

— Я, сдавить ее! нѣтъ, я этого не сдѣлаю. Лети своей дорогой, благословляю тебя.

Здоровая, грубая рука растворилась, и крошечное насѣкомое распростерло свои сѣтчатыя крылышки и зажужжало, улетаѣ въ свѣтлый воздухъ, въ которомъ скоро потерялось изъ виду.

— Достаньте пилы, мистеръ Болтонъ, ведите всѣмъ пилить ледъ, и приготовьте боченокъ съ порохомъ,—закричалъ капитанъ Гай, взбѣжавъ поспѣшно на палубу.

Слушаю, сэръ—отвѣтилъ лейтенантъ.—Всѣ съ пилами! Живѣй ребята! Гей, Мистеръ Сондерсъ! Гдѣ мистеръ Сондерсъ?

— Здѣсь—спокойно отвѣчалъ почтенный младшей лейтенантъ.

— Ахъ, вы здѣсь? достаньте пороху, мистеръ Сондерсъ, и нѣсколько цилиндровъ.

Эти приказанія отдавались и исполнялись съ такой охотой и задумчивостью, которая показывала, что они имѣли болѣе чѣмъ обыкновенный интересъ. Они въ самомъ дѣлѣ имѣли такой интересъ, потому что теперь пришло время, когда нужно было разрубать ледъ вокругъ корабля, приготовляться къ отплыву, чтобы воспользоваться первымъ благопріятнымъ вскрытіемъ льда.

— Вы надѣетесь что-нибудь сдѣлать этимъ?—спросилъ капитанъ Эллисъ капитана Гая, который наблюдалъ, какъ матросы прыгали чрезъ бортъ и прорубливали во льду отверстія, чтобы вставить въ нихъ пилы и цилиндры съ порохомъ.

— Не много,—отвѣтилъ капитанъ Гай,—но въ

этихъ странахъ и изъ — за немногаго стоитъ биться, какъ вамъ хорошо извѣстно. Много разъ мнѣ приходилось видѣть, какъ весь экипажъ корабля много часовъ сряду тянулъ за канаты и, при всѣхъ этихъ усиліяхъ, успѣвалъ подвинуть корабль на одинъ ярдъ; но въ тоже время я не разъ видѣлъ, что корабль спасался отъ разрушенія, пробившись всего на одинъ ярдъ впередъ.

— Это такъ,—сказалъ капитанъ Эллисъ,—я и самъ видѣлъ такіе случаи. Я думаю, что нѣтъ на землѣ мѣста подобнаго полярнымъ странамъ, гдѣ бы такъ рѣзко выступали двѣ великія, повидимому противоположныя истины, а именно, что крайняя необходимость заставляетъ человѣка напрягать всѣ свои силы, чтобы совершить дѣло собственнаго избавленія, и что человѣкъ самъ не въ состояніи себѣ помочь и долженъ полагаться на верховную волю Бога.

— Когда намъ опускать цилиндръ, сэръ,—спросилъ Болтонъ, взбѣжавъ на палубу и снимая шапку.

— Черезъ часъ, мистеръ Болтонъ, черезъ часъ будетъ полный приливъ, и мы хотимъ попробовать, нельзя ли чего-нибудь сдѣлать посредствомъ взрыва.

— По моему мнѣнію,—замѣтилъ Сондерсъ, проходившій мимо съ двумя большими мѣшками пушечнаго пороху,—по моему мнѣнію, изъ этого ни-

чего не выйдетъ. Это только поломаеъ ледъ вокругъ корабля.

— Это именно я и имѣю въ виду, мистеръ Сондерсъ, — сказалъ капитанъ, улыбаясь. — Намъ тогда легче будетъ воспользоваться случаемъ, когда тронется ледъ, чтобы выйти отсюда.

Какъ предсказывалъ Сондерсъ, посредствомъ пилъ и пороху ледъ, окружавшій корабль, былъ только раздробленъ; но освобожденіе пришло съ другой стороны и притомъ скорѣе, чѣмъ кто-нибудь на кораблѣ ожидалъ. Въ эту ночь поднялась буря, которая по своей силѣ равнялась, если не превосходила, самымъ жестокимъ бурямъ, какія имъ приходилось испытать въ эту зиму. Она привела въ движеніе большія горы полярныхъ морей, и эти движущіяся громады медленно и величественно начали подвигаться къ югу, проламываясь сквозь льдины, опрокидывая ледяные холмы, и раскалывая пласты льда въ своемъ спокойномъ, но неудержимомъ шествіи. Два дня продолжалась эта борьба льдовъ; иногда эти борящіеся силы заходили въ Заливъ милосердія, угрожая разрушеніемъ маленькому судну, которое въ сравненіи съ ними представлялось атомомъ, едва замѣтнымъ въ этой дикой картинѣ и могло быть въ одинъ мигъ раздавлено и послано ко дну.

Одна льдина поднялась надъ поверхностью воды и стала какъ наклонившаяся стѣна возлѣ самой кормы «Дельфина», гдѣ весь экипажъ стоялъ на-

готовѣ съ шестами, чтобы сдѣлать все, что только возможно для предотвращенія гибели, но ихъ слабыя усилія ни къ чему бы не послужили, еслибы медленно двигавшаяся масса продолжала свой путь.

— Спускай кормовую шлюпку, — закричалъ капитанъ, когда льдина въ шесть футовъ толщины упала возлѣ праваго бока кормы.

Боззби, Гримъ и другіе поспѣшили исполнить приказаніе, но прежде чѣмъ они успѣли спустить шлюпку, масса льда вдругъ поднялась на нѣсколько футовъ надъ палубой, и придавила шлюпку. Брусъя шлюпки вогнулись, гребецкія банки повыскакивали или поломались и шлюпка постепенно сплюснулась между льдиной и боками корабля, какъ яичная скорлупа, сдавленная сильной рукой.

— Отталкивай, ребята, если она пойдетъ дальше, то мы погибли, — закричалъ капитанъ, и схватилъ одинъ изъ длинныхъ шестовъ, которыми экипажъ напрасно работалъ изо всѣхъ силъ. Напрасно они старались остановить движеніе горы. Она шла впередъ и уже поломала перила съ правой стороны кормовой палубы. Провидѣніе однако спасло корабль. Гора сѣла на мель и остановилась, но ея вершина, висѣвшая надъ кораблемъ, отломилась и упала на палубу, отчего весь корабль затрясся. Нѣкоторыхъ матросовъ сбросило на ледъ, но ни одинъ не пострадалъ серьезно въ этой катастрофѣ.

Когда буря стихла, ледъ въ преходѣ весь былъ въ движеніи, а вокругъ корабля такъ поломался, что «Дельфинъ» казалось скоро можетъ выйти на открытую воду и плыть по своей родной стихіи. Поэтому были сдѣланы всѣ приготовленія къ отплытію; грузъ перенесли со Складочнаго острова на корабль; паруса расправили, а тѣ, которые были сняты, опять привязали къ реямъ, словомъ все было сдѣлано, что можно было сдѣлать при данныхъ обстоятельствахъ. Но еще прошла цѣлая недѣля, пока имъ удалось окончательно верповаться изъ залива въ открытое море.

День былъ прекрасный, когда совершилось это счастливое событіе. Предъ наступленіемъ полного прилива, когда весь экипажъ ожидалъ приказанія взяться за кабельтовы, капитанъ созвалъ всѣхъ въ каюту къ утренней молитвѣ. По прочтеніи молитвы, онъ сказалъ:

Друзья мои, благодаря великому милосердію Бога, мы всѣ за исключеніемъ одного пережили лишенія и тоску длинной, скучной зимы, и скоро, я надѣюсь, выйдемъ изъ льдовъ, такъ долго державшихъ насъ въ заточеніи. Я пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы заявить вамъ, что, если мнѣ посчастливится возвратиться домой, я вправѣ буду сказать, что каждый изъ васъ исполнилъ свой долгъ. Вы никогда не отступали отъ него въ минуты опасности и никогда не роптали въ минуты испытаній. Только одинъ—нашъ покойный добрый то-

варищъ Джозефъ Уэстъ палъ въ борьбѣ. За помощь, которая насъ никогда не оставляла, и за успѣхъ въ отысканіи моего достойнаго друга капитана Эллиса, мы должны чувствовать глубочайшую благодарность къ Всемогущему. Нужно также молиться о томъ, чтобы Онъ благословилъ насъ на предстоящіе намъ труды, потому что вамъ не безъизвѣстно, что намъ придется долго бороться со льдомъ, пока достигнемъ чистаго голубаго моря. Теперь, ребята, на палубу за кабельтовы, потому что скоро наступитъ полный приливъ.

Приливъ подвигался дюймъ за дюймомъ и наконецъ «Дельфинъ» всплылъ на воду. Моряки прокричали трижды веселое ура, и Эмось Парръ пропѣлъ одну изъ тѣхъ пѣсенъ, которыя составляютъ душу всѣхъ работъ моряковъ. Наконецъ добрый корабль двинулся впередъ и, пробиваясь между раздробленными льдинами, медленно вышелъ изъ Залива милосердія.

— Повѣрите ли, я чувствую не малое горе, покидая это печальное мѣсто?—сказалъ Фредъ своему отцу.—Я не повѣрилъ бы, что можно такъ привязаться къ нему.

— Мы привязываемся ко всякому мѣсту, Фредъ, гдѣ намъ случалось испытывать глубокія чувства. Съ этими скалами и камнями тѣсно связано много такихъ происшествій, которыя причиняли тебѣ радость и горе, надежду и страхъ, страданіе и счастье. Люди любятъ воспоминанія о такихъ

чувствахъ и потому привязываются къ тѣмъ мѣстамъ на землѣ, съ которыми они связаны.

— Ахъ, батюшка, по крайней мѣрѣ одинъ камень, который тамъ стоитъ, вызываетъ чувства грусти.

Говоря это, Фредъ указалъ на Складочный островъ, который чрезъ минуту долженъ былъ исчезнуть у нихъ изъ виду. На этомъ уединенномъ мѣстѣ моряки положили большой камень надъ могилой Джозефа Уэста. О'Рилей, который по своему восторженному темпераменту оплакивалъ своего товарища можетъ быть больше, чѣмъ всякій другой, вырѣзалъ на этомъ камнѣ грубыми буквами его имя и время его кончины. Этотъ камень былъ самымъ выдающимся предметомъ на низменномъ островѣ, и глаза всѣхъ моряковъ были обращены къ нему, когда «Дельфинъ» проходилъ мимо острова. Скоро край утеса, который такъ долго защищалъ ихъ отъ многихъ западныхъ вѣтровъ, навсегда закрылъ его для ихъ глазъ. Чрезъ недѣлю плаванія при непрерывномъ попутномъ вѣтрѣ, «Дельфинъ» былъ уже далеко къ югу отъ печальнаго мѣста своей зимовки, и все шло хорошо, какъ вдругъ неожиданно обрушилось на корабль самое худшее изъ бѣдъ, пожаръ. Какъ это случилось, никто не могъ объяснить. Сначала увидѣли дымъ, внезапно поднявшійся изъ трюма. Тотчасъ поднялась тревога.

— Пожарные по своимъ мѣстамъ! — закричалъ ка-

питанъ. Берите ведра. Наблюдайте порядокъ, ребята, не производите суматохи. Слушайтесь приказаній.

— Слушаемъ,—былъ короткій отвѣтъ, и приказанія дѣйствительно исполнялись. Каждое приказаніе исполнялось тотчасъ съ такой поспѣшностью, которая проявляется только въ такія минуты, когда жизнь виситъ на волоскѣ.

Боззби стоялъ у правой, а Петръ Гримъ лѣвой шкафуты, а между каждымъ изъ нихъ и главнымъ люкомъ, изъ котораго вылетали все сгущаясь и сгущаясь клубы черного дыма, стояло два ряда матросовъ. Ведро за ведромъ вливалось въ трюмъ, и дѣлалось все, что только можно было сдѣлать, но все это было бесполезно. Огонь увеличивался. Внезапно длинный языкъ пламени вышелъ изъ выпускавшаго дымъ трюма и сталъ подниматься вверхъ по мачтамъ и снастямъ.

— Надежды нѣтъ никакой, — сказалъ капитанъ Эллисъ низкимъ голосомъ, положивъ руку на плечо капитана Гая.

Капитанъ Гай ничего не отвѣчалъ, но нѣкоторое время смотрѣлъ съ глубокимъ сожалѣніемъ на разрушающую работу огня, потомъ вдругъ побѣжалъ къ лѣвой кормовой шлюпкѣ.

— Теперь, ребята, — закричалъ онъ энергически, — спускайте шлюпки. Снесите запасы, мистеръ Болтонъ и пару запасныхъ парусовъ. Мистеръ Сондерсъ, смотрите за аммуниціей и ружьями. Жи-

вѣй, ребята, каюта скоро такъ нагрѣется, что не покажетесь въ нее.

Показывая примѣръ, капитанъ побѣждалъ въ каюту съ Фредомъ и Томомъ Синглетеномъ, которые захватили карты, компасъ, хронометръ и квадрантъ, а также путевую книгу и различные журналы и замѣтки путешествія. Капитанъ Эллисъ также оказалъ дѣятельную помощь, и, владея хладнокровіемъ и самообладаніемъ, вспомнилъ и захватилъ много вещей, которыя оказались въ послѣдствіи очень полезными и которыя, еслибы не онъ, навѣрно были бы забыты въ такой суматохѣ.

Между тѣмъ были спущены двѣ самыя большія шлюпки, какія были на кораблѣ, а на нихъ свалены запасы, мачты, паруса, весла и пр. Немногія оставшіяся собаки были также забраны, и затѣмъ экипажъ сѣлъ на шлюпки и поспѣшно отплылъ. Еслибы они не поторопились сдѣлать это, то чрезъ минуту уже было бы поздно. Огонь добрался до мѣста, гдѣ хранился пушечный порохъ, и хотя его было небольшое количество, но достаточное для того чтобы взорвать на воздухъ палубу. Вѣтеръ, имѣя теперь свободный доступъ, раздулъ огонь въ страшное пламя, которое чрезъ нѣсколько минутъ охватило весь корабль. Огонь былъ замѣченъ вскорѣ послѣ захода солнца. Въ

два часа добрый корабль сгорѣлъ до поверхности воды; потомъ въ него хлынули волны и, затушивъ огонь, затопили почернѣвшій его остовъ, предоставивъ двумъ шлюпкамъ плыть въ темнотѣ ночи по лону покрытаго льдомъ моря.

ГЛАВА XXV.

Счастливое прибытіе въ Уппернавикъ. — Письмо изъ дому. —
Бабушка Митэка. — Опять Домпсъ и Покеръ.

Въ продолженіе трехъ длинныхъ недѣль вѣтры и волны гнали лишившихся корабля моряковъ по льдистому морю въ ихъ открытыхъ шлюпкахъ. Наконецъ они прошли сквозь всѣ опасности и достигли безопаснаго мѣста — Уппернавика. Здѣсь они нашли нѣсколько кораблей, готовившихся отплыть въ Европу; одинъ изъ нихъ отправлялся въ Англію и экипажъ «Дельфина» рѣшился сѣсть на этотъ корабль.

Въ этомъ уединенномъ поселеніи не случилось ничего особенно интереснаго, исключая одного событія, которое по своей важности заслуживаетъ то го, чтобы обратить на него особенное вниманіе. Это важное событіе было ни иное что, какъ

полученіе Фредомъ письма отъ своей двоюродной сестры Изабеллы! Фредъ и Изабелла росли нѣсколько лѣтъ вмѣстѣ и любили другъ друга какъ братъ и сестра.

Фредъ получилъ это письмо у пастора поселенія, скоро послѣ того, какъ они высадились на берегъ, когда его отецъ и капитанъ Гай были на борту англійскаго брика для заключенія условій о перевозѣ экипажа Дельфина домой. Онъ не хотѣлъ вѣрить своимъ глазамъ, когда взглянувъ на хорошо знакомый почеркъ, но наконецъ, удостоверившись въ истинѣ факта, что онъ держитъ въ рукахъ настоящее письмо, удалился за одну изъ любопытныхъ первобытныхъ хижинъ, чтобы прочесть его. Здѣсь онъ встрѣтилъ толпу любопытныхъ туземцевъ и потому съ выраженіемъ нетерпѣнія побѣжалъ въ другое мѣсто; но его замѣтили эскимосскіе мальчишки и слѣдовали за нимъ; въ отчаяніи онъ искалъ убѣжища въ маленькой церкви, поблизости которой онъ находился. Не успѣлъ онъ пробыть тамъ и двухъ секундъ, какъ въ церковь вошли двѣ старухи, и, приблизившись къ нему, начали разсматривать его испытующими глазами. Выведенный изъ терпѣнія, онъ засунулъ письмо за пазуху, и вышелъ изъ церкви, и тотчасъ былъ окруженъ толпой туземцевъ, которые стали дѣлать ему распросы на непонятномъ языкѣ. Видя что нѣтъ другаго средства, Фредъ побѣжалъ къ горамъ такимъ ша-

гомъ, который дѣлалъ невозможнымъ преслѣдованіе, и, остановившись въ срединѣ скалистаго оврага, усѣлся на большой камень, чтобы прочитать письмо.

Прочитавъ его, онъ перечиталъ въ другой разъ; перечитавъ, онъ прочиталъ еще разъ. Перечиталъ еще разъ, помечталъ немножко, и повторилъ нѣсколько разъ въ порывѣ чувства. Моя милая Изабелла. Потомъ прочиталъ отрывки изъ письма въ различныхъ мѣстахъ; сдѣлавъ это, онъ прочиталъ другіе отрывки, и такимъ образомъ пробѣжалъ все письмо еще разъ. Такъ какъ письмо было довольно длинное, то это чтеніе и перечитываніе заняло значительное время; потомъ вдругъ онъ вспомнилъ, что поступилъ слишкомъ эгоистично, наслаждаясь письмомъ такъ долго одинъ, вмѣсто того чтобы подѣлиться съ отцемъ, и послѣшно вскочилъ и побѣжалъ въ деревню, гдѣ онъ нашелъ стараго мистера Эллиса занятымъ серьезнымъ разсужденіемъ съ мѣстнымъ пасторомъ. Взявъ своего родителя за руку, онъ отвелъ его въ залу и осмотрѣвшись вокругъ себя, чтобы убѣдиться, что въ комнатѣ никого нѣтъ, онъ попытался—было замкнуть дверь но дверь была патріархальная, и не имѣла при себѣ никакой задвижки. Поэтому онъ приставилъ къ ней старинный стулъ, и усѣвшись на немъ, и посадивши отца противъ себя, развернулъ письмо, и еще разъ прочиталъ его отъ начала до конца.

Письмо было отъ двѣнадцати мѣсяцевъ. и заключало въ себѣ слѣдующее:

Гейтонъ 25-го Іюля.

Милый Фредъ,

Вотъ уже два мѣсяца, какъ ты оставилъ насъ! и эти два мѣсяца показались мнѣ двумя годами. О! какъ я постоянно ожидаю твоего возвращенія, Когда я подумаю объ ужасныхъ опасностяхъ, которымъ ты можешь подвергнуться среди льдовъ, то мое сердце ноетъ, и я подъ часъ боюсь, что мы никогда больше не увидимъ тебя, или твоего любезнаго отца. Но ты въ рукахъ нашего небснаго Отца, милый Фредъ, и я никогда не перестаю молиться объ успѣхѣ твоего путешествія и о благополучномъ возвращеніи твоёмъ. Добрый старикъ мистеръ Синглетонъ говорилъ намъ вчера, что онъ имѣетъ удобный случай послать въ Датское поселеніе въ Гренландіи, и я рѣшилась писать, хотя и очень сомнѣваюсь, чтобы мое письмо нашло тебя въ такой ужасно далекой странѣ.

О, когда я подумаю, гдѣ ты теперь, то мнѣ припоминаются всѣ романическіе рассказы, какіе я когда-нибудь читала о Полярныхъ странахъ, и представляю себѣ тебя героемъ всѣхъ этихъ рассказовъ. Но я не должна такъ бесполезно портить бумагу. Я знаю, что тебѣ хочется знать новости. Я, однако, мало ихъ могу сообщить тебѣ

Добрый старикъ мистеръ Синглетонъ былъ очень добрѣ къ намъ со времени вашего отъѣзда. Онъ часто заходитъ къ намъ и очень успокоиваетъ мою любезную маменьку. Твой другъ, докторъ Синглетонъ, будетъ радъ услышать что онъ здоровъ и крѣпокъ. Скажи моему другу Боззби, что его жена шлетъ ему «поклонъ». Я смѣюсь пиша это слово! Да она дѣйствительно шлетъ «поклонъ» своему мужу. Она очень суха, но все-таки превосходная женщина. Мы съ маменькой заходимъ къ ней всякій разъ, когда намъ случается быть въ деревнѣ. Его оба сына прекраснѣйшіе мальчики, какихъ я когда-нибудь видѣла. Они оба такъ похожи одинъ на другаго, что мы затрудняемся сказать, который изъ нихъ который, когда они раздѣлятся, и оба такъ похожи на своего отца, что, глядя на котораго-нибудь изъ нихъ, мы почти воображаемъ себѣ, что это онъ самъ.

Когда мы были послѣдній разъ у нихъ, они были въ немилости, потому что Джонни толкнулъ Фредди въ помойную кадку, а Фредди, въ отмщеніе, вылилъ на голову Джонни кружку патоки. Я совершенно увѣрена, что мистрисъ Боззби мучится, что она вдова—какъ она называетъ себя—и очень будетъ рада, когда возвратится ея мужъ. Но я должна оставить шутки для окончанія письма, а сначала сообщить тебѣ подробныя извѣстія обо всѣхъ твоихъ друзьяхъ.»

Затѣмъ слѣдуетъ шесть страницъ мелко испи-

саннаго quarto, которыя, какъ онѣ ни были интересны для тѣхъ, которыхъ касались, не могутъ быть занимательны для нашихъ читателей; поэтому мы прерываемъ письмо Изабеллы въ этомъ мѣстѣ.

— Капитанъ готовъ взойти на бортъ, сэръ, — сказалъ О'Рилей, снимая шапку, капитану Эллису, когда онъ занятъ былъ разсужденіемъ о прочитанномъ письмѣ съ своимъ сыномъ.

— Очень хорошо.

— Не будетъ ли вамъ угодно, сэръ, побезпокоиться заглянуть къ Мистрисъ митэкъ мимоходомъ, это будетъ очень пріятно вашему сердцу.

— Очень хорошо, мы заглянемъ къ ней, отвѣтилъ капитанъ, выходя изъ дому почтеннаго пастора.

Личность, которую О'Рилей титуловалъ мистрисъ Митэкъ, была бабушка Митэка. Эта старая дама была эскимоска, которой возрастъ можно алгебраически назвать неизвѣстнымъ количествомъ. Она жила въ опрокинутой шляпкѣ, въ днѣ которой было вставлено маленькое оконце, а въ боку прорублено отверстіе, служившее дверью. Когда капитанъ Эллисъ и Фредъ заглянули въ это жилище, старуха, которая была просто масса, состоявшая изъ костей и поморщенной кожи, сидѣла на кучѣ мха возлѣ огня, дымъ отъ котораго выходилъ въ отверстіе, продѣланное во днѣ шляпки. Предъ ней сидѣлъ ея внукъ, Митэкъ; на полотнѣ, разостланномъ у ея ногъ, разложены были всѣ

*

подарки, которыми этотъ хорошій охотникъ былъ награжденъ своими товарищами съ «Дельфина». Мать Митэка умерла нѣсколько лѣтъ назадъ, и онъ перенесъ всю нѣжность своего отъ природы теплаго сердца на свою старую бабу. Величайшее удовольствіе, которое доставляли ему полученные подарки, состояло въ томъ, что онъ могъ раздѣлить ихъ, насколько это было возможно, съ старухой. Мы говоримъ «насколько было возможно», потому что нѣкоторыя вещи нельзя было раздѣлить, какъ на примѣръ блестящую новую винтовку, оправленный въ серебро охотничій ножъ и рогъ для пороха, которые были даны ему капитаномъ Гай, въ счетъ жалованья за службу и сверхъ жалованья за его драгоцѣнныя заслуги. Но бездѣлюшки всякаго рода, данныя ему моряками, онъ разложилъ у ногъ старухи, которая смотрѣла на каждую вещь съ какимъ-то безсмысленнымъ удивленіемъ, но улыбка на ея изморщенномъ лицѣ свидѣтельствовала о большомъ удовольствіи. Митэкъ пускалъ въ лицо своей бабушки клубы дыму изъ своей трубки, и его лице сіяло радостно. Онъ подкуривалъ старуху, можно сказать, съ намѣреніемъ, потому что зналъ, что это ей доставляетъ удовольствіе.

— У нихъ достаточно всего, чтобы счастливо прожить зиму, — сказалъ капитанъ Эллисъ, выходя изъ хижины.

Да, совершенно достаточно. Не достаетъ имъ только двухъ вещей, для полнаго счастья.

— Какихъ?—спросилъ Фредъ.

— Поросятъ и свиньи, конечно. Этого только одного имъ не достаетъ.

— Гдѣ дѣвались Домпсъ и Покеръ,—спросилъ Боззби, когда они подошли къ шлюпкѣ.

— Ахъ, я совсѣмъ забылъ про нихъ,—сказалъ Фредъ;—обождите минутку, я побѣгу поискать ихъ. Они должно быть гдѣ-нибудь далеко.

Нѣсколько времени поиски Фреда были напрасны. Наконецъ ему пришло въ голову, что скорѣй всего можно ихъ найти въ хижинѣ Митэка. Войдя въ хижину, онъ засталъ ея хозяевъ въ томъ же положеніи, какъ и оставилъ, съ тѣмъ только различіемъ, что старуха, казалось, засыпала надъ своими игрушками.

— Не видалъ ли ты гдѣ-нибудь Домпса и Покера, Митэкъ?—спросилъ Фредъ.

Митэкъ кивнулъ головой и указалъ на уголь гдѣ на кучѣ сухаго снѣгу лежалъ свернувшись Домпсъ; Покеръ лежалъ тутъ же, положивъ, по своему обыкновенію, голову на тѣло своего друга, вмѣсто подушки

— Домпсъ пошелъ спать, сказалъ Митэкъ.

— Поэтому Домпсъ долженъ встать и идти на бортъ,—сказалъ Фредъ.

Сначала сонныя собаки показывали нерасположеніе тронуться съ мѣста, но наконецъ согласи-

лись, и послѣдовали за Фредомъ къ набережной, откуда ихъ перевезли на бортъ корабля.

На слѣдующій день экипажъ «Дельфина» простился съ Митэкомъ и добрымъ, гостепріимнымъ населеніемъ Упперनावика и, на всѣхъ парусахъ, при попутномъ вѣтрѣ, отплылъ въ Англію.

ГЛАВА XXVI.

Возвращеніе.—Удивленіе.—Слова и дѣла Боззби.—Разсказъ.—
Возобновленіе борьбы.—Заключеніе.

Мы еще разъ находимся на краю Грейтонской набережной. Вышедши на берегъ, Фредъ забылъ объ опасностяхъ, прожитыхъ имъ въ послѣдніе годы, и ему казалось, что онъ недавно все это видѣлъ во снѣ.

Здѣсь и капитанъ Гай, и капитанъ Эллисъ, и Боззби, и мистрисъ Боззби, два маленькіе Боззби, и мистрисъ Брайтъ, и Изабелла, и Томъ Синглетонъ, и старикъ мистеръ Синглетонъ, и экипажъ, уцѣлѣвшій послѣ гибели «Дельфина», — однимъ словомъ, «весь міръ» этихъ странъ.

Для Грейтона это былъ великій день. Это былъ необыкновенный день, превосходившій всякое описаніе; были здѣсь и такія вещи, которыя застав-

ляли капитана Эллиса думать, что это былъ таинственный день, потому что среди искреннихъ поздравленій и рыданій отъ восторга со стороны мистрисъ Брайтъ, можно было замѣтить и шопотъ, который приводилъ капитана Эллиса въ недоумѣніе.

— Ну пойдѣмъ-же ко мнѣ, братецъ,—сказала мистрисъ Брайтъ,—у меня есть кой о чемъ поговорить съ тобой.

Фредъ и Изабелла присѣдинись къ нимъ также и пошли съ ними по направленію къ дому мистрисъ Брайтъ.

— Любезнѣйшій братецъ,—сказала мистрисъ Брайтъ,—я... я... о Изабелла, скажи ему... я не могу говорить...

— Что значить вся эта таинственность?—спросилъ капитанъ серьезнымъ тономъ, потому что онъ чувствовалъ, что онѣ хотятъ сообщить ему что-то важное.

— Любезный дядюшка, сказала Изабелла,—помните ли вы, какъ пираты напали....

Она остановилась, потому что взглядъ ея дяди испугалъ ее.

— Ну что, что?—спросилъ онъ поспѣшно.

— Ваша жена, дядюшка, не погибла вѣдь въ это время?

Капитанъ Эллисъ поблѣднѣлъ.

— Ты, другъ мой, спрашиваешь меня о женѣ? какъ вы узнали объ этомъ? — Въ это время въ

головѣ его мелькнула мысль. Онъ взялъ Изабеллу за плечо и, задыхаясь отъ нетерпѣнія, закричалъ:— чтожъ она жива? жива? ну говори же скорѣе.

— Да, любезный дядюшка, она.....

Капитанъ не слушалъ далѣе. Онъ навѣрно упалъ бы, еслибы его не поддержалъ Фредъ, который и самъ чуть держался на ногахъ отъ волненія. Чрезъ нѣсколько минутъ онъ оправился и узналъ отъ своихъ собесѣдницъ, что Алиса жива и находится въ Англіи—у нихъ дома. Все это сказано было тогда, когда они подошли къ двери. Алиса была предупреждена о прибытіи мужа.. Чрезъ минуту мужъ, жена и сынъ были уже вмѣстѣ.

Бываютъ встрѣчи, которыя писателю вовсе не приходится описывать. Такова бы и настоящая встрѣча. Поэтому мы оставимъ капитана Эллиса, его жену и сына изливать другъ предъдругомъ свои глубокія чувства, а лучше пойдемъ вслѣдъ за честнымъ Джономъ Боззби, буксирующимъ по деревнѣ въ сопровожденіи жены, дѣтей и толпы изумленныхъ друзей.

Радость окружавшихъ вызывала въ Боззби сильныя чувства и слезы случайно покатались на его знакомой съ непогодами щекѣ и нависли на концѣ его обоженного солнцемъ и не разъ отмерзавшаго носа несмотря на всѣ его усилія скрыть свое волненіе.

— Ну, сядь же, мой милый Джонъ, сказала ласковымъ, но въ тоже время повелительнымъ тономъ мистрисъ Боззби, введя мужа въ домикъ,

маленькая гостинная котораго скоро набита была народомъ.—Сядь, Джонъ, и Расскажи намъ все.

— Какъ же, начну я рассказывать вамъ весь дневникъ своего путешествія, не успѣвъ еще спросить: «Какъ вы поживаете?»—воскликнулъ Боззби, обнимая своихъ двухъ сыновей, которые, едва только онъ сѣлъ, въ одинъ мигъ, точно маленькіе мичманы, бросились къ его ногамъ, вскарабкались на нихъ, какъ будто на двѣ мачты, и сѣли на его колѣна, будто на свои любимыя краспицъ-саленги.

— Нѣтъ, Джонъ, не дневникъ путешествія,—возражала его жена, застилаая скатертью столъ и разставляя на немъ хлѣбъ, сыръ и пиво;—ты намъ скажи только, какъ и гдѣ вы нашли капитана Эллиса и что случилось съ его экипажемъ.

— Ну, это; пожалуй, можно.

Боззби не любилъ собираться долго. Онъ прищурилъ одинъ глазъ (тотъ, который былъ ближе къ его женѣ, такъ какъ съ этой стороны можно было ожидать шквала) и началъ свой рассказъ, занявшій два часа времени.

Не надо думать, что Боззби говорилъ непрерывно. Не говоря уже о томъ, что вопросы, сыпавшіеся на него со всѣхъ сторонъ, постоянно заставляли его прерывать рассказъ, два маленькіе Боззби запускали руку въ его карманы и трепали его за бакенбарды, какъ будто это были натянутые паруса, да и вообще такъ шалили на ко-

лѣнахъ Боззби, что дѣлали связный рассказъ невозможнымъ. Какъ бы то ни было, рассказъ онъ кончилъ. Послѣ этого мистрисъ Брайтъ дала замѣтить сосѣдямъ что она желала бы, чтобы они оставили ихъ наединѣ, что тѣ и исполнили, называя Боззби въ шутку «стволомъ», а его дражайшую половину «вѣтвью».

— Ну, до свиданія, старый весельчакъ, — сказалъ послѣдній изъ уходившихъ; что, — румпель опять поставленъ по срединѣ корабля, а?

— Крѣпко-на-крѣпко, — отвѣтилъ Боззби скаля зубы и, затворивъ за нимъ дверь, возвратился на лоно своего семейства.

Спустя два дня въ домѣ мистрисъ Брайтъ данъ былъ пиръ, на который приглашены были всѣ друзья этого семейства повидаться съ капитаномъ Эллисомъ и тѣми, которые возвратились изъ долгаго и опаснаго путешествія.

Чрезъ два дня данъ былъ другой пиръ, на этотъ разъ Боззби былъ хозяиномъ, а хижина Боззби была сценой дѣйствія. Это было веселое и шумное собраніе, потому что здѣсь оказались О'Рилей, и Петръ Гримъ, и Эмосъ Парръ, и Дэвидъ Миззль, и Мивинсъ, словомъ, цѣлый экипажъ погибшаго «Дельфина» — капитанъ, лейтенанты, докторъ и всѣ. Здѣсь были также и Фредъ съ отцомъ, и старый мистеръ Синглетонъ, и множество другихъ друзей, такъ что двери во всѣхъ комнатахъ должны были быть растворены, и

тогда даже мистрисъ Боззби едва находила возможность протискаться сквозь толпу. Здѣсь Боззби разсказалъ матросамъ, какъ мистрисъ Эллисъ спаслась отъ утопленія въ ту ночь, когда на «Вестъ-Индійца» напалъ пиратскій корабль. Такъ какъ читатель, можетъ быть, предпочтетъ разсказъ Боззби нашему, то мы и передадимъ его слово въ слово.

— Это вотъ какъ случилось,—началъ Боззби.

— Нѣтъ, погоди ещеразсказывать, прежде дай уголекъ закурить трубку,—сказалъ Петръ Гримъ.

— На вотъ тебѣ, только не мѣшай ему разсказывать,—сказалъ О'Рилей, взявъ въ руки требуемый горящій уголь съ такой небрежностью, какъ будтобы его пальцы были изъ желѣза.

— Ну-съ, такъ изволите видѣть,—началъ опять Боззби,—когда бѣдная мистрисъ Эллисъ выброшена была за бортъ, какъ это я видѣлъ собственными глазами.

— Постой, Боззби, скажи прежде, какъ была ея голова въ это время?

— Стой, Мивинсъ, не мѣшай,—закричало нѣсколько голосовъ,—не слушай его, Боззби, продолжай.

— Гм... я полагаю, что голова ея была къ юго-западу, если не къ сѣверо-востоку. А можетъ быть и въ другомъ какомъ-нибудь направленіи, на компасъ не смотрѣлъ. Но, какъ я уже сказалъ, когда мистрисъ Эллисъ упала на воду (и надо вамъ замѣтить, что она мнѣ сама все это разска-

зывала), она сначала потонула, а потомъ опять всплыла, сама не знаетъ какъ ухватилась за весло, которое плавало какъ разъ возлѣ нея, и стала кричать о помощи, помощи, однако, не было, потому что тогда было темно и корабль скрылся. Она уже считала себя погибшей, какъ вдругъ весло ударилося объ огромный обломокъ разбитаго пиратскаго бота, она взобралась на него и пролежала здѣсь, продрогнувъ почти до смерти, до самаго утра. Первый предметъ, который съ наступленіемъ утра попался ей на глаза, былъ большой корабль, плывшій прямо на нее, и въ то время, какъ она готова была пойти ко дну, одинъ изъ экипажа замѣтилъ ее.

— Вороти налѣво!—закричалъ онъ.

— Слушаю,—сказалъ рулевой, и корабль круто повернулъ налѣво, обходя обломокъ, на которомъ несчастная сидѣла. Въ одинъ мигъ шлюпка спустилась на воду и мистрисъ Эллисъ взята была на бортъ. Здѣсь она узнала, что корабль этотъ плылъ къ Сандвичевымъ островамъ и что капитанъ не намѣренъ останавливаться на пути ни въ какомъ портѣ; во всякомъ случаѣ, мистрисъ Эллисъ не оставалось, какъ плыть на немъ, куда бы онъ ни пошелъ. За бѣдой всегда идетъ новая бѣда. Корабль разбитъ былъ на коралловомъ рифѣ; экипажу оставалось сѣсть на лодки, что онъ и сдѣлалъ и прибылъ благополучно къ землѣ, которая, какъ оказалось, была однимъ изъ отдаленнѣйшихъ

Фиджійскихъ острововъ, никогда не посѣщаемыхъ кораблями; они рѣшились здѣсь остановиться.

— А я думалъ,—сказалъ Эмосъ Парръ,—что Фиджіи это—каннибалы и что, если кто потерпитъ у ихъ острова кораблекрушеніе или кого прибьетъ къ берегу бурей, то они сейчасъ же убиваютъ его, жарятъ и ѣдятъ.

— Да, это правда,—замѣтилъ Боззби, но Провидѣніе привело ихъ на одинъ изъ острововъ, посѣщенныхъ христіанскимъ миссіонеромъ. Такимъ образомъ экипажъ избѣгъ подобной участи и жилъ между туземцами безъ всякаго опасенія. Скоро они покинули островъ и вышли на своихъ шлюпкахъ въ море, а мистрисъ Эллисъ рѣшилась остаться здѣсь, чтобы помогать туземцамъ, христіанамъ, до тѣхъ поръ, пока какой-нибудь корабль не будетъ проходить мимо этого острова. Въ теченіе трехъ лѣтъ, одни только лодки и плавали въ виду этого уединеннаго острова; наконецъ-таки причалилъ сюда брикъ и бросилъ якорь у берега. Это было австралійское купеческое судно, которое бурей отброшено было въ сторону съ его пути въ Англію; капитанъ взялъ мистрисъ Эллисъ на бортъ и привезъ домой — и такъ вотъ какъ было дѣло.

Этотъ разсказъ Боззби, какъ онъ ни кажется неполонъ, дотога понятенъ, что мы находимъ излишнимъ дополнять его. Когда онъ кончилъ разсказъ, гости подошли къ разскащику и разговоръ сдѣлался общимъ.

Объ этомъ путешествіи чрезъ нѣсколько лѣтъ еще вспоминали въ деревнѣ, какъ о самомъ любопытномъ событіи, которое когда-нибудь случалось. Однимъ изъ величайшихъ развлеченій было то, когда хорошій раскащикъ вечеромъ со всѣми подробностями рассказывалъ о приключеніяхъ послѣдняго путешествія.

Онъ рассказывалъ удивленнымъ слушателямъ о борьбѣ, которую выдержали путешественники съ природой Полярныхъ морей, о погонѣ за эскимосами и ихъ плѣненіи, объ охотѣ на моржей и медвѣдей, о томъ, какъ предпринимались отдаленныя и трудныя путешествія пѣшкомъ по неизмѣримымъ ледянымъ полямъ, какъ ледяныя горы валились вокругъ ихъ корабля, какъ цѣпи рвались пополамъ; какъ тяжелые якоря вытаскивались льдинами со дна, какъ устраивались школы и театръ и какъ, когда не хватило провизіи, они ѣли мышей, даже съ большимъ наслажденіемъ. Это и много еще другаго рассказывалось въ этотъ знаменитый вечеръ, то однимъ, то другимъ, то иногда, къ величайшему затрудненію слушателей, двумя или тремя вмѣстѣ, и нерѣдко, еще къ большому затрудненію раскащиковъ и слушателей, рассказъ прерывался жалобными воплями и криками двухъ неукротимыхъ маленькихъ Боззби, которые возились съ Домпсомъ и Покеромъ. Наконецъ наступившее утро разогнало компанію и положило конецъ рассказамъ о Мірѣ Льдовъ.

Теперь, читатель, рассказъ нашъ конченъ. Но мы не можемъ разстаться съ тѣмъ, съ кѣмъ мы такъ долго бесѣдовали, не сказавши ему прощальнаго слова.

Не надо думать, что съ этого дня жизнь нашихъ друзей потекла спокойно, невозмутимо. Міръ этотъ есть поле битвы, на которомъ ни одинъ воинъ не находитъ покоя до тѣхъ поръ, пока сойdetъ съ него; а для воина христіанина даже самый часъ смерти есть часъ побѣды. «Измѣняемость»—это слово написано большими буквами на всемъ, что подлежитъ дѣйствию времени; и тотъ, кто хочетъ хорошо исполнить свой долгъ и испытывать возможно большее счастье въ этомъ мірѣ, долженъ стараться о томъ, чтобы быть готовымъ на всякую перемѣну. Люди подлежатъ общему закону. Потокъ ихъ жизни долго можетъ течъ

ровно и спокойно, но рано или поздно, все-таки онъ можетъ встрѣтить на пути своемъ неровное русло или пропасть. Одни потоки много миль текутъ спокойно и только въ концѣ своего пути возмущаются. Другіе при самомъ рожденіи разбиваются о скалы препятствій и уже текутъ извилистыми неровными ручьями, пока не волются наконецъ въ море.

Такова жизнь и героя нашего разсказа. Полюбивъ профессію своего друга, Тома Синглетона, онъ предался изученію медицины и хирургіи и, сдѣлавшись *Medicinae Doctor*, занялся практикой въ Грейтонѣ, цвѣтущемъ приморскомъ городѣ, еще болѣе расширившемся во время практической дѣятельности Фреда. Онъ полюбилъ также одну хорошенькую, молодую дѣвушку изъ сосѣдняго города и женился на ней. Томъ Синглетонъ также избралъ себѣ мѣстомъ жительства Грейтонъ, такъ какъ, по его словамъ, тамъ было мѣста для ихъ обоихъ. Съ самой минуты отплытія «Дельфина» въ полярныя страны, когда онъ увидѣлъ Изабеллу, стоящую на краю набережной, сердце его сдѣлалось ея плѣнникомъ. Изабелла не хотѣла возвратить его Тому до тѣхъ поръ, пока онъ не отдастъ ей ея сердца, которое онъ въ тоже самое время укралъ у нея. Онъ этого сдѣлать не могъ, итакъ рѣшено было всеми, что эти два сердца должны принадлежать другъ другу. Вскорѣ они соединились брачными узами и пригласи-

ли мистрисъ Брайтъ жить у нихъ, не далеко отъ прежней квартиры стараго мистера Синглетона, самаго толстаго и веселаго старика-джентльмена, настоящаго кумира собакъ и ребятишекъ, которые любили его до безумія.

Капитанъ Эллисъ, окончательно рѣшившись жить на берегу и обладая довольно порядочнымъ капиталцемъ, купилъ себѣ у мистрисъ Брайтъ домикъ на зеленомъ холму, закрывавшемъ собой домъ и море. Здѣсь онъ прославился своей благотворительностью и энергіей, съ какой онъ входилъ во всѣ проекты благотворительныхъ учреждений въ городѣ Грейтонѣ. Подобно Тому Синглетону и Фреду, онъ принималъ большое участіе въ положеніи бѣдныхъ и особенно заботился о «нищихъ старухахъ»; онъ тщательно разыскивалъ всѣхъ бѣдныхъ женщинъ въ приходѣ и помогалъ имъ, насколько ему позволяли его средства. Капитанъ Эллисъ прославился также своимъ, замѣчательно хорошо устроеннымъ, садомъ, огромнымъ флагштакомъ и своимъ телескопомъ, который то и дѣло высовывался изъ окна его гостиной и направлялся на море.

Что касается до другихъ, то — капитанъ Гай продолжалъ вести жизнь на морѣ и сдѣлался командиромъ «Вестъ-Индійца». Онъ до конца дней своихъ остался прямодушенъ и крѣпокъ, какъ одинъ изъ дубовыхъ тимберсовъ его прекраснаго корабля.

Болтонъ, Сондерсъ, Мивинсъ, Петръ Гримъ, Эмосъ Парръ и другіе дѣйствующие лица нашего разсказа, въ нѣсколько лѣтъ, разбрелись, какъ и вообще моряки, по всеѣмъ странамъ свѣта. Объ одномъ только О'Рилеѣ можно было получить кое-какія извѣстія. Онъ писалъ Боззби «посредствомъ науки писать, которой онъ научился на бортѣ «Дельфина,» увѣдомляя его о томъ, что онъ оставилъ море и сдѣлался маленькимъ фермеромъ недалеко отъ Корка. У него есть свои поросята и свинья, «которая,—говорилъ онъ,—дотого похожа на ту свинку, которая принадлежала его старой бабушкѣ, что ему кажется, будто или она сама воскресла или произвела на свѣтъ точь въ точь похожую на себя дочь.»

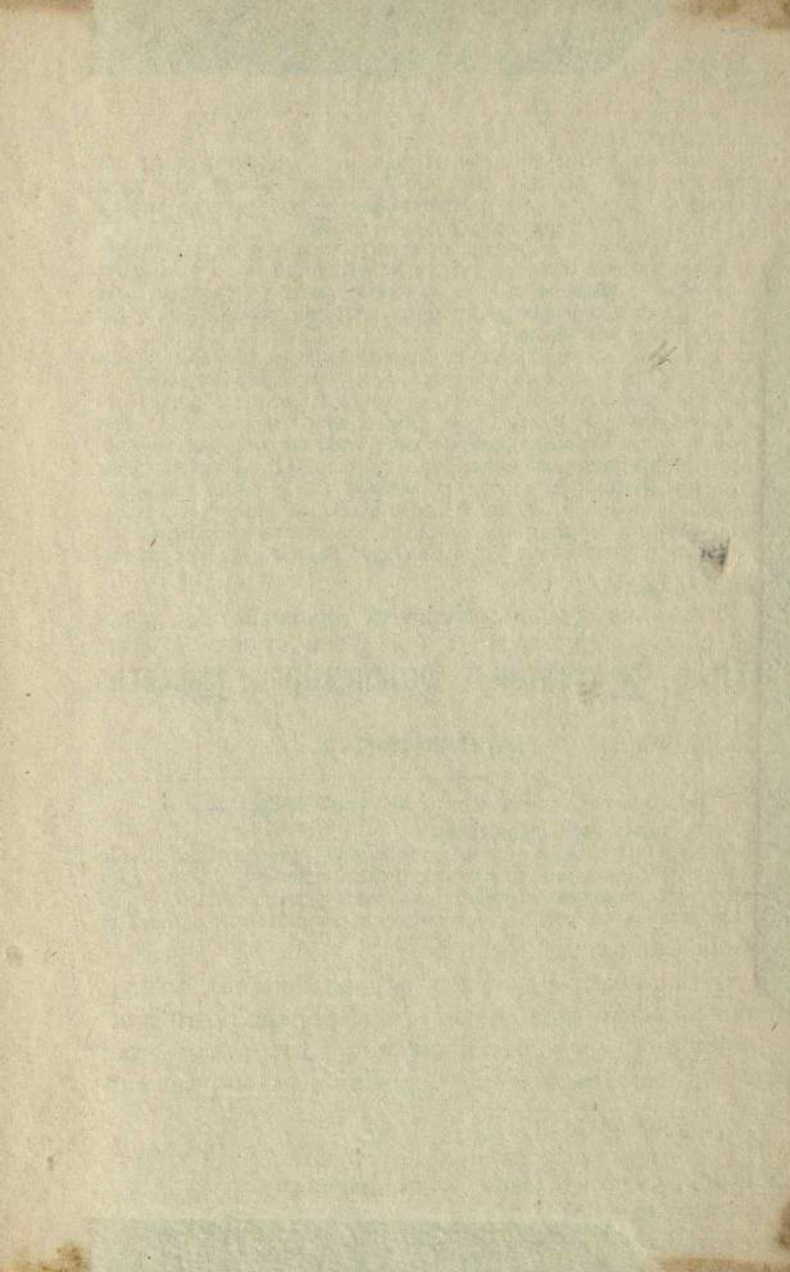
А Боззби — бѣдный Боззби! — онъ навсегда покинулъ море, по настоянію жены и предался различнымъ занятіямъ, которыхъ не мало можетъ найти человѣкъ, желающій трудиться, въ такомъ приморскомъ городѣ, какъ Грейтонъ. Его руль — бѣдный человѣкъ! — опять и на этотъ разъ навсегда поставленъ былъ по срединѣ корабля и, какимъ бы вѣтромъ ни вздумалось мистрисъ Боззби подуть на него, онъ хотя-не-хотя долженъ былъ итти «прямо по вѣтру». Два маленькіе Боззби были утѣшеніемъ его родительскаго сердца. Едва ихъ ноги сдѣлались достаточно длинными, они оба пустились въ море, возвращаясь послѣ каждого путешествія домой и всякій разъ надѣлая своихъ

достойныхъ родителей деньгами и любопытными разсказами о своихъ странствованіяхъ по бѣлому свѣту.

Домпсъ до конца своихъ дней жилъ у капитана Элліса, а Покеръ у Боззби. Эти вѣрныя собаки до самой смерти сохранили привязанность къ своимъ хозяевамъ. Съ каждымъ днемъ онѣ болѣе и болѣе привязывались другъ къ другу, такъ какъ Покеръ сдѣлался степеннѣе и, слѣдовательно, болѣе подходящимъ товарищемъ своего стараго друга. Собаки эти составляли посредствующее звено между семействами Боззби и Элліса, постоянно напоминая, посредствомъ ежедневнаго обмѣна своихъ визитовъ, каждому изъ нихъ о существованіи другаго.

Фредъ и Томъ скоро пріобрѣли репутацію лучшихъ докторовъ, которыхъ когда нибудь видѣла эта страна. И весь секретъ ихъ успѣха заключается въ томъ, что, пользуя больное тѣло людей, они не упустили въ тоже время изъ виду и ихъ больной души. Они употребляли все свои усилія, чтобы остановить развитіе болѣзни, но когда они видѣли, что ихъ усилія напрасны, они не оставляли больного, а обращались къ страницамъ божественной истины и обращали взоры умирающаго страдальца на Іисуса Христа, Великаго Врачевателя душъ. Когда же смерть брала свою добычу, они не покидали его рыдающаго семейства до тѣхъ поръ, пока услуги ихъ могли до-

025
M M

2007334434